

Авгур

Владимир Холкин

Аннотация:

Представьте, что на выпускном вам не просто раздают аттестаты, но и сообщают некую тайну, способную перевернуть представление о реальности.

Глава 1

- А помните, в прошлом году мертвеца нашли? Ну, в двенадцатой школе? Вышли на улицу покурить - всего, наверно, человек десять. Пацаны, девчонки. Все уже пьяные, понятно, аттестаты только что получили. Дело к полуночи, на небе луна висит - вот как сейчас примерно. Зашли за угол, где сирень растет вдоль забора. Стоят, ржут как лошади. Бутылку шампанского со стола утащили, передают по кругу. Из окон - музыка, родители в классе квасят. Ну, один чувак отошел в кусты на минуту и вдруг как заорет на весь двор! Эти все к нему ломанулись, а он им тычет - вон, типа, под кустом. Смотрят - труп лежит натуральный. Даже не труп, а мумия. Высохшая вся, одежда истлела, как будто она тут двести лет провалялась. Глаз нет, но кажется, что эти дыры на тебя смотрят. Представляете?

- Да ладно, хватит гнать. Откуда вдруг такие подробности? Можно подумать, ты там была.

- Мне сестра рассказала!

- А она что, разве из двенадцатой школы?

- У нее там подруга, как раз в прошлом году закончила!

- Тоже мне, блин, источник. Не было там ничего такого. Ну, то есть, был мертвяк, но его уже на следующий день нашли. И никаких мумий - обычный бомж. И не в сирени, а на улице под забором.

- А ты откуда знаешь?

- Участковый наш говорил.

- Кому говорил? Тебе, что ли?

- Отцу говорил! А я случайно услышал.

- Ага, как тот свидетель из анекдота: 'Сижу я в тумбочке...'

- Да иди ты...

...Когда во дворе зажегся единственный уцелевший фонарь, луна обиженно закатилась за крышу кирпичной пятиэтажки. Электрический свет по-хозяйски проник в беседку, увитую лозами дикого винограда. Масти игральных карт, разбросанных на столе, сразу изменили оттенки - червы набухли красным, а пики стали еще чернее. Листья тихо шуршали, когда их касался ласковый ночной ветерок.

Пашка-Пельмень вытащил из магнитолы кассету и стал ее внимательно изучать. Пленка тускло блеснула в молочном свете.

Пашка озабоченно щурился, хмурил брови и строил загадочные гримасы. Он то подносил кассету ближе к глазам, то разглядывал ее издали, поворачивая под разным углом. Потом поскреб ногтем шершавый корпус и легонько подул в разъем, долго принюхивался и даже, кажется, хотел попробовать пластмассу на зуб. Как недоучившийся ювелир, который смутно подозревает, что вместо контрабандных Горючих Слёз ему подсунули бутылочную стекляшку, но доказать не может.

- Что, опять зажевало? - злорадно спросили с другого конца стола.

Пашка отложил свою драгоценность и несколько секунд сидел неподвижно, словно подбирая формулировку. Потом, наконец, сказал:

- Нет. На этот раз пронесло.

- Я удивляюсь, как он вообще до сих пор не сдох. Сколько ему лет, твоему мафону? На нем еще, наверно, твой батя 'Песняров' слушал.

Пашка смерил собеседника взглядом, слегка подался вперед и внушительно произнес:

- Мой батя, знаешь ли...

Но Танька коснулась его плеча и сказала медовым голосом:

- Пашенька, давай лучше погоду послушаем. Батарейки еще не сели?

- Нет, Танечка, еще минут на двадцать должно хватить! - Пельмень расцвел от оказанного доверия и, переключившись на радио, принялся увлеченно крутить настройку. Магнитола захрипела, подавившись атмосферной помехой, потом два раза квакнула и отдельно произнесла: 'Президент Российской Федерации Борис Ельцин...' Пашка поспешно провернул колесико дальше.

- 'Юг FM' лови, - подсказали из глубины беседки. Карточная битва уже затихла, и очередной 'козел' лениво сгребал колоду.

- Без тебя бы в жизни не догадался! - буркнул Пашка, взглядываясь в шкалу. Андрей, сидевший рядом, взял оставленную без присмотра кассету, воткнул в отверстие щепку и начал перематывать пленку. В магнитоле перемотку лучше не трогать - батарейка разряжается слишком быстро. Пашка, тем временем, набрел на нужную станцию:

- И в заключение - о погоде на завтра. Для многих, наверно, это главная новость выпуска, ведь именно завтра, 26 июня по всей стране состоятся выпускные балы! Тысячи, нет десятки и даже сотни тысяч выпускников...

- Интересно, много им платят, чтобы вот так трындеть часами без остановки? - хмуро спросила Танька. Пашка встрепенулся и,

судя по виду, хотел ответить искрометной репризой - но в этот момент ведущий, наконец-то, добрел до сути, и Танька коротко взмахнула рукой, пресекая возможные комментарии.

- Итак, - возвестил ди-джей после драматической паузы, - завтра к вечеру наш регион, как и предполагалось, накроет грозовой фронт. А на исходе ночи ожидается ливень...

- Блин, да что же это такое! - Танька стукнула кулачком по столу. - И он еще, гадина, издевается!

- Танечка, не ругайся, - жалобно сказал Пашка.

- Ой, да ну тебя! Закон подлости прямо, честное слово! Весь июнь жара и ни капли дождя не выпало, а как только выпускной вечер - сразу грозовой фронт! И ведь это из года в год повторяется, сами вспомните! Не, ну скажите - разве я не права?

Пашка испуганно закивал, а Андрей подумал: 'А ведь и правда'. В прошлом году гроза была просто дикая, молнии прямо в школу лупили. И в позапрошлом тоже.

А выпускники на следующий день были... Как бы это сказать поточнее? Малость не в себе, что ли. Глаза квадратные, смотрят на тебя, как будто впервые видят, отвечают невпопад и рассказывать ничего не желают. Чуть заикнешься про выпускной - сразу пытаются соскочить на другую тему. Можно подумать, им не аттестаты вручали, а заставили сниматься в порнухе. Или выпытывали военную тайну, применяя форсированный допрос. Или, наоборот, сообщили нечто такое, что у вчерашних старшекласников снесло башню.

Андрей вдруг очень живо представил, как он сидит, привязанный к стулу, а строгий директор школы - бывший целинник и Герой Социалистического Труда - наклоняется над ним и орет: 'Ты теперь взрослый, Сорокин, запомни, сволочь! И заруби себе на носу - отныне...' Что там будет 'отныне', нафантазировать с ходу не получилось, и Андрей опять прислушался к радио. Из динамиков в сотый раз за этот день доносилось: 'Аргентина - Ямайка, пять - ноль!..' Ну, что ж, вот такой у нас главный хит в последнее лето века. Впрочем, 'Чайф' - не худший вариант, по-любому. Жалко, что их (если не считать этой песни) по радио редко крутят. И, кстати, интересный вопрос - что наши доморощенные ди-джеи поставят завтра на выпускном? Не 'Руки вверх' же?

Андрей посмотрел на Дэна, который сидел напротив. Тот окончил школу в прошлом году, благополучно поступил в политех и с тех пор во дворе появлялся редко, предпочитая проводить вечера в компании своих однокурсников. Но вот сегодня забрел-таки снова на огонек. Андрей решил воспользоваться моментом.

- Слушай, Дэн, - спросил он, откладывая кассету, - а как у вас выпускной прошел?

- Нормально прошел, - степенно ответил Дэн. - Бухла было хоть залейся.

- Кто бы сомневался. Видел я твоих одноклассников - с такими рожами только в трезвяке на стенде висеть. 'Наш золотой резерв' или что-нибудь в этом роде. Ты лучше скажи, вы тоже под дождь попали?

- Ясен пень. Помню, как ливанет, а мы все как раз во дворе стоим. Мне молния чуть в лобешник не засветила...

- Погоди, погоди, - перебила Танька, - а чего вы в грозу на улицу выперлись? Да еще всей толпой?

- Ну, вроде как, традиция. Всегда так делают...

- Первый раз слышу, - поджав губы, сказала Танька. - Я так понимаю, аттестаты вручают в актовом зале, потом столы накрывают в классах. Потом (опять же, в актовом) дискотека. Ну, и под конец - на площадь, рассвет встречать. Но это если погода нормальная! А не как у нас - все последние годы дождь. Я лично в выпускном платье и в туфлях под ливень лезть не намерена. Хоть бы и с зонтиком...

- Серьезно, Дэн, - сказал Пашка, - давай, колись уже. Чем у вас все закончилось, что вы потом неделю пришибленные ходили?

В этот момент по дороге, что проходила метрах в сорока от беседки, скользнула одинокая легковушка, и яркий свет фар прорвался сквозь густое плетенье веток. Лицо Дэна, выступившее из мрака, показалось Андрею совершенно чужим, словно его приятель разом состарился лет на двадцать. Но это наваждение длилось всего секунду, и Дэн уже снова лыбился во весь рот.

- Не дрейфь, Пельмень, завтра все сам увидишь, - обнадежил он Пашку. - Мало не покажется, не волнуйся. А рассказывать - только впечатление портить.

Дэн неторопливо вылез из-за стола, подмигнул Таньке и сделал вид, что собирается отвесить подзатыльник Пельменю. Тот, в свою очередь, сделал вид, что поверил, пригнулся и закрылся руками. Дэн одобрительно хохотнул и, небрежно бросив: 'Пока, салаги', зашагал через двор к подъезду.

- Ой, я вам так завидую, правда, - вздохнула полная некрасивая Машка. - Вы завтра все секреты узнаете, а мне до выпускного два года ждать. Я же от нетерпения лопну.

'Ты, главное, от пирожных не лопни', - подумал Андрей с неожиданным раздражением, а Танька, наморщив носик, произнесла:

- Да ладно тебе, какие еще секреты? Это он так

выпендривается. А сам в прошлом году нажрался, небось, до свинского состояния, и ливень по барабану. А у меня платье знаете, сколько стоит?..

Чувствуя, что разговор заходит на второй круг, Андрей тихонько поднялся и выбрался из беседки. Он еще успел услышать, как Машка продолжает канючить: 'Ну, вы ведь мне все расскажете, правда, Танечка?' А Танька отвечает ей честным голосом: 'Конечно, Машуня, вот я тебе лично и расскажу'. А потом голоса растворились в шуршание листьев.

Почти все окна в доме давно погасли, и бетонные корпуса безмолвно чернели, нависая над опустевшим двором. В доме было девять этажей плюс чердак, а пятиэтажка, за которую закатилась луна, стояла немного дальше. Помятая 'шестерка' приткнулась у подъезда, где жил Андрей, а рядом на асфальте блестела пивная банка. В зарослях травы у трансформаторной будки однообразно стрекотали цикады. Это звук волновал, как телефонный звонок, пришедший из неведомых далей: снимешь трубку - и тебя позовут в дорогу, в конце которой все желанья непременно исполнятся. И от этого ожидания чуда у Андрея на миг перехватило дыхание, и он запрокинул голову, жадно глотая остывающий воздух. Над крышами сияло созвездие Ориона, и ковш Большой Медведицы склонился над горизонтом.

И только теперь Андрей окончательно осознал, что сегодня - последний вечер привычной жизни. Что бы там ни случилось на выпускном, ничего уже не будет как прежде. Школа закончилась, товарищ Сорокин, и надо что-то решать.

К своему стыду, Андрей не имел ни малейшего представления, чем он займется после получения аттестата. Временами он завидовал Пашке, который твердо знал, что будет учиться на юридическом, поскольку так распорядился отец. У папаши имелись связи в Москве, причем не где-нибудь, а в оборонном НИИ, которое занималось ракетами (метро 'Отрадное', с гордостью подчеркивал Пашка, которого этот факт впечатлял, почему-то, больше всего). По какой причине ракетный 'ящик' нуждается в юристах, а не в конструкторах, оставалось для Андрея загадкой, но Пашкиному отцу было, безусловно, виднее. А Танькина мама, работавшая врачом в санатории, усиленно зондировала почву во владикавказском мединституте, который с недавних пор именовал себя академией.

Вообще, в последние годы все учебные заведения, о которых слышал Андрей, как по команде обрели многозначительно-помпезные имена. Свой университет был теперь буквально в каждом райцентре. Сельхозтехникум по соседству превратился в аграрный колледж. И даже ПТУ, где готовили штукатуров,

преобразилось, словно гадкий утенок, явив миру вывеску: 'Строительно-художественный лицей'. Но, к великому сожалению Андрея, ни один из этих оазисов сокровенного знания до сих пор его не прельстил.

- Что, Сорокин, на звезды смотришь?

Сердце екнуло, как всегда в последнее время, когда он слышал голос Оксаны. Ксюха-Ксюшенька, с самого детства в одном подъезде, как же ты расцвела! Она, впрочем, и в нежном возрасте была словно куколка - но не пустоглазая заокеанская Барби, а такая... сразу чувствовалось, что наша. И коса у нее была - тугая, темная, почти черная. 'Смотри, Андрюшка, какая тебе невеста растет', - любила повторять мама. Андрей сначала смущался, потом привык и отвечал дежурной улыбкой - спасибо, мол, шутку принял и оценил. Но однажды столкнулся с Оксаной утром по пути в школу - и понял, что шутки, похоже, кончились. Ее хохляцкая красота вдруг утратила детскую невинную мягкость, длинные ножки притягивали взгляд как магнит и каблучки вызывающе цокали по асфальту. А еще она распустила косу, и теперь на спине лежал пушистый невесомый ковер. Ксюха и не думала красить или как-то еще уродовать свое темно-каштановое богатство, позволяя ветру играть с ним, пока она легко шагает по улице.

Андрей готов был смотреть на нее часами - но тут его ждал один крайне неприятный сюрприз. Рядом с Оксаной как-то незаметно образовался Руслан из параллельного класса. Орел молодой, прямо как из того романа. Или из стихотворения? В общем, неважно. Был он примерно того же роста, что и Андрей, но при этом килограммов на десять, а то и на пятнадцать потяжелее. И это был не сытый благородный жирок (как, например, у Пашки-Пельменя), а гибкие спортивные мышцы, которые рельефно перекатывались под майкой и очень раздражали Андрея. Самое обидное, что этот самый Руслан не был тупым качком, а совсем даже наоборот. Он удачно и остроумно шутил, отлично разбирался в машинах, играл во все мыслимые спортивные игры и даже тренькал на разбитой гитаре - не слишком умело, но девушкам явно нравилось. Мерзкий тип, в общем, чего уж тут говорить.

И сейчас, конечно, без Руслана тоже не обошлось. Он стоял рядом с Ксюхой и доброжелательно ухмылялся. Потом, протянув Андрею руку, спросил:

- Как сам?

А Ксюха насмешливо уточнила:

- Опять в беседке лавку полировал? Как обычно, кучкуетесь вокруг Танечки?

Она произнесла это таким тоном, что сразу становилось понятно - Танечка не котируется. И даже рядом не стояла, если говорить прямо. Как рубль после дефолта по отношению к доллару. Андрей пробурчал:

- Это Пашка вокруг кучкуется. А я просто мимо шел.

- Ну да, конечно. Мимо он шел, - Оксана рассмеялась и откинула волосы непередаваемо-изящным движением. Потом сказала:

- Ладно, Русик, пора уже - матушка сегодня просила пораньше быть.

- Чего так? - спросил Руслан.

- А, не знаю. Что-то сказать хотела.

- Ну, пора так пора. Пойдем, - он взял ее за руку, собираясь вести к подъезду, но Ксюха неожиданно возразила:

- Не, ты иди уже. А меня, вон, Андрей до двери проводит.

К удивлению Андрея, Руслан не стал возражать и строить из себя мачо. Он спокойно сказал:

- Ну, ладно.

Потом притянул Оксану к себе, уверенным и очень взрослым движением провел рукой по гибкой спине, задержавшись внизу на аппетитных округлостях, и, наконец, поцеловал ее в губы. Ксюха запрокинула голову, отвечая, но сразу же отстранилась и сказала немного охрипшим голосом:

- Ну, все уже, все, иди.

Руслан улыбнулся ей. Потом, шутливо показав Андрею кулак, напутствовал: 'Смотри, Сорокин, головой отвечаешь'. И быстро зашагал прочь.

Андрею стало очень обидно. Вот гад, подумал он, даже не обернулся. Уверен на сто процентов, что я ему ни разу не конкурент. Смотрит, как на предмет мебели. Или, не знаю, на элемент дизайна. А я вот возьму сейчас и скажу ей...

- Ладно, Сорокин, хватит столбом стоять. Давай, води меня в каменные палаты.

- Ага, - туповато сказал Андрей, силясь придумать что-нибудь остроумное. - Прошу проследовать.

И первым побрел к подъезду. Потянул на себя облупленную синюю дверь, в которую был вставлен некрашенный лист фанеры. Пропустил Ксюшу и следом за ней переступил порог, морщась от запаха, долетавшего из подвала. Воняло дохлыми кошками. Или, может, дохлыми крысами.

В подъезде было темно, чему Андрей был, в общем-то, рад. Ему совсем не хотелось разглядывать искореженные почтовые ящики, заплеванный пол, черные ожоги на потолке и корявые иероглифы на стене, самый крупный из которых доводил до

сведения: 'Море там' и был для наглядности снабжен стрелкой. Видимо, среди дворовой шпаны попадались романтические натуры, втайне мечтающие о соленых брызгах в лицо и фокмачтах с белоснежными парусами на горизонте.

Впрочем, мрак был все же разбавлен стружкой желтоватого света, который лился с третьего этажа. По крайней мере, лестницу было видно.

- Ну что, - спросил Андрей, - на лифте поедem?

- Да ну его, - сказала Оксана. - Там какую-то дрянь разлили. Подошвы прилипают. Не видел еще?

- Не, - сказал Андрей, - я сегодня пешком спускался.

- Ну, вот и пойдем пешком потихоньку. Дай руку, Сорокин.

Бережно взяв ее маленькую ладошку, Андрей пошел впереди, то и дело оглядываясь, чтобы полюбоваться, как она осторожно взбирается по ступенькам. Перила тихо скрипели, где-то на верхних этажах захлопнулась дверь, и лифт ожил в своей шахте. Постепенно становилось светлее. Они миновали третий этаж, где одинокая сороковаттная лампочка сияла, словно сверхновая. Андрей замедлял шаги, но четвертый, на котором жила Оксана, приближался неумолимо. Наконец, они остановились возле двери, обитой коричневым дерматином.

- Молодец, Сорокин, справился, - похвалила его Оксана. - На этой романтической ноте разрешите откланяться.

- На выпускной придешь завтра? - брякнул Андрей и тут же обозвал себя идиотом.

- Нет, не приду, Сорокин. Нафиг мне аттестат?

Андрей думал, что она заливисто рассмеется или, по крайней мере, добавит еще что-нибудь язвительное, но Оксана только улынулась тихо и мимолетно. И это было настолько на нее не похоже, что он неожиданно для себя произнес:

- Ксюшенька, у тебя все нормально?

- Все нормально, Андрей, - она прислонилась спиной к двери и подняла на него глаза. - Все хорошо, просто очень грустно.

- Почему грустно, Ксюша? - растерянно спросил он.

- Не знаю... Предчувствие непонятное.

Несколько секунд было тихо. Потом она вдруг сделала шаг вперед, взяла его обеими руками за воротник и даже, кажется, попыталась встряхнуть, как Глеб Жеглов какого-нибудь замоскворецкого гопника.

- Сорокин, - сказала Ксюша, глядя ему в глаза. - Пообещай, что никогда меня не забудешь.

Андрей опешил.

- Ч-чего? - пролепетал он. - Ксюша, блин, что за глупости?

- Пообещай, говорю!

- Ладно, - осторожно сказал Андрей. - Торжественно обещаю. Теперь при всем желании не получится...

- Ну, вот и чудненько, - она уже улыбалась своей обычной улыбкой, от которой пацаны в округе падали штабелями, и шутливо-бережно поправляла ему измятый ворот рубашки. - Давай, Сорокин, до завтра. На выпускном увидимся.

И, не давая ему опомниться, развернулась и нажала кнопку звонка. 'Иду, иду, - раздалось из глубин квартиры, - сейчас, погоди минутку'. Андрей отошел к лестнице и оттуда оглянулся на Ксюху. Та подмигнула и помахала рукой.

- Ага, - сказал он. - Увидимся завтра, да.

В замке повернулся ключ. Андрей не стал ждать и шагнул за угол. Он еще услышал, как Ксюха произнесла: 'Приветик. Видишь, как обещала'. А потом дверь за ней захлопнулась, и Андрей остался один в желтоватой электрической полутьме. 'И что это было?' - подумал он, медленно поднимаясь по лестнице. Из-за выпускного у всех, похоже, крыша слегка того... А у девчонок в первую очередь. Ну, да, у них же сейчас забот непочатый край. Платья эти пресловутые, прически, маникюр-педикюр... Серьезное испытание для неокрепшей девичьей психики...

С этой мужественной мыслью Андрей, наконец, добрал до своей двери и нашарил в кармане ключ. Мама, наверно, легла уже. Их там, в магазине, загоняли конкретно - каждый день после работы часа на два приходится оставаться. А не нравится - вали, желающих много.

Андрей осторожно переступил порог и с удивлением заметил, что в комнате горит свет. Мама уже оторвалась от телевизора и шла к нему, улыбаясь. Она была не в халате, а в светлой нарядной блузке; губы аккуратно подкрашены любимой яркой помадой, глаза блестят - одним словом, создается полное впечатление, что госпожа-товарищ Сорокина не с работы вернулась, а наоборот, собирается в гости, чтобы там гулять до утра.

- Ты чего это? - спросил Андрей подозрительно. - Уходишь куда-то, что ли?

- Нет, - она улыбнулась, - сижу, тебя жду.

- Это еще зачем?

- Ну, как же! Последний день у тебя сегодня. Точнее, последний вечер - день еще завтра будет. А потом выпускной, и все...

- Мама, - твердо сказал Андрей, - ты меня пугаешь. Что значит 'все'? Нас там что, пристрелят, чтобы не мучились?

- Типун тебе на язык. Просто, Андрюшка, взрослая жизнь, она такая, знаешь... Ну, в общем, школьникам она совсем не так

представляется.

- Серьезно? - заинтересовался Андрей. - Ну-ка, ну-ка, а поподробнее можно? Я уже прямо заинтригован.

- Будет тебе завтра интрига. А пока иди, руки мой, выпускник. Почти остыло уже.

- Дай с двух раз угадаю. Курица?

Она рассмеялась. С недавних пор это была их любимая семейная шутка. Зимой мама по очень хитрому благу устроилась в магазинчик, который открыла на рынке местная птицефабрика. Парадоксальным образом, августовский дефолт, чуть не обрушивший экономику, предоставил хранителям инкубатора новый шанс. Иноземные чудовища-бройлеры, напичканные гормонами по самое не могу, постепенно исчезали с прилавков, потому что кончились баксы на их доставку из-за границы. И теперь наши маленькие, но гордые куры осторожно выбирались на свет. Как люди под предводительством Джона Коннора, пережившие нашествие терминаторов. А мама радостно тащила с работы охлажденные тушки в упаковке под цвет российского триколора - сотрудникам магазина разрешали покупать прямо с фабрики без наценки.

По телевизору каждый случай, похожий на историю с курами, описывали с придыханием и дрожью в голосе. После таких репортажей возникало стойкое ощущение, что кризис был для России прямо-таки даром небесным, просто народ еще не успел понять. Народ, он ведь у нас такой... Как бы это сказать помягче? Медленно запрягает. Но еще чуть-чуть - и 'отечественный производитель', подобрав спадающие портки, рванется с низкого старта к солнцу.

- А вот и не угадал, - заявила мама. - Котлеты пожарила, как ты любишь.

- Да ладно, - поразился Андрей. - Свинина же дорогущая. Да и возиться с ними... Когда это ты успела?

- А я сегодня после обеда отгул взяла.

- И что, неужели дали?

- Ну, так ведь и повод нерядовой.

Андрей, подняв крышку над сковородкой, втянул упоительный аромат.

- Садись, садись, я поставлю.

Он занял свое привычное место и набросился на еду. Мама сидела напротив, подперев рукой подбородок, и задумчиво улыбалась. Она смотрела на него с таким видом, словно видела последний раз в жизни, потом достала платочек и украдкой промокнула глаза. Андрей не выдержал и сказал:

- Слушай, хватит меня разглядывать. Что я, на луну улетаю?

- Все, все, не буду больше. Ты, главное, кушай, кушай... Ой, я ж совсем забыла!

Она метнулась в комнату и вернулась с высокой, непропорционально вытянутой бутылкой. Андрей едва не подавился от удивления. До сих пор мама чуть ли не за сердце хваталась, если он на семейном празднике выпивал глоток сухого вина. А тут вдруг лично тащит коньяк. Чудные дела творятся на белом свете...

Мама поставила на стол два маленьких хрустальных бокала и протянула ему бутылку.

- Ну, давай, разливай, мужчина. Только мне капельку.

- Прасковейский? - спросил Андрей, поднося к глазам этикетку.

- Нет, дагестанский.

- А, ну да. Как там в КВНе шутят - двадцать лет на рынке чая со спиртом?

- Нет, что ты, это настоящий. Пять звездочек, видишь?

- Угу... Этот твой подарил? Чабан с кинжалом?

Мама пригрозила ему пальцем, но потом, не выдержав, улыбнулась.

- Андрюшка, ну что за глупые шутки? Гаджи Мамедович серьезный мужчина. Бизнесмен, опять же, фирма у него есть. Вот ты уедешь в институт поступать - кто тут обо мне позаботится?

Ага, серьезный мужчина, подумал он с неприязнью. Старый хрыч - за пятьдесят ему, а туда же. Это при том, что маме едва тридцать семь исполнилось. И фирма у него мутноватая. Чем занимается - непонятно, понты сплошные. А спросишь прямо - улыбается и молчит как памятник Расулу Гамзатову. Или Гамзатов живой еще? Надо в энциклопедию заглянуть для расширения кругозора...

- Ну, Андрюша, - сказала мама, поднимая бокал, - теперь ты у меня совсем взрослый. Давай, чтобы все-все у тебя сложилось! И, самое главное, пусть завтра удача будет. Хотя, почему удача? Такой орел вырос! Все отлично получится, я даже не сомневаюсь!..

Она чокнулась с ним, глотнула пахучую янтарную жидкость и смешно зажмурилась. Андрей не совсем понял смысл последнего пожелания, но тоже выпил и закусил котлетой. Согревающая волна разошлась по телу. Хороший коньяк, глубокомысленно подумал Андрей, хотя другого пока не пробовал. Как-то не наливали.

Они поболтали о пустяках, мама разрешила налить еще по одной, а потом унесла бутылку. Видно было, что ее уже клонит в сон.

- Ты иди, ложись, - предложил Андрей, - а я тарелки помою.
- Правда? Ой, спасибо, Андрюшка. Я за эту неделю вымоталась совсем, а завтра с утра опять на работу. Это еще хорошо, что прическу успела сделать. А то пришла бы к сыну на выпускной как лахудра.

- Ладно, ладно, не приbedняйся. Ты их там всех затмишь.

- Серьезно?

- Стопудово! Спокойной ночи...

Разобравшись с посудой, он долго плескался в ванной, потом прошел в свою комнату. Читать уже не хотелось, и свет он включать не стал. Шире открыл окно и посмотрел во двор. Беседка была пуста, фонарь равнодушно горел напротив подъезда. Где-то очень далеко брехала собака. Пятиэтажки дремали в молочно-белом лунном сиянии.

Андрей стоял, замороженный южной ночью, и не сразу заметил, что в комнате что-то переменялось. Боковое зрение уловило мерцание в дальнем углу, где висела книжная полка. Андрей подошел поближе, присмотрелся и не поверил своим глазам.

На полке уже много лет валялся кусочек люминофорной смолы. Те самые Горючие Слезы, привезенные из далекого и полумифического Эксклава. Ученые говорят, что это продукт жизнедеятельности загадочной местной фауны - ну, вроде как жемчужины у моллюсков. Воочию никто процесса не наблюдал. А в народе жила легенда - тамошние 'мурены', перед тем как сожрать очередного охотника, плачут, сожалея о том, что природа отвела им такую роль в пищевой цепочке. Плачут, но продолжают жрать. И слезы их, падая на траву, моментально затвердевают, чтобы потом оказаться в сумках у отважных старателей. Эту субстанцию контрабандой везут на 'большую землю' и продают как полудрагоценные камни.

Главная фишка в том, что кусок смолы, полежав на солнце, потом начинает отдавать свет. Это очень красиво смотрится в темноте - синеvато-голубой огонек. От того, насколько он яркий, в конечном счете, и зависит цена. Но люминесцируют камешки не всегда - шоу начинается неожиданно, угадать заранее невозможно. Вот за эту непредсказуемость их и любят модницы, да и просто ценители сувениров. Эзотерики, которых после распада Союза развелось как собак нерезаных, усматривают во всем этом мистический смысл. Дескать, яркое и насыщенное свечение предвещает владельцу скорые перемены в судьбе.

К сожалению, может так получиться, что Слеза вообще себя не проявит. Камешек есть, а свечения нет. Вот такой ущербный кусочек достался Андрею в детстве. Отец подарил - а через пару

месяцев свалил к своей 'шибанутой', как ее ласково называет мама. С тех самых пор и пылился на книжной полке прозрачный шарик размером с грецкий орех, и Андрей давно перестал обращать на него внимание.

И вот сейчас Горючая Слеза ожила.

Но свечение не было синеватым. Искорка, мерцающая внутри, имела багрово-красный оттенок и с каждой минутой разгоралась сильнее. словно открылся налитый кровью звериный глаз.

Глава 2

Андрей проснулся ближе к полудню и долго лежал, уставившись в потолок. Он пытался вспомнить сон, который только что видел, но обрывки стремительно выветривались из памяти - скользкие тени, клыкастые пасти и огненные глаза...

Глаза! Андрей вздрогнул и приподнялся, чтобы заглянуть на книжную полку. Но кусочек смолы, озадачивший его вчера багряным сиянием, снова превратился в скучный бесцветный шарик. Он мирно впитывал дневной свет - наверно, готовился к следующему сеансу. Андрей снова откинулся на подушку. Ну, мало ли... Может, какой-нибудь редкий сорт. От особо тормознутой мурены. Лежал, лежал десять лет, а потом вдруг раз - и зажегся. Ну и что, что Андрей о таком не слышал? С этими тварями даже ученые толком разобраться не могут. Сфотографировать их нельзя (мурен, конечно, а не ученых), живьем захватить - тем более. Вот и фантазируют в своих диссертациях о том, чего сами в жизни не видели. Естественно, Андрей вчера впечатлился - отсюда и сон этот жутковатый.

Кстати, одна из тварей в ночном кошмаре цапнула его за предплечье. Да, да, точно! За секунду до пробуждения. Собственно, из-за этого Андрей и проснулся - до сих пор рука ноет.

Сразу вспомнились фильмы ужасов а-ля 'Кошмар на улице Вязов'. Он посмотрел на руку и был даже немного разочарован, не обнаружив там ни кровавых ран, ни следов когтей. Правда, кожа на предплечье была слегка покрасневшая, как будто он расчесал во сне комариный укус. Елки-палки, как все банально...

Взгляд блуждал по комнате, задерживаясь на привычных деталях. Вот исцарапанный стол, за которым Андрей когда-то решал квадратные уравнения и спрягал в тетрадке глаголы. Вот шкаф, лет на десять старше Андрея - дверца толком не закрывается, а под ножку подложен толстый кусок картона, чтобы конструкция не шаталась. В углу за шкафом - футбольный мяч, ободраный просто до неприличия, словно его наждачкой скребли. Ну, еще бы - у нас тут вам не Европа, травяных газонов не наблюдается. Играем на асфальте или, в лучшем случае, на

мелкой щебенке, которой покрыта школьная спортплощадка. Мяч периодически улетает в колючие заросли, падает в лужу и цепляется за торчащую проволоку. И так несколько лет подряд. Да уж, не позавидуешь круглому...

Андрей поднял глаза к потолку. Там желтело высохшее пятно, похожее очертаниями на Северную Америку. Во всяком случае, два потока очень удачно изображали Флориду и Калифорнию. Это были следы потопа, который соседи сверху устроили в конце февраля. У них там сорвало кран, и вода весенним ручьем устремилась вниз вплоть до первого этажа. Обои в комнате вздулись, и Андрей прокалывал шилом чудовищные волдыри на стене, чтобы выпустить оттуда лишнюю жидкость. Потом обои высохли и, как ни странно, аккуратно улеглись на прежнее место - остались только небольшие морщинки. Ну, и пятно на потолке служило зловещим напоминанием о сантехнической катастрофе. Каждый раз, натываясь на него взглядом, мама вздыхала и говорила: 'Заново белить надо'. Андрей соглашался, что да, мол, надо - и все благополучно оставалось по-прежнему. И казалось, что он всю жизнь будет просыпаться в этом крошечной комнате и смотреть, как солнечный луч осторожно ложится на выцветшую крышку стола. И вот теперь вдруг все кончилось, потому что вечером уже выпускной...

Вспомнив об этом, Андрей ощутил, как чаще забилося сердце. Лежать уже не хотелось. Он выбрался из кровати, свернул простыню и пододеяльник (одеяло отсутствовало по причине летней жары), взял подушку и сунул все это в шкаф. Продолжая машинально почесывать руку, добрал до кухни. На столе лежала записка: 'Котлеты в холодильнике. Обязательно разогрей!' Ага, сейчас все брошу и буду ерундой заниматься, подумал Андрей, доставая котлету из кастрюли рукой и откусывая кусок. Взяв еще горбушку батона, он выбрался на балкон. Щурясь на солнце, огляделся вокруг. В небе висели жидкие клочковатые облачка, но ничего похожего на обещанную грозу пока что не наблюдалось. Андрей пожал плечами и вернулся на кухню. Когда он дожевывал третью котлету, в прихожей зазвонил телефон.

- Андрюша, ты уже проснулся? - блеснула логикой мама. - Покушал уже?

- Ага.

- Котлеты разогревал?

- А как же, - соврал Андрей, даже не моргнув глазом.

- Тогда в магазин сходи, в хозяйственный, ладно? Я тебе забыла написать, а у нас порошок закончился. И чистящее средство еще возьми. И мыло тоже. Не забудешь?

- Ладно, - пробурчал Андрей. - Схожу сейчас.

- Деньги на тумбочке.

Выбираться из прохлады на улицу, где сухой гонял по асфальту серую пыль, решительно не хотелось. Несколько минут Андрей бессмысленно бродил по квартире, перекладывая вещи с места на место, потом ткнул кнопку на телевизоре. Трудяга 'Горизонт', которому в этом году исполнилось десять лет, оскорбленно хрюкнул, и кинескоп начал нехотя разгораться.

Цвета были блеклые, с зеленоватым оттенком, и дикторша в студии новостей слегка напоминала утопленницу, которую только что вытащили на берег. Она зловеще оскалилась и зачастила:

- В ближайшие дни из Пскова и с аэродрома 'Северный' в Ивановской области вылетят четыре военно-транспортных самолета. Они доставят в Приштину более двухсот российских десантников и до двадцати единиц техники. Кроме того, на борту будет мобильная станция космической связи, а также средства транспорта и бытового обеспечения. Румыния и Украина уже выразили готовность предоставить воздушный коридор для пролета. В настоящее время ведутся переговоры с Венгрией. Как сообщил представитель Минобороны России, военнослужащие приступят к выполнению миссии в американском и французском секторе ответственности в окрестностях Приштины. Напомним, в ночь на 12 июня сводный батальон ВДВ из состава международного миротворческого контингента в Боснии и Герцеговине, совершив марш-бросок на территорию Косово, взял под контроль аэропорт 'Слатина'. Действия российских военных стали полной неожиданностью для командования НАТО...

Тут у Андрея возникла интересная мысль - а что, если бы 'Илы' с военной техникой сели не в Косово, а в Эксклаве? Тем более, из Пскова туда лететь всего нечего. Он представил себе, как, едва выбравшись из чрева громадного самолета, БТРы начинают лупить из ПКТ по муренам, и те, визжа от бессилия, проливают на землю потоки Горючих Слез. Хотя, конечно, будь это так легко, мурен бы уже давно извели под корень. Выкатили бы, в крайнем случае, эти, как их... РСЗО. Или как там 'Град' по-научному называется? Андрей почувствовал, что его познания в стреляющих железяках стремительно иссякают, сконфузился и переключил канал. Толстая тетка в бесформенном балахоне доверчиво сообщила с экрана:

- В седьмом месяце 1999 года с неба явится Великий Король ужаса, чтобы воскресить великого короля Анголмуа...

Ни хрена себе, подумал Андрей. Тетка с готовностью уточнила:

- Так записал Мишель де Нотр-Дам, известный под именем Нострадамус, более четырех столетий назад. Впрочем, по грегорианскому календарю это скорее не седьмой, а восьмой месяц...

Андрей вздохнул с облегчением.

- ...что полностью соответствует мнению российского предсказателя, военного пенсионера Михаила Реброва. Именно в августе текущего года он предрекает переход Земли в новое измерение с последующим возрождением человечества.

Вот, порадовался Андрей, это уже другой разговор. Военный пенсионер - человек серьезный, свистеть не будет. А то достали уже со своим Нострадамусом.

- Тот факт, что Земля в ее нынешнем виде доживает последние месяцы, подтверждают и американские исследователи Библии, - продолжала толстая тетка. - На 'круглом столе' в 1997 году они представили результаты изучения древних текстов - в частности, книг пророков Захарии и Даниила, послания к фессалоникийцам и свитков Мертвого моря. Вывод получился пугающий - время нашего мира истечет 31 декабря, за несколько секунд до наступления 2000 года...

А что, логично, одобрил Андрей. Календарь обнулился - значит, кирдык, и не надо умничать. Америкосы мыслят предметно...

Он выключил телевизор, надел рубашку и сгреб с тумбочки помятый полтинник. Вышел из квартиры и запер за собой дверь. Остановился у лифта и хотел уже нажать кнопку, но вспомнил Ксюхины жалобы и направился к лестнице. По подъезду разносился чей-то утробный голос, и гулкое эхо металось между пролетами. Андрей без труда опознал обладателя жирного баритона. На площадке третьего этажа в живописной позе стоял Серега Круглов, известный во дворе под кличкой Хомяк. Впрочем, в глаза его так старались не называть, справедливо опасаясь получить в лоб.

Серега был в шортах и в просторной майке без рукавов с логотипом Chicago Bulls. Мясистая шея, плавно переходящая в плечи, лоснилась от пота, лицо покраснелось, а под майкой колыхался мощный живот. В одной руке Хомяк держал бутылку светлого пива 'Дон', а в другой - массивный сотовый телефон с торчащей антенной.

- Слышь, короче, не тормози, - напутствовал он кого-то, - берешь тачку и выдвигаешься туда, резко! Выцепишь там этого гоблина... Что? Не слышу, связь херовая. Связь, говорю! Да... Чего-чего, мля? Он чё там, совсем опух?..

На взгляд Андрея, Хомяк слегка переигрывал в своем

стремлении соответствовать роли. Разве что мизинцы не оттопыривал, как в анекдотах про новых русских, у которых даже руль в 'мерседесе' имеет специальные прорези. Впрочем, несмотря на свои повадки, Серега был отнюдь не дурак. К Андрею он относился снисходительно-благосклонно. Вот и сейчас, оторвавшись от телефона, приветственно махнул жирной лапой.

- Какие люди! И без охраны! - он хлопнул Андрея по плечу, так что тот едва не вылетел с лестницы. - Здорово, малой! Ну, ты вымахал, шланг гофрированный!

Эта фраза повторялась при каждой встрече, и Андрей заученно улыбнулся.

- Пиво будешь? - спросил Хомяк.

- Не, спасибо, Серега.

- А чё так?

- Еще успею. У меня ж выпускной сегодня...

- О, точняк! Я сразу не догнал. Да, выпускной - это реальная тема. У нас, я помню, тогда, в девяносто третьем... - Серега мечтательно закатил глаза. - Короче, малой, поздравляю, бляха! А чё ты такой загруженный?

- Ну, так... Настроение непонятное...

- Не парься, Андрюха, все будет ништяк, я тебе говорю! - после очередного экспрессивного жеста пиво едва не вылилось из бутылки, но Хомяк продолжал, не обращая внимания. - Короче, смотри. Зеленый - это без базара вообще. А, может, даже и желтый. Красный тебе, пожалуй, не светит, но оно тебе и нафиг не надо...

- Серега, извини, ты о чем вообще? - осторожно сказал Андрей. - Я что-то не въехал. Зеленый, желтый...

- А, ну да, - Хомяк поскреб подбородок. - Это, блин, ну, как бы тебе сказать...

Телефон опять запищал, не давая закончить фразу.

- Достали уже, - пробурчал Серега, прибавив несколько непечатных конструкций. - Пива не дадут с утра выпить. Ладно, давай, ты понял. Не ссы, Андрюха!

От такого пожелания Андрею стало немного стремно. Он еще пару секунд постоял, глядя, как Хомяк с бутылкой в руке продолжает деловые переговоры, и медленно пошел вниз. Шагнул на улицу из затхлого полумрака, зажмурился от яркого света и сплюнул на горячую землю. Скорее бы уже вечер, а то эти непонятки достали...

А вот интересно, в каком платье Ксюха на выпускной придет? Ну, то есть, в длинном или в коротком? По идее, должна в коротком. Жарко же, правильно? И вообще, не девятнадцатый век. Андрей вздохнул, посмотрел на балкон четвертого этажа и

попелся в сторону магазина.

Иди было недалеко, через два двора. На лавочках вдоль панельных домов уже расселись не улыбочивые старухи и одна мамаша с коляской. Двое пацанов лет по десять задумчиво осматривали ветвистую алычу. Каждое лето история повторяется - с нижних веток, свисающих почти до земли, все обрывают еще в недозрелом виде. Потом, когда оставшиеся плоды пожелтеют, халявщики забираются выше, чтобы долго и вдумчиво обжираться, сплевывая вниз косточки. К тому моменту, как перезревшая алыча начинает осыпаться без посторонней помощи, всем уже просто лень ее собирать - и сочная мякоть гниет на асфальте, оставляя липкие пятна. У пацанов появляется добыча поинтереснее - например, полудикие абрикосы, растущие в глубине двора. Даже зеленые, они на вкус ничего, а уж когда поспеют...

Да, и еще орехи! Созреют к началу нового учебного года. Их удобнее всего сбивать палками. Скорлупки, еще одетые в зеленую кожуру, падают на асфальт с глухим стуком. Кожура имеет резкий специфический запах и, когда ее обдираешь, сильно пачкает руки. И первого сентября все мужское население класса приходит в школу с коричневыми ладонями...

Предавшись этим ностальгическим мыслям, Андрей не сразу сообразил, что уже стоит перед магазином. Торговая точка называлась просто и без затей: 'Хозтовары'. Впрочем, по нынешним временам, это смотрелось даже оригинально. Все остальные магазины в округе носили женские имена вроде 'Людмила', 'Малика' или 'Зара' - даже если это был всего лишь ларек на автобусной остановке, где продавали сникерсы и паленую водку.

Хозяин располагался в полуподвале. Внутри было прохладно и воняло дешевым мылом, бруски которого громоздились на дальней полке. Еще пахло олифой и чем-то с высоким содержанием спирта - причем последний аромат исходил, скорее, от продавщицы. От такого коктейля у Андрея заслезились глаза, а рука, которую во сне куснула мурена, зачесалась еще сильнее. Он, морщась, поскреб предплечье. Тетенька за прилавком, посмотрев на его страдания, хмыкнула и неожиданно спросила:

- Выпускник, что ли?

Андрей слегка растерялся.

- А что, заметно?

- А чего тут замечать. У моей соседки, вон, тоже дочка пойдет сегодня. Собирается уже. Красивая, ужас, - не совсем логично подытожила продавщица.

- А в какой она школе? - зачем-то спросил Андрей.

- В двенадцатой.

'Это где в прошлом году труп нашли?' - чуть не ляпнул он, но в последний момент сдержался. Вместо этого сказал:

- Если в двенадцатой, то не встретимся. Я из четвертой. Мне порошок стиральный дайте, пожалуйста...

На обратном пути он обошел пятиэтажку с другой стороны. Детская площадка зарастала сорной травой. Дальше виднелась старая голубятня, которая стояла здесь так давно, что казалась природной частью ландшафта. Жирные противные птицы медитировали на крыше, изредка встряхивая короткими крыльями. Это общежитие для пернатых существовало, похоже, в автономном режиме - во всяком случае, Андрей ни разу не видел, чтобы голубей кто-нибудь 'гонял', как об этом поется в песнях. А ведь он тут всю жизнь живет, еще с советских времен. Даже пионеров застал...

Андрей родился, когда был еще жив дорогой Леонид Ильич, и они мирно сосуществовали целых три месяца, пока в ноябре восемьдесят второго четырежды герой не отошел в другой мир. Мама рассказывала потом, как вздрогнули все, прильнувшие к телевизорам, когда гроб с генсеком уронили в яму у Кремлевской стены под грохот траурного салюта. Как будто страна с приспущенными красными флагами споткнулась на ровном месте. Споткнулась, да так и не поднялась.

Андрей еще лежал в колыбели, когда хмурый гэбэшник, занявший трон, начал ловить прогульчиков на дневных сеансах в кинотеатрах. Но всех переловить не успел, потому что даже в ЦКБ врачи не всеильны. Следующий кремлевский дедок маме Андрея не запомнился совершенно, потому что сын уже бодро бегал по комнате и складывал слова в предложения.

Когда Андрюшу отдали в садик, на Олимпе водворился лысый мужик с отметиной, способный трещать по пять часов без умолку. Мама то ли в шутку, то ли всерьез рассказывала, как сажала непослушное чадо перед телеэкраном, и уже секунд через двадцать у юного зрителя начинали слипаться глазки, а спустя минуту он дрых богатырским сном. Сама же мама выдерживала часа полтора, а потом отрубалась тоже. С каждым годом речи становились длиннее. Когда Андрей заканчивал первый класс, над болтливым генсеком потешались все эстрадные юмористы. А потом стало не смешно. Лысого закрыли в Фаросе, а седого красавца, который влез на танк посреди Москвы, уже не успели стащить обратно. Страна сменила название и начала съезживаться, осыпаясь по краям как тлеющая бумага.

Но за пару лет до того, как 'для разрядки' запретили компартию, Андрея уже пошел в школу, где увидел пионеров

живьем. Нет, он не завидовал им из-за красных галстуков. И пионерская комната, где хранились дурацкие помятые горны и заплесневелое знамя, его совершенно не привлекали. Просто он чувствовал - это нечто из другой жизни, к чему уже нельзя прикоснуться, а можно только смотреть. Реликты из Эпохи Легенд, как выражались в кинофильме 'Лиловый шар'. Этот фильм про Алису, живущую в придуманном будущем, Андрей успел увидеть в кинотеатре - ходил на детский сеанс. Потом кинотеатр закрыли, а в здании сделали казино...

Андрей добрал до подъезда, поколебался и все-таки пошел к лифту. Тащиться на пятый этаж пешком на этот раз желания не было. Шагнув в кабинку, он прижался к стене, чтобы не вступить в подсохшую лужу, нажал сожженную кнопку и стал с беспокойством слушать, как натужно лязгают тросы. Только застрять сейчас не хватало, подумал он. Но все обошлось, и Андрей выскочил на своем этаже. Едва он зашел домой, раздался телефонный звонок, и трубка спросила Пашкиным голосом:

- Привет, чё делаешь?

Сам Пашка на такой вопрос отвечал, как правило, великолепной фразой: 'Вот, с тобой разговариваю'. И замолкал, давай возможность оценить остроумие. Но Андрей преодолел искушение и честно сказал:

- Только что в квартиру зашел.

- А где был? - немедленно спросил Пашка.

Ёпрст, подумал Андрей. А вслух ответил:

- В магазин ходил. За мылом и порошком. Сорта называть?

- Гы-гы, - сказал Пашка. - Очень смешно. Короче, ладно, хватит трюндеть. Давай, заходи ко мне.

- А чё такое? - Андрей с сомнением потер подбородок.

- Заходи, говорю, увидишь. Реально круто! Батя из Москвы подогнал.

Андрей взглянул на часы. Ну, собственно, почему бы и нет? До выпускного еще почти полдня, а делать все равно нефиг.

- Ладно, - сказал он. - Считай, что уговорил. Зайду через пять минут.

Дверь ему открыл лично Пашкин отец. Он протянул руку и улыбнулся - не то чтобы широко, но и не совсем дежурной улыбкой, а так... дозированно. Чувствовался опыт, короче.

- Здравствуй, здравствуй, Андрей, - сказал он солидным голосом. - Давно тебя не видел. Как мама?

- Здравствуйте, Альберт Викторович. Мама нормально, спасибо.

- Все там же работает?

- Ага. В 'Требешке'.

- Ну да, ну да. Привет ей передавай. Хотя, погоди, я же сегодня ее увижу. Она ведь на выпускной придет?

- Конечно. А вы, значит, тоже будете?

- Ну, а как же. Специально все дела в Москве раскидал, чтобы неделю выкроить. А на те выходные уже обратно. Ну и оболтуса своего забираю, естественно.

Андрей вздохнул, и Альберт Викторович, заметив это, спросил:

- А ты сам-то уже решил, куда поступаешь?

- Нет, - признался Андрей. - Еще не придумал.

- А мама что говорит?

- Мама? Да ничего, вроде... - сказал Андрей и сам удивился. А ведь и правда - мама, которая тряслась над ним с самого детства, сейчас проявляла поразительное спокойствие. То есть, она периодически спрашивала его, в какой институт он хочет пойти, и даже перебирала конкретные варианты, но как-то без фанатизма. Она не начинала лихорадочно обзванивать давно забытых знакомых, у которых могли быть связи в одном из окрестных вузов, и не рвала на себе волосы, когда Андрей признавался, что не хочет ни в медицинский, ни в политех, ни, предположим, на исторический. Мама только вздыхала, но не впадала в панику. Как будто была уверена, что настанет день, и все решится само собой. Ага, блин, ректор МГУ лично спрыгнет с парашютом на школьный двор и вручит Андрею повестку. То есть, тьфу, не повестку, а этот, как его... студенческий билет, да...

- Ну, может, и правильно, - неожиданно согласился Пашкин отец. - Если до сих пор не решили, теперь уже дергаться смысла нет. Ждать всего ничего.

Он посмотрел на часы, висевшие на стене, и Андрей машинально взглянул туда же. И в ту же секунду порыв прохладного ветра ворвался в комнату через балконную дверь, кроны тополей резко зашумели за окнами, и серая туча впервые за три недели закрыла солнце. На улице потемнело, Андрей услышал раскаты грома где-то у далеких холмов, а со стороны городской окраины донесся тоскливый собачий вой.

- Угу, - сказал Альберт Викторович, выглядывая во двор. - Вечером перед уходом надо балкон закрыть, чтобы не залило.

Солнце постепенно выбралось из-за тучи, и зной тяжелым пологом снова опускался на город. Гроза была еще далеко.

- Ладно, - сказал Пашка, который до этого стоял молча. - Пошли ко мне в комнату.

Комната у Пашки была что надо. Кроме дивана, письменного стола и шкафа, имелись еще два кресла, тумбочка, на которой приткнулась давешняя магнитола, а на полу у стенки стояла

навороченная стереосистема с красивыми огоньками и подставкой для компакт-дисков. В углу был отдельный столик с компьютером, на экране которого мерцала заставка Windows 98, а в другом углу помещался пожилой, но исправный телик с игровой приставкой и новым видеоплеером. На столе, на диване, на тумбочке и просто на ковре валялись кассеты с дисками. Разноцветные провода, перепутываясь друг с другом, расплзались к розеткам и удлинителям. Плотные шторы на окнах были задернуты. Все это напоминало Андрею рубку орбитального челнока, который по недосмотру провалился сюда из будущего. Но не из того будущего, где радовалась жизни коммунистическая Алиса, а из другого, американского, где людям вживляют в мозг микрочипы, а по коридорам космических кораблей бродят инопланетные монстры.

- Короче, смотри, что батя в Москве купил, - Пашка взял со стола две видеокассеты. - Ну, первую - это он больше для себя...

- А что там?

- 'Сибирский цирюльник', лицензионка.

- Ого, лицензионка? Премьера же, вроде, только зимой была.

- Подсустились, ага. Понимают, что экранки уже один хрен по стране гуляют.

- Ну и как?

- Само кино так себе. Я ж говорю, батя для себя взял. Я больше с бонуса взгрелся. Ну, знаешь, в конце бывает - рассказывают про съемки.

- Ага, я понял. Ну и?

- Прикинь, Михалков, по ходу, хотел в Эксклаве снимать!

- Да ладно? С какого перепугу?

- Ну, там по сюжету этого юнкера на каторгу загоняют. А куда на каторгу? Если в Сибирь - он, глядишь, еще и в живых останется. А вот если в Эксклав - тогда уж точно кирдык. Ну и вот, хотели на натурные съемки выехать.

- Охренеть... И что, разрешили им?

- Ага, щас. Вы, говорят, Никита Сергеевич, наше национальное достояние. А вдруг вас там мурена... того? Не можем мы рисковать. Короче, пришлось-таки в Сибирь ехать.

Андрей представил, как мурены жрут киностудию во главе с живым классиком, и передернулся. Потом спросил у Пашки:

- Ладно, ты ж меня не Михалкова смотреть позвал? На второй кассете у тебя что?

- О-о-о! - Пашка сделал значительно лицо. - Приготовься, сейчас проникнешься.

- Давай, показывай, не тяни кота за это самое...

Пашка показал, и Андрей проникся.

- 'Матрица'? Ни фиги себе! Она что, в прокате уже?

- У них весной вышла, а у нас осенью только в кинотеатрах появится. Я в Москве схожу обязательно. В 'Пушкинский', там теперь система Dolby Surround. Звук, короче, со всех сторон...

Он рассказывал, помогая себе руками, а Андрей завидовал молча. Пашка мечтательно улыбался, словно был уже там, в столице, где режут потоки машин, и жизнь бурлит до утра. Вот он выходит из универса на Воробьевых горах и идет с друзьями пить пиво. Потом они отправляются на пресловутую 'Матрицу', где зал наполняет объемный звук, и кажется, что пули вылетают прямо у тебя из-за уха. А в следующий раз он приходит в кино уже не с друзьями, а в компании с элегантной москвичкой (не приезжей, а настоящей, в каком-нибудь седьмом поколении, и отец у нее профессор, а мама педагог в музыкальной школе), и Пашка берет билеты на слезливую мелодраму... Хотя нет, она же дочка профессора - тогда на заунывный арт-хаус, способный усыпить на третьей минуте, но это Пашке сейчас не важно, потому что он ведет свою спутницу на самый последний ряд, где можно вообще не смотреть на экран. А после фильма он приглашает москвичку к себе домой (наверняка ведь родители снимут ему квартиру), и за окном мерцает россыпь ночных огней, а в комнате свет им уже не нужен...

- Ладно, - сказал Андрей нарочито громко. - Так что, нормальная копия?

- Что? А, да. Экранка, конечно, но камера не дрожит, и цвета нормальные. Смотрим?

- Врубай, механик...

И они посмотрели 'Матрицу' - сначала без пауз, а потом на ускоренной перемотке, выискивая самые впечатляющие моменты. Фрагмент, где Киану Ривз уворачивается от пуль, прокрутили целых три раза. Потом вспоминали многозначительные цитаты, переведенные чьим-то гнусавым голосом.

- Этот крендель, Морфеус, - поделился Андрей, - прямо как моя мама. Зарядила мне вчера вечером: 'Реальная жизнь - она не такая, как тебе представляется'. Примерно цитирую, дословно уже не помню.

- Ага, - сказал Пашка, - выдадут нам сегодня каждому по красной таблетке в дополнение к аттестату, заснем всей кодлой в актовом зале - и здравствуй, реальный мир!

Они поржали, потом Пашка достал приставку и предложил напоследок срезаться в 'танчики', что и было сделано со вкусом и задорными матюками (вполголоса, конечно, чтобы отец не услышал). И когда Андрей взглянул на часы, было уже начало шестого.

- Пойду я, пожалуй, - сказал Андрей с сожалением. - Уже собираться надо.

- Надо, - согласился Пашка немного растерянно. - Быстро время прошло. Вроде только сели, а уже вечер. И в школу в последний раз...

Андрей постоял на улице, глядя, как на горизонте начинают сгущаться тучи, и шагнул в свой подъезд. Уже на ступеньках возникла мысль, что он забыл нечто очень важное. Андрей притормозил и растерянно огляделся. Взгляд упал на ряды помятых почтовых ящиков, и он подошел поближе, не понимая, что его зацепило. Проверять почту было совершенно бессмысленно. Давно минули те времена, когда мама выписывала себе 'Огонек', а для Андрея 'Технику - молодежи', где печаталась фантастика с продолжением. Денег на приобщение к печатному слову у населения давно не водилось, а после дефолта об этом даже вспоминать было глупо. Писем же в их семье сроду не получали. Разве что тетя, живущая в Красноярске, могла прислать открытку ко дню рождения.

Он повторял про себя все эти аргументы, но рука уже тянулась к ящику с номером их квартиры. Андрей просунул три пальца в щель и повернул язычок замка. Помятая дверца открылась со ржавым скрипом, и он осторожно заглянул внутрь. В правом углу у стенки покоился засохший огрызок, рядом лежала груда серых листовок - шедевры местной предвыборной агитации. Физиономии кандидатов напоминали милицейские фотороботы. Андрей со вздохом потянул наружу весь ворох и только тогда заметил среди бумажек толстый конверт.

Бросив листовки в соседний ящик, он с удивлением прочел на конверте свое имя, отчество и фамилию. От кого могло прийти такое письмо, Андрей не имел ни малейшего представления, но адрес был правильный. Андрей машинально поднялся к лифту, продолжая вертеть находку в руках. Буквы были начертаны очень тщательно, причем писали, похоже, не шариковой ручкой, а перьевой. Или даже самым настоящим пером - судя по тому, как расплывались чернила. Почерк был твердый, но при этом изобиловал завитушками в псевдостаринном стиле. Бумага была старая, пожелтевшая, словно письмо полвека пролежало в хранилище, прежде чем его решились доставить по назначению.

И только зайдя в квартиру и остановившись возле окна, Андрей обратил внимание на почтовую марку. Она была очень крупная и выпуклая на ощупь. Звериный глаз глядел на него с конверта, блестя в лучах вечернего солнца.

Глава 3

Если перейти заплатанную асфальтовую дорогу, где машины

осторожно пробираются среди ям, потом прошагать по детской площадке с покосившейся шведской стенкой, поднырнуть под проволокой, на которой обвисли покрытые пылью пододеяльники, поморщиться от резкого ветра, что рвется в просвет между двумя восьмизэтажными глыбами, миновать шеренгу приплюснутых гаражей, где по утрам в выходные дни разливают пиво и копаются в недрах раздолбанных 'жигулей', и, наконец, подняться по бетонным ступенькам между кустов сирени, то можно выйти прямо к школе номер четыре. А если обернуться и посмотреть на юг, то в ясную погоду будут видны далекие синеватые горы...

Сейчас с юго-запада приближался грозовой фронт, и по его гранитно-серой стене пробегали трещины молний. Солнце застыло над краем наползающей тьмы, не решаясь оставить город в такой момент, но свет его уже потускнел, и было понятно, что оранжевый диск вот-вот сорвется за горизонт. Тени деревьев болезненно удлинились, подбираясь к зданию школы, и в окнах спортзала сверкал закатный огонь. Ветер гнал по асфальту пыль и высохшие травинки.

Андрей пришел на полчаса раньше, потому что так попросила завуч Наталья Викторовна. Надо было переставить столы и занести припасы в классную комнату, где все соберутся после вручения аттестатов. Его, наверное, уже ждали, но Андрей продолжал стоять, повернувшись спиной к горячему ветру. Он думал о конверте, который так и не вскрыл. Тогда в квартире он уже хотел надорвать бумагу, но тут позвонила мама и сказала, что немного задержится. Положив трубку, Андрей вернулся к письму, но вспомнил, что надо еще погладить рубашку. Потом пошел в душ, а когда вылез, времени уже не было. И сейчас нераспечатанное послание лежало на книжной полке - рядом с разбуженной Горючей Слезой...

Перебирая в памяти странности последних часов, Андрей разглядывал надписи на стенах котельной, которая приткнулась между школой и ближайшей многоэтажкой. Бросались в глаза двухметровые литеры ДДТ, хронологические отметки вроде '11-Б, выпуск 1998' и, наконец, интеллигентное пожелание: 'Банду Ельцина под суд!' Еще была неожиданная сентенция: 'Зеленые - лохи!' Кому здесь могли досадить экологи, Андрей не имел понятия. Ну, разве что, в гаражах завелось нефтяное лобби... Андрей пожал плечами и зашагал к крыльцу.

Там уже стояли двое пацанов из параллельного класса и демонстративно курили, не желая уходить за угол. В костюмах они смотрелись солидно и непривычно. Андрей пожал им руки и спросил:

- Ну, чё там?

- Да ничё пока, - сказал один, выпуская дым.
- Народ уже подтянулся?
- Да вроде. Таскают чё-то.
- А вы чё стоите?
- А х... делать?

Поучаствовав в этом содержательном диалоге, Андрей шагнул в вестибюль. На первом этаже царила пыльная тишина, но сверху доносились приглушенные возгласы. Потом что-то загрохотало и рассыпалось по полу. Возгласы стали громче. Андрей подошел к зеркалу на колонне и полюбовался собственным отражением. В целом, неплохо - пиджак не слишком болтается, на морде заметны проблески интеллекта. Галстук Андрей надевать ее стал. Ну ее нафиг, эту удавку - и без нее душно. Со второго этажа спустились трое одноклассников и физрук, лицо которого светилось в ожидании пьянки.

- А, Сорокин, - констатировал он. - Давай с нами.

Они прошли по гулкому коридору, из окон которого открывался вид на внутренний двор, потом свернули в 'аппендикс' и оказались возле столовой. Там была еще одна дверь на улицу - нечто вроде черного хода, возле которого сейчас стояла ободранная 'газель'. Физрук заглянул в салон, удовлетворенно кивнул и скомандовал:

- Так, парни, в темпе - взяли по ящику и вперед. Но аккуратно, не уроните!

Андрей потащил наружу ящик с шампанским (тяжелый, сволочь!). Дальше стояла водка и сухое вино. Вадик Фоменко восхищенно заметил:

- Ни фиги себе! Это все нам, что ли? Тут целый месяц можно бухать.

- На месяц не хватит, - со знанием дела сказал физрук. - И про родителей не забудь.

- И про педагогический коллектив, - уточнил Андрей.

Физрук одобрительно посмотрел на него, прикрыл дверцу, и они, крихтя, потащили драгоценную ношу. В классе уже царила веселая суета. Столы сдвигали к стене и ставили по периметру - так чтобы середина оставалась свободной. Чья-то мама громко распоряжалась. Андрей с пацанами сгрузили ящики в угол, и их сразу погнали в очередной рейс. Всего пришлось сходить к фургону три раза. За это время народу в классе прибавилось. Женская часть родительского актива стелила скатерти и расставляла тарелки. Отцы в это время разглядывали бутылки. Из угла доносилось:

- А водка левоватая, точно. Видите, клей размазан? Надо было с завода брать.

- Самый умный, да? Вот и съездил бы на завод.
- У меня машина сломалась.
- Вот и починил бы...

В классе уже было не протолкнуться. Андрей пытался сообразить, каким образом все разместятся за столами, но потом ему объяснили, что родители будут сидеть в другом помещении. Часть спиртного уже перетасили туда. Нарядные люди входили и выходили, хихикали и ржали здоровым смехом. Староста Галя, которая с новой прической стала еще страшнее, пыталась кем-то командовать, но на нее не обращали внимания. Андрей хотел заранее застолбить место рядом с Оксаной, но та еще не пришла. Тогда он выбрался в коридор и присоединился к компании пацанов, которые, стоя на площадке третьего этажа, разглядывали прибывающих одноклассниц. Девчонки поднимались по лестнице с таким видом, словно шли по красной дорожке в Каннах, и облагающие наряды волновали воображение. Кто-то заметил, что снизу смотреть еще интереснее. С этим никто не спорил. Из актового зала доносилось: 'Раз-раз, проверка. Раз-раз...' Андрей стоял, опершись на перила локтями, и краем уха ловил случайные разговоры:

- ...да, если серебряная медаль, то тоже один экзамен...
- ...это ей сейчас семнадцать исполнилось, а этому козлу уже сорок...
- ...говорил, на рельсы ляжет. И чё не лег? С документами он работает...
- ...два угловых в добавленное время - две банки, ты такое видел вообще?..
- ...алюминиевая подвеска, и что? Ездит вроде, не жалуется...
- ...мелирование вообще не идет, и платье, кстати, отстойное...
- ...доллар сегодня 24,22 - утром передавали...
- ...да какой там, нафиг, зеленый? Синий будет, я думаю...

Заинтересовавшись последней фразой, Андрей обернулся, но два мужика уже удалялись, и дальнейшего разговора было не разобрать. Андрей опять стал выискивать взглядом Ксюху. Почему-то он не подумал, что она может подняться по другой лестнице. И только в последний момент заметил, что Оксана входит в актовый зал. Рядом с ней, как всегда, маячил Руслан, и Андрей досадливо сморщился. Тут появился Пашка в сопровождении бати - оба в безупречных костюмах и белоснежных рубашках.

- Ну что, молодые люди, готовы к переходу в новую жизнь? - бодро поинтересовался Альберт Викторович.
- Усегда готовы! - гаркнул Фоменко.

Пашкин отец благосклонно кивнул и хотел сказать еще что-то, но в коридоре показался директор школы. Звезда Героя ярко блестела на пиджаке.

- Товарищи! - возвестил директор, пригладив седые волосы. - Прощу всех в зал.

Народ зашумел и заволновался, но обошлось без давки. В этом году было всего три выпускных класса - А, Б и В. Больше не набралось. Четвертая школа считалась не самой лучшей, а многие прямо говорили: 'Отстой'. Все хотели в двенадцатую, где есть огромная спортплощадка, навороченные компьютеры и крутая дискотека по пятницам. А здесь что? В спортзале от одной стены до другой доплонешь, если хорошо постараться. Про компьютерный класс вообще рассказать стыдно, такие там гробы установлены. Информатику ведет физик, которому уже почти семьдесят - он еще, наверно, арифмометры видел. Но ничего - сидит, копается в микросхемах. Набор инструментов у него подходящий - отвертка крестовая и ключ 19 на 22. Пашка, когда в первый раз увидел, чуть в осадок не выпал...

- Слышь, Андрюха, - сказал Фоменко вполголоса. - А пошли, пока они там рассядутся, по пятьдесят вмажем?

- Да ну, - сказал Андрей. - Что, потерпеть не можешь? Сейчас, аттестаты выдадут - потом хоть по четыреста пятьдесят. Вся ночь еще впереди...

Он прервался и помахал рукой маме, которая шла с другими родителями. Она посмотрела на него вопросительно. Андрей сделал успокаивающий жест - сейчас, мол, тоже иду. Мама улыбнулась и шагнула в актовый зал.

- Да ладно тебе, - продолжал Фоменко. - Это бодяга часа на полтора, а то и на два. Ну, ты прикинь - директор речь толкнет, потом кто-нибудь из учителей, потом еще из родителей. Запаришься ждать. И вообще, не знаю как ты, я а чего-то слегка стараюсь...

Последний аргумент убедил Андрея. Сам от тоже почувствовал, что по мере того, как коридоры пустеют, его охватывает странное, но неприятное чувство. Казалось, кто-то неотрывно смотрит ему в затылок. Андрей оглянулся, но ничего, естественно, не увидел. Снизу по лестнице поднимались несколько опоздавших в сопровождении завуча.

- Ладно, - решил он, - тогда пошли быстро в класс, а то завучиха выцепит.

Их классная комната была рядом, и Андрей с Фоменко спустя пять секунд были уже внутри. Опоздавшие прошли мимо них. Было слышно, как Наталья Викторовна отвечает кому-то: 'К началу грозы успеют'. Дверь в актовый зал открылась, потом

захлопнулась снова, и стало неестественно тихо.

Окна в классе были распахнуты на восток. Небо здесь было чистое, и даже не верилось, что с другой стороны на город идет гроза. Снаружи сгущались сумерки, и загорались первые звезды. Из окон просматривался глухой закуток двора, кусты сирени и дикие абрикосы. Сквозь эти заросли была видна спортплощадка, посреди которой торчал высокий железный столб. По идее, он предназначался для поднятия флага, но Андрей эту процедуру ни разу не наблюдал. Там даже веревки не было. Зато однажды в процессе нудных беговых упражнений он, о чем-то задумавшись, врезался в проклятую мачту лбом. Столб обиженно загудел, а между глаз разлился фингал. Физрук тогда успокоил: 'Ничего, Сорокин, пятнадцать сантиметров лобной кости тебя спасли'...

- Знаешь, Андрюха, - сказал Фоменко, - шутки шутками, а бухла тут реально много. Я думал, родители всю водяру к себе утащат, а нифига. Целый ящик у нас остался - это не считая вина и всякого там шампанского. О, даже коньяк стоит. А у нас всего десять пацанов в классе. Откуда такая щедрость? Я, честно говоря, думал, придется в ларек бежать...

- Видишь, как тебя удивили... А, вот уже открытая. Это, по ходу, мужики приложились, которые за качество спорили. Решили лично проверить...

- Жалко, хавчик заранее не поставили. Чем закусим?

- Вон конфеты стоят.

- С орехами есть?

- Гурман, бляха... Может, свет включим?

- Да не, нормально. Рюмку мимо не пронесешь.

- Уговорил, красноречивый. Ну, за выпускной, что ли?

- Ну, дык...

Водка была прохладная и бодро ухнула в пищевод. Андрей закусил конфетой, прошелся из угла в угол и заглянул в шкафчик возле двери. Там хранились чертежные принадлежности - циклопический циркуль, транспортир и линейка в метр длиной. На другой полке лежали пособия для рисования с натуры - деревянные пирамидки, кубики, параллелепипеды и еще какая-то хрень более сложной формы. Шар отсутствовал - наверное, укатился.

- А ты куда поступаешь, Вадик?

- Да фиг его знает, не решил еще.

- О, коллега...

- Ну что, давай еще по одной?

- Не, я, пожалуй, пас. Пошли послушаем, что наш аксакал вещает.

- Ты иди, если хочешь, а я еще посижу. Неохота туда переться.

Даже если аттестаты начнут вручать, я все равно в конце алфавита...

Андрей слегка удивился - раздолбай Фоменко обычно вел себя по-другому. Ну, в такой вечер каждый сходит с ума по-своему. Андрей открыл дверь. От сквозняка оконная рама хлопнула, и стекла опасно задребезжали.

- Ого, - сказал Фоменко, - надо остальные окна закрыть.

И когда он поворачивал створку, по стеклу мелькнул отраженный свет. словно в полумраке среди ветвей горел карманный фонарик. Или светился чей-то голодный глаз...

- Ладно, Вадик, - сказал Андрей, - как надумаешь, подходи.

Он выбрался в коридор и прислушался. В актовом зале бубнил директор. Андрей осторожно заглянул внутрь и сразу заметил свободный стул - у стенки, недалеко от входа. Он тихо вошел и сел, потом оглядел собравшихся. На появление Андрея никто не отреагировал. Все заворуженно смотрели на сцену, где стояла маленькая трибуна. Народ не шушукался и не отвлекал соседей, не было даже хихиканья на галерке. Слушали так, словно директор делился мистическим откровением или оглашал призовые номера в 'Спортлото'. Андрей удивился и тоже начал внимать:

- ...кто-то скажет, что это нечестный выбор. Кто-то посетует на судьбу. Но, как сказал в свое время Козьма Прутков: 'Всякий необходимо приносит пользу, употребленный на своем месте'. Задумайтесь - армия не может состоять из одних только элитных бойцов или героических летчиков. Есть еще танкисты, мотопехота, артиллеристы. Есть, наконец, интенданты и обслуживающий персонал на аэродромах. На шахматной доске действуют не только ферзи. Короля защищают ладьи и кони, слоны и пешки. Да-да, те самые пешки, о которых многие склонны думать пренебрежительно. Но вспомните - даже пешка, проявив целеустремленность, может дойти до края, обретя там новое качество. Так же и человек способен перерасти себя. Перст судьбы - это не приговор, а только ожидаемый вектор...

Во дает, подумал Андрей. Это он на целине нахватался? С такими метафорами надо войска в поход посылать, а не аттестаты подписывать. Или я что-то важное пропустил?

Он отыскал глазами Оксану. Та сидела возле окна - задумчивая и неправдоподобно красивая. Тоненькие плечи были открыты, глаза распахнуты, и пушистые волосы рассыпались по спине - Ксюха не стала изобретать для выпускного экзотическую прическу. И правильно сделала - лучше, чем сейчас, придумать было нельзя...

Андрей больше не слышал, о чем говорит директор, и все,

кроме девушки у окна, исчезли из его восприятия. Он забыл про табель с оценками и про поступление в институт, про Горючие Слезы и про дурацкие конверты с глазами, про все намеки и недомолвки последних дней. Он просто смотрел на Ксюху и никак не мог наглядеться. А когда директор замолк, и все задвигались и оживленно загомонили, он даже не сразу вспомнил, ради чего собрался народ.

Завуч выскочила на сцену и пропищала:

- Спасибо, Иван Петрович! Замечательно вы сказали: 'Обретая новое качество'... Ну что ж, дорогие выпускники, а теперь ваш новый статус получит первое материальное подтверждение - аттестат о среднем образовании. И начнем мы с самых достойных - с наших золотых и серебряных медалистов...

Медалистов было немного - человек пять. Они по очереди подходили к столу, принимали из рук директора корочки и выслушивали напутствия. Им желали удачно поступить в институт, достичь карьерных вершин, но при этом не зазнаваться и чего-то там достойно нести. Медалисты заученно улыбались, обещали нести и не уронить, и, наконец, возвращались на свое место. Поначалу им хлопали, но потом народ соскучился, разговоры становились все громче, а в углу периодически ржали. Отоварив всех медалистов, директор присел за стол, а его место на раздаче заняла завуч. Дело пошло быстрее. Хорошисты и троечники ничего не обещали, а просто хватали корочки и сваливали с чувством выполненного долга. Родители щелкали 'мыльницами', а один папаша метался вокруг стола, держа профессиональную камеру с телескопическим объективом. Многие из тех, кто уже свое получил, выходили из зала - сначала на цыпочках, чтобы не привлекать внимания, а потом чуть ли не вприпрыжку.

В глубине зала освобождались места, и Андрей пересел поближе к своим. Было жарко и душно. Многие парни сбросили пиджаки, а барышни томно обмахивались раскрытыми аттестатами. Андрей, увлекшись разговорами ни о чем, даже не сразу услышал, как завуч называет его фамилию. Спотыкаясь о чьи-то ноги, он подобрался к сцене.

- Поздравляю, Андрей, - сказала Наталья Викторовна. - Без единой тройки закончил. А если бы старался, мог бы, наверно, и медаль получить.

- Ага, - промямлил он, - буду иметь в виду.

Повертел в руках невзрачную корочку, вспомнил подслушанный разговор и, неизвестно зачем, спросил:

- Так что, Наталья Викторовна, к началу грозы успеем?

Завуч взглянула на него с удивлением, а потом рассмеялась:

- Иди, Сорокин. И не волнуйся. Никто еще не опаздывал...

...За столом рассаживались со смехом и прибаутками. Руслан, наконец-то, свалил в свой параллельный класс, но места рядом с Ксюхой уже оказались заняты. Соседкой Андрея стала Анька Смирнова - бойкая девица с подчеркнуто спортивным телосложением. Однажды на физре она буквально поразила Андрея, три раза присев на одной ноге. Для него это было нечто из области олимпийских рекордов. Впрочем, девчонка она была неплохая и в выпускном платье смотрелась довольно мило. Как легкоатлетка из сборной, которая заняла на Олимпиаде первое место, а теперь прискакала в Кремль за обещанной премией. Там ведь среди них попадаются о-го-го! Мы не берем, естественно, метательниц молота и прочих, толкающих ядро в четыре кило на 22 метра. А вот, например, прыгуны в длину - это уже другой разговор, и Анька им вполне соответствует...

Кто-то хлопнул пробкой из-под шампанского, барышни взвизгнули, а парни одобрительно зашумели. Двоечник Мухин, который за эти годы едва не свел в гроб классную руководительницу Веру Павловну, теперь, улыбаясь, подливал ей вина в бокал. Классная, судя по виду, была довольна. Андрей вспомнил заветы старших товарищей и, дабы не понижать градусы, решил употреблять водку. Аня подкладывала ему салат на тарелку и попутно объясняла своей соседке:

- Ты вот на французский пошла, а я на английском всегда с Андреем садилась. Я ни бум-бум, а он как выдаст чего-нибудь...

- Да ладно тебе, Анька, - сказал Андрей. - Что ты выдумываешь? Я по-английски только одну фразу и выучил без запинки: 'My name is Andrew'.

- Во, слышала?! - торжествующе воскликнула Анька, как будто он только что прочел Шекспира в оригинале. - И так на каждом уроке...

Справа от Андрея школьный панк (а под настроение - металлист) Илюха жаловался соседям: 'Я в этом костюме чувствую себя как debil'. И, распахнув пиджак, демонстрировал свою борьбу с конформизмом - подкладка была утыкана огромными булавками, каждая в дециметр. Если специально не отгибать полу, булавки не бросались в глаза, но на интенсивность протеста это, видимо, не влияло.

- Дорогие мои, - сказала классная добрым голосом, сделавшись похожей на ведущую программы 'Аншлаг'. - Давайте выпьем за вас...

Андрей посмотрел на Ксюху и опрокинул в себя вонючую бесцветную жидкость. Он успел повторить эту операцию еще три раза, прежде чем в актовом зале заревели динамики. Первым

делом Андрей услышал: 'Убили негра, убили...' Ага, подумал он с облегчением, значит все же не 'Руки вверх'. Но в ту же секунду певец про негров заткнулся, и динамки дружно рывкнули: 'Крошка моя, я по тебе скучаю!' Панк Илюха сделал страдальческое лицо. Девчонки вылезали из-за столов и тащили пацанов за собой. Они, похоже, были готовы плясать под любую музыку - лишь бы погромче и побыстрее.

В актовом зале по потолку метались цветные блики, стулья были сдвинуты к стенам, а в центре уже скакали человек двадцать. Пашка дергался вокруг Танечки и даже, кажется, подпевал. Андрей кое-как отбил от Аньки, которая рвалась в круг, и подумал, что для восприятия такого репертуара надо выпить еще. Песня кончилась, но сразу началась другая их той же серии. Народ прибывал, пол под ногами ощутимо подрагивал. Ксюха подошла в сопровождении Русика. Тот хлопнул Андрея по плечу и спросил: 'Ну что, Сорокин, как настроение?' Андрей показал ему большой палец, хотя было искушение показать средний. Начался медляк, и Руслан вывел Оксану в центр. Остальные расступались перед ними, как замороженные, словно желая позлить Андрея. Руслан улыбался, а хрупкая Ксюха глядела на него снизу вверх. 'Самая красивая пара школы', - объясняли кому-то из подошедших родителей. Андрей чертыхнулся про себя и протолкался к выходу.

В коридоре тоже кипела жизнь. В дальнем углу целовались, не глядя на окружающих. Чуваки из параллельного класса разливали прямо на подоконнике. Ни учителя, ни родители не обращали внимания. Подивившись такому либерализму и перекинувшись парой слов с одной из шумных компаний, Андрей спустился по лестнице и вышел во двор. Несколько мужиков курили у входа и о чем-то лениво спорили. Среди них был Пашкин отец. Он поманил Андрея рукой и обратился к собравшимся:

- А давайте у нового поколения спросим. Оно у нас продвинутое - глядишь, и просветит стариков. Вот скажите нам, юноша, будет ли конец света?

- Обязательно, - ответил Андрей, чтобы побыстрее отвязаться.

- В августе. Нострадамус предсказывал, я по телевизору слышал.

- По телевизору... - пробурчал усатый дядя с огромными кулаками. - Дурят головы людям, а эти уши развесили...

- Ну, - сказал еще кто-то, - насчет Нострадамуса я не знаю, но есть ведь объективные предпосылки...

- Это какие, например?

- Ну, скажем, компьютеры полетят. 'Проблема 2000'...

- Херня это все! Я на компе дату менял искусственно, чтобы

проверить - и ничего, нормально работает.

- А у нас, кстати, в городе баба есть по имени Конец Света.

- То есть?

- Ну, была она Света, например, Иванова. Вышла замуж, а у мужа фамилия такая - Конец. Короче, не повезло ей. В телефонной книге стоит.

- Да уж...

- А я вот иногда думаю, - сказал плюгавый мужик с лицом интеллигентного пьяницы, - что конец света уже настал. Нам только кажется, что мы до сих пор живые, ходим на работу и смотрим новости. А на самом деле давно все померли, а на Земле - пустыня. Это как, знаете, остаточное свечение...

Все ошарашенно замолчали, а уса́тый дядя показал жестами - этому больше не наливать. Андрей, про которого все забыли, отошел подальше за угол. Он стоял, наслаждаясь прохладным ветром, и боялся поверить, что именно так и выглядит взрослая жизнь - идиотские разговоры в промежутках между распитием водки и жалобы, что нас дураят по телевизору. И вот к этому нас готовили десять лет? Елки-палки, да я прямо сейчас аттестат верну и попрошусь остаться на второй год...

Наконец, стоять в одиночестве надоело. Прежде чем вернуться на третий этаж, где находился актов́ый зал, Андрей решил пройтись по второму. Народу здесь было гораздо меньше. Андрей прошагал мимо запертого спортзала, потом мимо кабинета обществоведения, в котором прежде размещался школьный музей (на одном из столов до сих пор стоял макет шалаша в Разливе; он давно выцвел и пожелтел, но выкинуть - руки не доходили). Кабинет физики, кабинет математики, кабинет географии. Из-за очередной двери донеслось хихиканье и звук сдвигаемой мебели. В конце коридора была спортивная раздевалка для пацанов, и Андрей зачем-то заглянул внутрь.

Раздевалка была пуста - крохотная комнатенка с подслеповатым окном, единственной лавочкой у стены и крючьями для одежды. Андрей вспомнил, какая толкотня здесь царила после возвращения с физкультуры - все задевают друг друга локтями, весело матерятся и пытаются найти свои вещи. Да, еще пикантный момент - школа построена буквой П, и женская раздевалка, располагаясь в другом крыле, выходит окнами непосредственно на мужскую. И вот однажды - года два или три назад - Фоменко, не поленившись, принес бинокль, и все по очереди пытались прикоснуться к прекрасному. Правда, ничего увидеть не удалось - у девчонок стекло было почти полностью закрыто картонкой. Но энтузиазм, можно сказать, зашкаливал...

Андрей вдруг вспомнил, что Фоменко сегодня так и не

появился в актовом зале. И за столом его тоже не было. Вот блин, он вообще аттестат забрал? Вадик, конечно, выдающийся раздолбай, но не до такой же степени? Это что получается - он выпил с Андреем по пятьдесят, потом задержался в классе, выпил еще по маленькой и пошел куда-то гулять? Бред собачий...

- Андрей, ты что потерял? - спросили из коридора.

Он оглянулся. Анька-спортсменка смотрела на него, улыбаясь.

- А я тебя искала, - сообщила она.

- Правда? - Андрей несколько растерялся.

- Ага. Ты смылся куда-то, я с девками еще поскакала минут пятнадцать, а потом как-то скучно стало. Ди-джеи наши - это вообще атас. Ну вот, решила пройтись. А тут ты стоишь. Чего ищешь-то?

- Да Вадик куда-то делся.

- Какой Вадик?

- Ну, Фоменко. Других у нас, вроде, нету.

- Фоменко? - Анька наморщила лоб, словно пытаясь вспомнить. - Ладно, неважно. Ну-ка, что у вас тут?

Она вошла в раздевалку и огляделась. С интересом прочла надпись из трех букв на стене, провела пальцем по замызганному стеклу и сказала:

- А ничего, забавно. Интимно, можно сказать. И наши окна хорошо видно...

Андрей воздержался от комментариев. Аня села на лавочку и вытянула длинные спортивные ноги.

- А помнишь, как мы на спартакиаду ездили? - спросила она. - Третье место заняли в городе...

- Это вы третье, а мы среди пацанов - предпоследнее, - пробурчал Андрей, вспоминая свой позорный промах из-под кольца и красочные эпитеты, которыми его наградил физрук. Аня засмеялась и поправила платье. Ноги от этого оголились еще сильнее. Андрей скользнул по ним взглядом, потом посмотрел в окно и неожиданно для себя предложил:

- Слушай, Аня, а пошли во двор танцевать? Там места много, не то, что в зале.

- Интересное предложение, - она подошла и, прижавшись к нему плечом, тоже выглянула во двор. - А пошли!

- Шампанского захватить?

- А давай!

Они заскочили в класс, и Андрей схватил со стола почти полную бутылку с шипучим напитком. Классная Вера Павловна посмотрела на него снисходительно, но ни слова не возразила. Из актового зала доносился канкан и лихие взвизги. Андрей и Аня, глупо смеясь, скатились по лестнице. Кто-то крикнул им вдогонку: 'Але, потише, баскетболисты!' Стало еще смешнее. Они выскочили из школы, свернули за угол и вышли на асфальтовую площадку, с трех сторон окруженную школьными корпусами. Музыка с третьего этажа гремела, и цветные блики вырывались из окон.

- Ну, к канкану я пока не готов, - признался Андрей. - Давай пока это самое?..

Она глотнула из горлышка и вернула ему бутылку. Андрей подумал, что без понижения градусов сегодня не обойтись, и эта мысль еще больше подняла ему настроение.

- Слушай, а кому это памятник? - Аня кивнула на каменный столб с бюстом Николая Островского. - Давно хотела спросить, только забываю все время.

- Стыдись, Смирнова. Ты что, не знаешь, в честь кого у нас школа названа?

- А она что, в честь кого-то названа?

- Двоечница ты, Аня.

- Ну, правда, Сорокин, кто это?

- Да Островский же, елки. Писатель.

- А, погоди, я помню, мы проходили. 'Луч света в темном царстве', правильно?

- Нет, то другой был.

- А этот?

- А этот - 'Как закалялась сталь'.

Анька посмотрела на него с уважением и больше вопросов не задавала. Канкан, наконец, закончился, и после секундной паузы с третьего этажа донеслось: 'Как упоительны в России вечера...' Да, неплохие, согласился Андрей. Он поставил бутылку на щербатый бордюр, а потом они с Анькой шагнули ближе друг к другу. Она была высокая и худая и, стоя на каблуках, почти не уступала Андрею в росте. Ему было достаточно немного наклонить голову, чтобы встретиться с ней губами. Он осторожно провел ладонью по ее узкой сильной спине, а она положила руки ему на плечи. С верхнего этажа кто-то одобрительно засвистел, но они не обратили внимания. Им было хорошо и легко, и они не желали знать, что над школой закручиваются в спираль тяжелые зеленоватые тучи.

На площадку подтягивался народ - видимо, идея понравилась. Все плясали в кругу, а потом, когда музыка замедлялась, снова разбивались на пары. Бутылок на бордюре прибавилось. Андрей не чувствовал себя пьяным, но музыка и сполохи света сливались в бесконечный калейдоскоп. Стоя у столба под бюстом Островского, он с кем-то говорил и смеялся, потом все клятвенно заверяли друг друга, что школьная дружба - это святое, и обещали не забывать, и диктовали номера телефонов, хотя записывать был нечем. И утверждали, что будут встречаться если не раз в неделю, то уж раз в месяц - это вообще железно. И обнимались, и хлопали друг друга по спинам...

Потом Андрей обнаружил, что сидит на стуле под деревом (откуда здесь стул вообще?), а Анька устроилась у него на коленях, и платье задралось почти до пупа. Они опять смеялись и целовались, и он объяснял ей, что с такими ногами, как у нее, надо не в длину прыгать и даже не в высоту, а сразу идти в модели. Она серьезно кивала и просила напомнить позже. Потом они зачем-то ушли за пределы школьной ограды, выбрали на улицу с редкими фонарями и стояли в обнимку, решив приветствовать проезжающие машины, но машин все не было, и тогда Андрей вспомнил, что дело идет к рассвету. И едва они обернулись к зданию школы, сверкнула розоватая молния, а небо над крышами взорвалось оглушительным громом.

И стало понятно, что время вышло.

- Сорокин, мне страшно, - сказала Анька.

Он молча погладил ее по короткой стрижке. Еще одна молния расцарапала небо, и на школьном дворе кто-то истошно завопил: 'Начинается!..'

- Пойдем, Смирнова, - он поймал ее взгляд. - Не бойся, ты же спортсменка...

Анька нервно хихикнула, вцепилась в него, и они побрели к воротам. Андрею казалось, что их кто-то толкает в спину - словно вокруг школы сжимается невидимое кольцо. Музыка в актовом зале смолкла, и люди выходили на улицу. Выпускники растерянно озирались, а кто-то из девчонок заплакал. Гром гремел почти непрерывно, в воздухе запахло озоном. Ветер терзал листву тополей, посаженных вдоль ограды.

Вчерашние школьники сгрудились на асфальтовом пятачке между кирпичными корпусами. Учителя и родители молча остановились поодаль. Молнии лупили прямо в центр площадки, игнорируя громоотводы на крышах, но не достигали земли - как будто над людьми появился прозрачный купол. Андрею почудилось, что он висит внутри воздушного пузыря, который затерялся в электрическом океане.

Очередной разряд заставил его зажмуриться, а, проморгавшись, Андрей увидел мурену.

Она скользила на высоте примерно двух метров, медленно извиваясь. Это не был полет - мурена плыла по воздуху, словно тот обрел невероятную плотность. Время тоже стало густым и вязким. Люди вокруг застыли в нелепых позах, как насекомые в капле люминофорной смолы. Андрей понял, что он единственный, кто воспринимает мурену, - для всех остальных секунды остановились. Зубастая тварь, ощерясь, подплывала к нему. Выпуклый глаз - такой же, как сегодня утром был на конверте, - тарачился, отражая сполохи молний. Мурена вглядывалась в Андрея, словно пытаясь определить, верно ли сделан выбор.

Потом она распахнула пасть.

И в этот момент раскололся прозрачный купол, который сдерживал натиск электрической бури. Щупальца молний хищно потянулись к мурене, и в колодце двора заметался безумный вопль, который почти переходил в ультразвук.

Мурена корчилась в потоке огня, и вокруг распространялись волны нестерпимого жара. Андрей почувствовал, что сознание меркнет, и все исчезло в ослепительной вспышке.

Когда он пришел в себя, то понял, что стоит на коленях, опираясь руками на зернистый асфальт. Было неестественно тихо, гром прекратился, и молнии не сверкали. Андрей поднялся на ноги и отряхнул брюки. Люди задвигались, удивленно озираясь вокруг. Кто-то спросил: 'Все, что ли?' Рядом облегченно вздохнули. Анька обернулась к Андрею и неуверенно улыбнулась. Он хотел сказать ей что-нибудь ободряющее, но взгляд упал на стоящую рядом старосту Галю, и фраза застряла в горле.

У Гали было что-то неладно с левой рукой. Сначала Андрей

подумал, что между запястьем и локтем у девушки вздулись вены. Потом он понял, что это, скорее, напоминает татуировку, которая, разрастаясь, густо оплетает предплечье. Узор усложнялся с каждой секундой, тонкие линии удлинялись и пересекались друг с другом.

Галя взвизгнула и начала скрести руку, словно пытаясь стряхнуть налипшую паутину. Но узор не исчез - теперь он даже слегка светился. Цвет был песочно-желтый, с легким зеленоватым оттенком.

В дальнем углу площадки завизжал еще кто-то, и Андрей, завертев головой, увидел, что 'татуировка' проступает у всех. У Аньки она оказалась лиловой с красным отливом. Руслан закатал рукав, обнажив ярко-синюю 'паутину'. У Ксюхи узор имел насыщенно-алый цвет с оранжевыми вкраплениями. Она хмурилась, но разглядывала руку без страха, и лицо ее казалось новым и незнакомым.

Андрей сообразил, что у него тоже зудит предплечье. Он торопливо задрал рукав и уставился на сложный узор, от которого зарябило в глазах - множество разноцветных блестящих нитей, переплетенных случайным образом. И, словно этого было мало, линии постоянно изменяли оттенки. Только иногда вся эта какофония прекращалась, 'татуировка' на пару секунд бледнела и начинала отливать серебром - как будто руку обмотали елочным 'дождиком'.

Андрей заметил, что многие взрослые, столпившиеся у края площадки, уставились на него с испугом. И кто-то сказал негромко, но очень внятно:

- Мерцающий...

А потом на школьный двор обрушился ливень.

Глава 4

Сон был вязкий, липкий, навязчивый. Мерзкая топь, трясина, жирная хлябь. Андрей пытался проснуться, но каждый раз его затягивало все глубже. Кошмары поднимались из памяти как вонючие пузыри. Он снова стоял на школьном дворе один на один с муреной, и безумный глаз тарасился на него, пульсируя оранжевым светом. Потом руку сдавливал раскаленный браслет, и железный коготь царапал кожу. Боль поднималась от запястья к плечу, и Андрей начинал кричать, но звук терялся в удушливой темноте. Ксюха смотрела на него без улыбки, с гримасой брезгливого отвращения, как смотрят на огромное насекомое, которое выползло из травы на асфальт. А под конец Андрею приснился Вадик Фоменко. Тот сидел на лавочке в раздевалке, низко опустив голову и держа в руке пустую водочную бутылку. Андрей хотел окликнуть сидящего, но понял, что начисто забыл

его имя. Бутылка упала и покатилась, и тогда человек на лавочке медленно поднял взгляд. Черты его лица заострились, скулы проступали все резче, глаза потускнели, проваливаясь в глазницы, кожа пожелтела, словно пергамент, и начала осыпаться. Андрей ощутил отчетливый запах тления и понял что человек напротив давно и безоговорочно мертв. Мумия, которая высохла много веков назад, но до сих пор зачем-то притворялась живой...

Андрей закричал, и этот крик, наконец, позволил ему проснуться. Он резко сел на кровати и сразу ощутил тошноту. Вкус во рту был такой, словно он наглотался болотной жижи. За окном неярко светило солнце - судя по всему, дело клонилось к вечеру. То есть, он, выходит, проспал весь день. Андрей опять прилег на мокрую от пота подушку, вспоминая свои кошмары. Привидится же такое! Ну, еще бы - после вчерашнего...

Андрей вздрогнул, быстро посмотрел на левую руку, и сердце пропустило удар. 'Татуировка' была на месте - тускло-серебряное плетение, внутри которого иногда мерцали цветные искры. Твою ж мать! Значит, все-таки не приснилось...

Он попытался вспомнить, чем закончилась ночь. Всплывали разрозненные фрагменты, словно вырезанные из фильма. Черно-белые кадры, подсвеченные вспышками молний. Перекошенные лица, резкие тени. Криков не слышно - все заглушает гром. Островский каменно улыбается над площадкой. Рядом кого-то тошнит на клумбу. Андрей ощущает жгучую боль в предплечье, а в груди возникает горячий ком. Дышать становится трудно. Андрей еще подумал тогда, что алкоголем их накачали намеренно, в качестве своеобразной анестезии...

Ливень, сплошная стена воды и отблески на мокром асфальте. Выпускников ведут со двора, поддерживая и подталкивая в правильном направлении. Андрей уже почти ничего не воображает, но все же успевает заметить, что взрослые тоже имеют 'татуировки'. Цвета у всех разные. Но размышлять об этом - сил уже не осталось. Спасибо, что до дому добрался...

Сейчас, вроде, ничего не болело - осталось только похмелье. Стараясь не делать резких движений, Андрей спустил босые ноги на пол. Переждав головокружение, кое-как добрался до кухни. Вытащил из холодильника бутылку нарзана и, захлебываясь, выдул почти две трети. В носу защипало, из глаз едва не брызнули слезы, но голова слегка прояснилась. Андрей присел и оперся потной спиной о стену (в этом месте на обоях за много лет образовалось пятно). Он устало перевел дух и посмотрел на левую руку. Предплечье продолжало мерцать.

Так, подумал он, и кто бы мне объяснил, что это за

хреновина?

Под его взглядом искры замелькали быстрее. Он ощутил покалывание, а волосы на коже встопорщились, как будто Андрея слегка долбануло током. Узор гипнотизировал, как волшебный калейдоскоп. Разум лихорадочно подыскивал образы. Сейчас Андрею казалось, что перед его глазами мечется стая разноцветных рыбешек. Их много, очень много, целое облако - а где-то на заднем плане проступают очертания затонувшего корабля с толстыми высокими мачтами. Или, может быть, это башни древнего города, который погрузился на дно морское.

И едва Андрей подумал об этом, восприятие слегка изменилось.

Теперь было ощущение, что он стоит на городской площади в окружении небоскребов, а с неба сыплется конфетти - как бывает на Таймс-Сквер в разгар новогодней ночи. Чешуйки переливаются всеми цветами радуги, поток невероятно густой, словно мэрия решила за полминуты истратить двадцатилетний запас. Сквозь конфетти просвечивает экран, на котором идет обратный отсчет. До нового года остаются секунды. Огромные цифры зажигаются, сменяя друг друга. Пять, четыре, три, два, один... В самый последний миг Андрей почти понимает, зачем он здесь оказался, и хочет заорать во весь голос, чтобы остановить отсчет, но времени больше нет. Ноль! Горящий овал появляется на табло; он сразу обретает объем, превращаясь в зияющую воронку, и Андрей летит в бездонную черноту...

- Андрей! Андрюша, посмотри на меня!

Он вздрогнул и поднял голову. Мама стояла рядом и трясла его за плечо. Лицо у нее было белое, а голос почти срывался на крик.

- А? Что случилось?

- Я тебя уже минуту трясу! А ты уставился на эту дрянь и не слышишь...

Андрей невольно вздрогнул.

'На эту дрянь...'

Ну, правильно, а что он хотел? С точки зрения нормального человека...

Он отчаянно пытался осмыслить тот поток информации, который обрушился на него, словно прорвало неведомую плотину. В один момент исчезла стена, которая до сих пор не давала видеть.

Значит, есть четыре базовых цвета, примерно как группы крови. Синий, красный, желтый, зеленый. Плюс примеси и оттенки. Каждый рисунок на руке уникален, двух одинаковых не бывает - сочетание красок, переплетение волокон...

Единожды проявившись, узор уже не меняется. Программа на жизнь, записанная штрих-кодом. Линии судьбы в цветном исполнении. Мечта сумасшедшего хироманта...

Да, узор стабилен у всех.

Но иногда попадаются исключения.

Рисунок у Андрея мерцает.

И он не успел понять, что это должно означать...

Андрей осторожно скосил глаза. У мамы 'паутина' была яркая, густо-синяя - тот самый ультрамарин, которым дети рисуют море. Редкие вкрапления желтого и зеленого на этом фоне были мало заметны. В отличие от обычной татуировки, линии были четкие и совершенно не расплывались. Тонкие нити, бережно вживленные в кожу.

- А ты сегодня дома? - спросил Андрей, чтобы нарушить паузу. - Я почему-то думал, что в вечернюю смену.

- Нет, я в магазин ходила. Вспомнила, что у нас даже хлеба нету.

Она тяжело опустилась на табуретку. Глаза были красные, воспаленные, как будто она совсем не спала. Или недавно плакала.

- Ну, и как там?

- Где? - не поняла мама.

- Ну, на улице. Высохло все уже?

- На улице? Да, подсохло. Соседку встретила с девятого этажа. Кажется, уже весь дом знает... - она запнулась.

- Да? И что говорят?

- Да пусть говорит, что хочет! - мама неожиданно разозлилась. - Дура набитая, прости, Господи...

Она добавила непечатное выражение и, испуганно ойкнув, приложила ко рту ладонь. Это было настолько на нее не похоже, что Андрей рассмеялся. Мама тоже неуверенно захихикала. Андрей решил закрепить успех:

- А покушать можно чего-нибудь? С голоду умираю.

Она засуетилась и потащила что-то из холодильника. Андрей шагнул на балкон и подставил лицо вечернему солнцу. Небо было безоблачным, и даже не верилось, что ночью была гроза. Двумя этажами ниже стоял мужик в застиранной майке без рукавов. Он курил и стряхивал пепел через перила. На мощном предплечье был хорошо заметен синеватый узор с травяным оттенком.

Андрей задумался - каким образом удастся хранить секрет до самого выпускного? Ведь заговор такого масштаба просто обречен на провал. Кто-нибудь проболтается в любом случае - по пьяни или просто по доброте душевной. Расскажет детишкам, что с ними будет. Ну, а дальше сплетню не удержать...

Нет, подумал Андрей, здесь явно не все так просто.

И тут же понял - заговор, на самом деле, не существует. Любой ребенок много раз все слышал открытым текстом. Слышал, но не мог по-настоящему воспринять. Сразу включался некий предохранитель, защитный механизм (природу которого понимают, наверно, только ученые), и новая информация растворялась в памяти без остатка. Словно кусок рафинада в горячем чае. Оставался только привкус, неясное ожидание чуда. Ну, или бессознательный страх, порождающий детские страшилки про 'красную руку'...

И только в последние дни перед выпускным, когда трансформация уже назревала, замечания взрослых стали доходить до Андрея. Как тогда, в разговоре с Хомяком на лестничной клетке. Интересно - запомнил бы Андрей объяснение, если бы Серегу не перебили? Впрочем, теперь-то какая разница...

Он вернулся на кухню.

Потом они сидели, доедая котлеты, и мама уже почти спокойно рассказывала, как она мечтала, чтобы узор у Андрея оказался зеленым. Он ведь много читал и учился почти без троек, а если бы не ленился, мог бы и медаль получить, ведь не зря же Наталья Викторовна вчера говорила! И маме рисовались радужные картины, как Андрей поступит в престижный вуз и станет большим ученым. Все ведь знают, что в институтах (в гуманитарных особенно) зеленым отдают предпочтение... Ну, да, официально это не говорится, но первым делом обязательно смотрят на руку. Кстати, отец Андрея тоже из этих - узор у него красивый, изумрудного цвета. Этим он маму и покорила - умный был, ничего не скажешь, хотя и сволочь...

- Зеленые - лохи, - важно сказал Андрей, вспоминая надпись на стенке. И мама опять смеялась, и уже почти перестала вздрагивать, когда взгляд наткнулся на его мерцающее предплечье. Она призналась, что людей с нестабильным узором не встречала ни разу в жизни, и все ее представления почерпнуты из кухонных разговоров. Она вообще, если честно, считала, что это сказки, городские легенды, и поэтому на школьном дворе напугалась жутко...

- Погоди, - перебил Андрей, - а можно чуть-чуть подробнее? Почему ты, собственно, напугалась? Кто сказал, что мерцающие - плохие? Сама же призналась - их толком никто не видел.

Она пробормотала что-то насчет страшилок, которые гуляют в народе. Вроде и глупость, и чуть полнейшая, но все равно становится неуютно. Андрей заинтересовался и попросил привести примеры, но она вдруг смутилась, снова отвела взгляд и принялась собирать со стола посуду. И он, увидев, что больше

ничего не добьется, перевел разговор на другую тему.

Она рассказала про собственный выпускной, который был в семьдесят девятом. Их тогда тоже старательно напоили, так что момент, когда проступила 'татуировка', почти не остался в памяти. Родители довели ее до кровати, и во сне все как-то само собой улеглось по полочкам, разум благополучно примирился с новой картиной мира, а утром разглядывать руку было уже не страшно. Ну, потом еще в паспорте поставили штамп и выдали памятку, как положено... Что? Да, конечно, Андрею тоже поставят, повестка уже пришла.

Мама сходила в комнату и принесла бумажку унылого казенного вида, которая предписывала Сорокину А.С., 1982 года рождения, явиться в паспортный стол. Для сравнения она показала свою 'краснокожую паспортину' (еще советского образца, с серпом и колосьями на обложке), где на последней странице была загадочная пометка: ИСИ - I(03). Андрей попробовал расшифровку. Мама вспомнила только, что первая И означает 'индекс', а С - это, кажется, 'социальный'. Ну, или что-то из этой оперы. И вообще, двадцать лет назад, когда ей ставили штамп, она была юной романтической девушкой и не желала разбираться в бюрократических закорючках. Если Андрею нужны такие подробности, то нехай он обращается к паспортистке. В конце концов, они там для того и посажены. Андрей пообещал, что обязательно обратится, потому что он серьезный молодой человек и желает все выяснить досконально.

Потом они болтали еще о чем-то, но Андрей уже чувствовал, что его неудержимо тянет ко сну - видимо, перегруженный мозг снова нуждался в паузе. Он поплелся в ванную и чуть не заснул под душем, но все же кое-как выбрался и пожелал маме спокойной ночи, хотя солнце едва коснулось линии горизонта. Ввалился в комнату и рухнул лицом в подушку...

Снов на этот раз не было. Андрей разлепил глаза и по расположению солнечных лучей на стене моментально определил, что дело идет к обеду. Он полежал, прислушиваясь к собственным ощущениям. Голова была абсолютно ясной, и рука уже не зудела. 'Татуировка' перестала мерцать, и серебристо-стальной узор даже не очень выделялся на коже. Тоже, конечно, далеко не базовый цвет, но все же лучше, чем дурацкое мельтешение. 'Вот и чудненько', - сказал сам себе Андрей. Кошмары не то, чтобы совершенно забылись, но воспринимались теперь именно как кошмары - то есть нечто такое, что может во сне испугать до судорог, но не имеет силы при дневном свете. Чепуха, короче, дело житейское. Ну, мало ли - организм перестраивается, побочные эффекты, то, сё...

Андрей вскочил и с удовольствием потянулся. Потом бодро прошлепал в ванную и даже не особо расстроился, когда кран издевательски захрипел и отказался выдавать воду. Такое здесь случалось периодически, причем всегда без предупреждения - местный водоканал обожал сюрпризы. На этот случай имелся голубой пластмассовый тазик, который стоял на деревянной решетке и всегда был наполнен доверху. Андрей зачерпнул оттуда железным ковшиком и кое-как сполоснул лицо. 'Пусть моются те, кому чесаться лень', - пробормотал он и пошел на кухню.

Нацедил из чайника холодной заварки и залил ее кипятком. Потом соорудил себе бутерброд и стал меланхолично жевать, размышляя, что следует делать дальше. Пожалуй, сначала в паспортный стол. Без этой отметки потом, наверно, уже никуда не сунешься. Зачем она вообще нужна, если и так все видно? Бюрократы хреновы... Ладно, надо идти - тем более, что еще и памятку обещают. Может, из нее он узнает что-нибудь про свой теперешний статус. А если нет - попросит объяснить на словах. Ведь на школьном дворе кто-то ясно сказал: 'Мерцающий'. То есть, для этого есть специальный термин, а, значит, должны быть и соответствующие инструкции. Или этот термин только в страшных сказках встречается? Тоже было бы интересно послушать. Но это уже явно не к паспортисткам...

Главное, на перерыв не попасть. И очередь там, скорее всего, огромная - выпускники приперлись со всей округи. Отдельные сумасшедшие, сто пудов, еще с утра ломанулись. Вообще, в такие конторы лучше приходить к вечеру, когда поток иссякает. Но ждать уже неохота. Надо Пашку позвать, чтобы скучно не было.

Андрей подошел к телефону и набрал номер. Трубка лениво отозвалась:

- Слушаю.

- Здравьте, Альберт Викторович. А Пашка дома?

Собеседник слегка замешкался.

- А кто его спрашивает, простите?

- Это Андрей. Не узнали разве?

- Э-э-э... Ну, почему же, узнал, конечно. Извините, Андрей, но Павел сейчас подойти не может...

Фигня какая-то, подумал Андрей. И почему на 'вы'? Он меня с кем-то путает?

- ...очень занят сегодня. Вы же понимаете, эти новые хлопоты. У вас что-то срочное? Если нужно, я ему передам...

- Нет, спасибо, - сказал Андрей. - Ничего не надо.

Он повесил трубку и растерянно уставился в зеркало на стене.

Ну, здравствуй, сказочное чудовище. Вот уже и детям с тобой не разрешают общаться - боятся, что утащишь в овраг и будешь радостно обгладывать косточки. Ну, или что ему там положено, как фольклорному элементу. Портить молоко в совхозном коровнике? Тоскливо быть в полнолуние? Срать под дверь у праведников? Он постарается, если надо...

И что теперь - от него все будут шарахаться, словно от привидения? Да ладно, не может быть. И Пашка, наверно, ничего такого не думает, просто папа все решил за него. Ай да папа, ай да сукин кот! Быстро сориентировался, ничего не скажешь, чувствуется сноровка. Сам он, кстати, какого цвета? Андрей тогда не успел заметить. Впрочем, опять же - какая разница...

Настроение стремительно портилось. Рука опять зачесалась, и на серо-стальном плетении замелькали цветные искры - не очень яркие, каждая не больше песчинки, но все равно заметно. Футболку лучше не надевать, чтобы никто не пялился. Андрей порывлся в шкаф и вытащил рубаху с длинными рукавами. Вот блин, теперь еще гладить надо...

Наконец, все было готово. Он сунул в карман повестку и достал из шкатулки паспорт - гладенький, совсем еще не помятый, даже типографский запах остался. Вроде, ничего не забыл? Андрей взял ключ и вышел за дверь.

Пешком или на автобусе? Идти не так уж и далеко - полчаса от силы. Но по такой жаре неохота. Он расстегнул на груди рубашку и принялся закатывать рукава, но вспомнил про 'татуировку' и чертыхнулся.

- Андрей! Андрей, подожди!

От соседнего подъезда к нему спешила толстая Машка, которая два дня назад сидела с ними беседке. Елки-палки, всего два дня, а кажется - уже полгода прошло. Картинки из прошлой жизни...

- Ну, рассказывай, как там было?

На узор, который Андрей не успел прикрыть рукавом, Машка даже не посмотрела. Сразу стало понятно - она просто его не видит. А у нее предплечье было девственно чистым, ни малейшего следа 'паутины'. Везет же - до выпускного еще два года...

- Андрей, ну что ты молчишь?! Как выпускной прошел? Вы мне обещали все рассказать! Я Таньке звонила, а она ничего говорить не хочет. Ну, то есть мямлит что-то - дескать, все замечательно, танцевали, пили шампанское...

Кстати, подумал Андрей, а Танька какого цвета? Кажется, тоже синяя. Синих у нас вообще большинство, только оттенки разные.

- ...разговаривает со мной, как с ребенком, - продолжала Машка обиженно. - А когда я про мертвеца спросила, вообще начала смеяться!

- Погоди, погоди, - перебил Андрей. - Что еще за мертвец?

- Хватит придуриваться! - она аж задохнулась от возмущения.

- Не хочешь рассказывать, ну и ладно...

- Да блин, не знаю я ничего! Только сейчас от тебя услышал.

Машка посмотрела на него с подозрением, но все-таки пояснила:

- Говорят, у нас там скелет нашли. Прямо как в двенадцатой школе. Только у них - в кустах на дворе, а у нас в мужской раздевалке...

Андрею стало не по себе. Ночной кошмар с готовностью всплыл из памяти. Вадик Фоменко, который за минуту превращается в мумию. Огромные пустые глазницы...

- Это кто тебе рассказал?

Машка слегка смутилась.

- Подруга одна, мы с ней в музыкалке учимся.

М-да, подумал Андрей. Как обычно, источник - надежней некуда. И сказал уверенным голосом:

- Фигня все это. Не было в раздевалке никаких трупов. Мы там с Анькой вчера сидели - ну, с моей одноклассницей.

- Да, а что вы там делали? - Машка жадно уставилась на него.

- Тебе еще рано знать, - зловеще сказал Андрей. - Ладно, мне идти надо.

- А вы под ливень попали?

- Ага, но это уже под утро. Намокли и по домам разошлись, - Андрей, не дожидаясь новых вопросов, сделал прощальный жест и быстро зашагал со двора.

Машин на улице было мало - после дефолта их поток основательно поредел. Денег на бензин не хватало, и железные кони понуро стояли в стойлах. Особенно несчастным выглядел 'москвич' в соседнем дворе. Может, у хозяина не было гаража, а может, просто не дошли руки - как бы то ни было, шедевр советского автопрома ржавел под открытым небом. Осенью на него осыпались листья, зимой на крышу ложился снег, весной - соцветья с ближайшей вишни. А летом машину покрывала вездесущая пыль, которую суховея приносил с городских окраин.

Андрей вышел на остановку, где сорняки пробивались сквозь трещины на асфальте, и посмотрел в ту сторону, откуда мог бы появиться автобус. А мог и не появиться - график движения по точности напоминал гороскоп. Табличка с расписанием на столбе (реликт еще советских времен) смотрелась как тонкое издевательство. Андрей больше надеялся на маршрутку - одну из

бешеного стада 'газелей', которые иногда с победным лязгом пронеслись по городу.

К его удивлению, из-за поворота показался 'икарус' - огромный, желтый, с 'гармошкой'. В лобовом стекле отражалось солнце, из-под днища вырывался зловонный дым. Натужно хрипя, автобус подрулил к остановке, и Андрей шагнул в последнюю дверь. Внутри было почти пусто. Бомжеватый мужик с бледно-синей 'татуировкой' равнодушно смотрел в окно, дальше дремала сухонькая старушка (узор не видно под рукавом). Зато имелся кондуктор - приземистая хмурая тетка с красноватым узором. Сразу было понятно, что с этой лучше не спорить. Андрей достал из кармана мелочь и небрежно махнул рукой, показывая, что талончик ему не нужен.

- Бери, бери, - пробурчала тетка, - тут контролер на линии.

Андрей пожал плечами и взял. За окном лениво проплывали деревья, посвежевшие после вчерашнего ливня, обшарпанные киоски и разбитые тротуары. Мелькнуло кафе 'Миллениум' - название было написано с двумя орфографическими ошибками, а у входа, несмотря на дневное время, кучковался народ. Вывеска 'Ломбард' в торце хрущевской пятиэтажки пикантно смотрелась в сочетании с надписью 'Слава КПСС', которая была выложена красными кирпичами и, благодаря этому, успешно сопротивлялась хищному натиску демократии.

Паспортный стол располагался рядом с центральной площадью. 'Икарус' остановился напротив здания, где сидела городская администрация. Некоторые по привычке называли его райкомом. Ленин обиженно смотрел с гранитного постамента. Андрей свернул в переулок, чтобы обойти огромный 'Дом быта', где сейчас торговали шмотками, а в цокольном этаже обосновался кабак. Он так и назывался: 'Кабак'. Наверно, чтобы люди не путались.

У входа в паспортный стол толпились парни и девушки. Кто-то курил, кто-то рассказывал анекдоты. Видимо, это были фрагменты очереди, которые не поместились внутри. Андрей понял, что его опасения были вполне оправданы - здесь собирались выпускники со всех двенадцати школ. И это только начало! Скоро остальные прочухаются, тогда вообще будет полный финиш. Великое стояние на Угре, плавно переходящее в штурм Бастилии. Как в разгар 'сухого закона', когда в стотысячном городе остался один винно-водочный магазин, который осаждали по всем правилам военной науки. Андрей тогда был еще дошкольником и лично поучаствовать не успел, но даже в качестве стороннего наблюдателя набрался впечатлений до конца жизни.

К сожалению, на этот раз отсидеться в стороне не получится.

Он потянул облезшую дверь и несколько секунд постоял на пороге, чтобы глаза привыкли к полутемному коридору. Тусклые лампочки, исцарапанный линолеум на полу, убогие сиденья у стенки. В пределах видимости толпилось человек тридцать. Андрей заглянул в повестку и обреченно спросил у тех, кто стоял ближе к краю:

- Это все в сто восьмой?

- Ага, - злорадно подтвердил лохматый чувак в футболке с аппликацией AC/DC. - За мной будешь.

Андрей осмотрелся, ища знакомые лица. В нескольких шагах от него обнаружили три девчонки из параллельного класса. Они тоже его заметили и принялись о чем-то шептаться. Впрочем, догадаться было нетрудно - девицы явно желали увидеть узор на его предплечье, которое Андрей предусмотрительно прикрыл рукавом.

Он был не единственный, кто прятал 'татуировку' - еще не все успели привыкнуть к новому ощущению. Те, у кого 'путина' была поярче, адаптировались быстрее. Накачанный парень с короткой стрижкой (кажется, Андрей сталкивался с ним на спартакиаде) принимал картинные позы, демонстрируя роскошный красный узор. Девушки млели, и Андрей слегка позавидовал. Будущий Джеймс Бонд, не иначе. Или, на худой конец, Рэмбо - зависит от того, как у него с мозгами. Еще Андрей заметил брюнетку с надменным взглядом, у которой плетенье было желто-зеленым. А из этой что получится, интересно? Бизнес-леди какая-нибудь, наверно...

Тем для обсуждения было более чем достаточно, и в коридоре стоял галдеж. Все перебивали друг друга, возбужденно смеясь, и Андрей краем уха улавливал отдельные фразы:

- ...не, туда лучше вообще не соваться. У них там квота, говорят, чтобы, как минимум, две трети было зеленых...

- ...от этих молний целые сутки в глазах рябило...

- ...голубая. А ты чему удивляешься? Ты ее видел? Овца тупая...

- ...ну и что теперь? Кинчев, например, тоже синий. Сам посмотри, если мне не веришь. 'Все это рок-н-ролл', хотя бы - он там в майке без рукавов...

- ...а Ельцин соображает, пиджак старается не снимать...

- ...ага, до меня некоторые моменты в фильмах только теперь доходят...

- ...хрен поймешь, фотография черно-белая...

- ...кстати, анекдот хочешь? Подходит курсант и спрашивает: 'Товарищ полковник, разрешите обратиться! А вы почему не

красный?'...

Андрей не участвовал в разговорах, опасаясь, что его первым делом попросят показать 'паутину'. Он ждал всего минут пять, но уже начал терять терпение. Присутственные места всегда действовали на него угнетающе. Сразу начинало казаться, что очередь движется слишком медленно, и до закрытия никак не успеть. Причем, по закону подлости, тот, за кем ты занял, еще проскочит, а тебе предложат явиться завтра. И никаких уговоров слушать не будут, потому что ты для них - безликий баран из стада, который блеет под дверью и не дает спокойно работать.

И почему всех принимают в одном-единственном кабинете? Второй открыть не судьба? Хотя бы на эти дни, когда приперлось целое стадо... то есть, тьфу, толпа вчерашних выпускников? Нет, всех построили в одну очередь. Уроды, блин...

Он с ненавистью посмотрел на чиновницу, которая показалась из заветного кабинета. Эта канцелярская крыска имела желтый узор - но не золотистый или лимонный, а того отвратительно оттенка, который называют 'поносным'. Да еще и с налетом синевы по краям.

- Отойдите от двери, не загораживайте проход! - крыска пересекла коридор с таким суровым лицом, словно ей только что доверили коды доступа к межконтинентальным ракетам и приказали найти на карте Америку.

Очередь застряла надолго. С улицы подтягивались новые люди. Наконец, дверь в сто восьмой кабинет открылась, и оттуда вышел Миша Синявский - одноклассник Андрея и свежеепеченный золотой медалист. Ну да, подумал Андрей, этот везде успевает. Наверно, ровно к десяти прибежал - или во сколько там контора начинает работать?

Мишка сверкал насыщенным зеленым узором с легкой примесью желтого. Он пробрался к столу у стенки и, не спеша, раскрыл солидную папку, чтобы положить туда лист бумаги, который только что получил. Очевидно, это и была та самая памятка, о которой вчера говорила мама. Пользуясь тем, что Мишка увлекся чтением, Андрей подошел поближе и заглянул медалисту через плечо. В правом верхнем углу был четкий оттиск: II (04). Ниже имелись унылые диаграммы, какие-то кружочки со стрелками и текст примерно на полстраницы. Шрифт оказался мелкий, и читать было трудно. Андрей разобрал загадочный оборот 'коэффициент общественной деформации'. Хрен его знает, что это должно значить...

Он искоса посмотрел на Синявского, но тот читал с таким упоением, словно раскопал неизвестный роман Стругацких. Андрей почесал в затылке и снова заглянул в текст. На этот раз

внимание привлёк 'так называемый изумрудный императив', но тут из-за спины спросили визгливым голосом:

- Куда это ты устался?

Андрей озадаченно обернулся. Рядом стояла канцелярская крыска и явно обращалась к нему.

- Что, простите?

- Я говорю, ты куда устался?! - она пылала праведным гневом, и децибелы нарастали с каждой секундой. - Ты почему в чужую памятку смотришь?

- А что случилось?

- То есть, как это - 'что случилось'?! Это строго индивидуальная информация, выдается под расписку с печатью! Да за такие вещи...

Крысиный писк раздражал Андрея невыносимо, доставляя физический дискомфорт. Рука опять зачесалась, и он машинально поскреб предплечье.

- Послушайте, - сказал он, - я все равно ничего не успел прочесть. И вообще, меня никто не предупреждал...

Он замолчал, заметив, что с крыской творится что-то неладное. Она разинула рот, а глаза буквально вылезли из орбит, как у мультипликационного персонажа. Андрей проследил, куда направлен ее очумелый взгляд, и мысленно чертыхнулся. Пока он чесал предплечье, рукав задрался, и краешек узора стал отчетливо виден. Как назло, мерцание усилилось, линии потемнели и, казалось, начали шевелиться.

- Ты... ты... вы... - крыска отступила на шаг и уперлась в стенку. - Зачем вы сюда пришли?!

- Как зачем? - слегка опешил Андрей. - А остальные зачем стоят? Печать поставить в паспорт, памятку получить...

- Вы что, издеваетесь?! С этим... с таким... - она не сумела подобрать слово. - Это не к нам вообще!

Он окончательно растерялся.

- А к кому тогда? В повестке написано - паспортный стол, кабинет 108...

- Повестки стандартные, их заранее напечатали! - ее прямо распирало. - Стандартные, слышите, для нормальных людей! Для нормальных! А вы?..

- Куда ж мне теперь идти?

- Да хоть в ФСБ идите! Такие вопросы без их санкции не решаются! Вы слышите, что я вам говорю? Уходите немедленно! Иначе я милицию вызову!

Она опять сорвалась на визг, и Андрей болезненно сморщился. Внутри поднималась злость - горячая, темная, заглушающая обычные мысли. Звуки начали искажаться, долетая

словно из-под воды. Воздух загустел, с трудом протекая в легкие, а лампочки под потолком окончательно потускнели. Grimасы на крысином лице сменялись медленно и натужно, окончательно убеждая Андрея, что перед ним дешевая кукла из бездарного мультика - бусинки вместо глаз под приклеенными ресницами и резиновый рот, растянутый, чтобы имитировать речь. И еще Андрею послышался электрический треск - как тогда на школьном дворе, за секунду до визита мурены. Боясь, что опять застрянет в бесконечной секунде, он рванулся изо всех сил и заорал в лицо резиновой кукле:

- А ну, заткнулась, коза!

Время ускорилося, и Андрей мотнул головой, чтобы скорее преодолеть наваждение. Крыса, наконец, замолчала и теперь стояла, вжимаясь в стену.

- Так, - сказал он, пытаюсь соображать. - В ФСБ, значит? Где они сидят, в курсе?

Бусинки глаз бессмысленно таращились на него. Кукла застыла, не желая выбираться из предыдущего кадра, и это еще больше разозлило Андрея.

- Быстро, б...!

- Тельмана, 23, - пролепетала она.

- Ясно, - сказал Андрей. - Вот туда и поеду. Делать мне больше нечего - у вас тут в очереди стоять...

Злость стремительно уходила, оставляя после себя неприятную пустоту. Он чувствовал, как по лбу стекают крупные капли пота, и постепенно осознавал, насколько дикой была произошедшая сцена. Сейчас Андрею казалось, что на его месте был совсем другой человек, который напугал несчастную крыску до полусмерти. И этот другой, прежде чем окончательно раствориться, нагнулся к чиновнице и раздельно проговорил:

- В следующий раз базар фильтруй, дура.

Крыска, жалобно заскулив, сползла по стенке на пол. Андрей медленно поднял голову. На него смотрели десятки глаз. Стояла мертвая тишина. Он повернулся, и люди попятились, давая ему дорогу. Сердце стучало, перед глазами плыли цветные пятна. Андрей поглядел на руку. Пульсация медленно угасала. Он глубоко вздохнул и быстро вышел на улицу.

Глава 5

Центральная аллея с кленами и каштанами давала густую тень, но даже это не спасало от палящего зноя. Увидев белую бочку с квасом, Андрей немедленно пристроился в очередь. Пить хотелось невыносимо - визит в крысиное логово вытянул из него последние соки. Мелочи хватило как раз на большую порцию. Андрей отошел в сторонку и с наслаждением отхлебнул. Квас

приятно шипел. стакан был огромный, объемом чуть ли не в литр. Тонкий пластик опасно прогибался под пальцами, и держать приходилось двумя руками.

С ближайшей клумбы прилетела оса и сразу нацелилась на стакан. Андрей неуклюже пытался отгородиться и при этом не расплескать бесценную влагу. Борьба продолжалась с переменным успехом и закончилась неожиданно. Обнаглевшее насекомое решило сесть ему на левую руку - прямо туда, где под тонкой тканью рубашки пряталась 'паутина'. Но, едва коснувшись предплечья, оса шарахнулась в сторону, как будто ее пугнули огнем. 'Ну, хоть какая-то польза', - пробормотал Андрей, глядя, как черно-желтая тушка уносится вдаль со скоростью звука. Допив квас, он бросил стакан в картонную коробку у бочки, и медленно двинулся по аллее.

Перед глазами снова и снова вставала сцена в конторе. Просто не верилось, что все произошло наяву. Андрей всегда полагал себя адекватным и даже застенчивым человеком, но сейчас был вынужден признать откровенно - во время ссоры с бдительной паспортисткой он себя совершенно не контролировал.

В фильмах обычно в таких случаях говорят: 'В нем пробудился зверь'. И добавляют: 'Его надо остановить'. А потом, сурово нахмутив брови, перезаряжают винтовку. Зверь фотогенично скалит клыки и торопливо покрывается шерстью, но получив серебряной пулей в лоб, отбрасывает копыта. Ну, то есть, не копыта, конечно, а страшные когтистые лапы. Да, еще очень важно - перед тем, как окончательно сдохнуть, он глядит на охотников с невыразимым страданием. Мол, за что ж вы так меня, сволочи? Прощай, жестокий мир! И, наконец, опять превращается в человека. Над ним рыдает невеста, а он лежит на пригорке - весь такой голенький, беззащитный...

Руки бы поотрывать таким сценаристам! Андрей в сердцах плюнул на тротуар, напугав идущую навстречу бабульку. Он осмотрелся и понял, что уже добрал до улицы Тельмана, где должно сидеть ФСБ. Район почти незнакомый - сплошные пятиэтажки, и номеров не видно. Это, наверно, чтобы враги не добрались...

Он остановился посреди тротуара. Теперь, когда первый запал прошел, и адреналиновая волна улеглась, решимости у него поубавилось. Как-то не тянет соваться в эту контору... Оно, конечно, лучше мы к ним, чем потом они к нам... Но все-таки стремно - они ведь, если вцепятся один раз, то потом уже не отвяжутся. С другой стороны - а куда деваться? Если, и правда, печать без них не поставят? Вот, блин, засада...

- Помочь вам?

- В смысле? - Андрей растерянно посмотрел на мужчину в строгом костюме, который вышел из-за угла.

- Вы так озираетесь, как будто дом потеряли. Вот я и спросил - помочь?

- А, нет, спасибо... Ну, то есть, да... Где здесь двадцать третий, не знаете?

- Ну, почему же? Отлично знаю, - мужчина доброжелательно улыбнулся. - Только, Андрей Сергеевич, нужно ли вам туда?

Андрей слегка охренел, а собеседник невозмутимо продолжил:

- Ну, сами подумайте - решетки на окнах, духота в кабинетах, казенная обстановка. К чему нам этот официоз? Давайте-ка мы с вами на улице посидим, так сказать, на пленэре! Воздух тут замечательный! Я, знаете, недавно в Невинномысске был по делам, там этот азотный завод... Честно скажу, удовольствие ниже среднего. А здесь!.. Дышишь - и наслаждаешься! К тому же, и перекусить не мешает...

- А вы, простите?.. - сумел, наконец-то, вставить Андрей.

- Ах да, конечно, тысяча извинений! Майор Степанов, к вашим услугам.

Он жестом фокусника распахнул перед Андреем красную книжечку - причем не сразу убрал обратно, а дал возможность внимательно присмотреться. Андрей увидел несколько красивых печатей и даже начал читать, но от волнения не улавливал смысла. Чувствуя себя лохом, он кивнул и промямлил:

- Я понял... э-э-э... товарищ майор.

- Бросьте, Андрей Сергеевич! Давайте уж без чинов. Называйте меня Алексей Игнатьевич. Мы ведь не на допросе. Просто побеседуем как интеллигентные люди и пообедаем заодно. Вы не против?

- Я? Нет, только...

- Не беспокойтесь, я угощаю! Давайте, хотя бы, вон в том кафе...

Андрей, поддавшись напору красноречивого офицера, покорно шагал по улице и лихорадочно пытался соображать. Значит, они меня уже ждали? Ну, в принципе, почему бы и нет. Может, крыса из паспортного стола позвонила. Но откуда он знал, что я именно сейчас подойду, конкретно в эту минуту? Они за мной что, следят? Установили это, как его... наружное наблюдение? Вот, блин...

Андрей машинально огляделся вокруг, но не увидел ничего подозрительного. Никто не крался за ними, подняв воротник плаща, и не сидел в соседних кустах с биноклем. Хотя, кто их

знает...

И, кстати, почему фээсбэшники просто не дождались его в отделе? Опасаются, что он им устроит шоу, как возле кабинета 108? Да уж, слава идет впереди него.

В летнем кафе посетителей почти не было, только в дальнем углу двое парней с короткими стрижками сидели, лениво смакуя пиво. Обстановка простая и без претензий - пластиковые столы, такие же стулья, не очень чистые зонтики. Пахло жареным мясом. Хозяин - добродушный кавказец - кивнул вошедшим, словно дожидался их появления, и Андрей, ставший нервным и подозрительным, обозвал его про себя 'сексотом'. Майор заказал шашлык на двоих, посетовал, что пить на службе нельзя, и попросил нарзану. Андрей тоже ограничился минералкой. Они уселись за стол. Повисла долгая пауза. Чекист неторопливо раскуривал сигарету. Андрей, наконец, не выдержал:

- Так что вы хотели спросить, Алексей Игнатьевич?

- Я? - майор, казалось, искренне удивился. - Помилуйте! Это ведь вы к нам шли, если не ошибаюсь?

Андрей растерялся.

- Ну, мне в паспортном столе объяснили, что сами не могут печать поставить. Надо, мол, к вам идти. Чтобы, так сказать, по всей форме...

- В паспортном столе, да... - Чекист укоризненно покачал головой. - Эх, Андрей Сергеевич, горячий вы человек! Зачем же вы барышню напугали? Такой колоссальный стресс, она едва в обморок не упала...

- Она, вообще-то, первая начала. Знаете, как она на меня визжала?

- Знаю, Андрей Сергеевич, очень хорошо знаю. Но что ж теперь - каждого, кто голос на вас поднимет, как тлю раздавить, как букашку малую?

Андрей почувствовал раздражение. Левая рука опять зачесалась. 'Начинается', - подумал он с беспокойством. А вслух сказал как можно более сдержанно:

- Послушайте, Алексей Игнатьевич. Бросьте, пожалуйста, эти старорежимные обороты. Я понимаю, психологические приемы, вербальная обработка...

'Ну, я, блин, завернул', - удивился он мимоходом. Таких выражений в его лексиконе прежде, вроде бы, не водилось. И с офицерами ФСБ Андрей в таком тоне не разговаривал. Он вообще их в жизни не видел!

- ...но давайте обойдемся без этого. Вы можете сказать прямым текстом - что я должен такое сделать, какие формальности соблюсти, чтобы жить дальше обычной жизнью,

как все нормальные люди?

Алексей Игнатьевич хмыкнул.

- Прямым текстом? Ну что ж, если вы настаиваете... Боюсь, 'как все нормальные люди' у вас уже не получится.

- Это официальное мнение?

Майор неожиданно улыбнулся.

- Андрей, давайте не будем ссориться. Еще раз подчеркиваю - это неформальная встреча. Мы кушаем шашлычок, беседуем - без всякого протокола, заметьте! И вместе пытаемся разобраться в нашей проблеме...

- В нашей?

- Да, к сожалению, именно в нашей. Все это слишком неординарно, чтобы просто поставить крестик в вашем личном досье...

'О, - подумал Андрей, - на меня уже досье завели. Хотя, его, наверно, на всех заводят'. Алексей Игнатьевич, между тем, продолжал:

- Мерцающий в городе! Даже сравнение с ходу не подберу... Вы же ни в какие рамки не лезете!

- Что, совсем ни в какие?

- Сами посудите, Андрей. Вот у нас четыре базовых цвета. С этим вы уже разобрались, правильно?

- Ну, вроде, в общих чертах. Если говорить примитивно, то синий - это рабочий класс... Это я, конечно, утрирую...

- Ничего, ничего, я понял.

- Зеленый - интеллигенция, научные кадры. Желтый - управленцы, администраторы. Красный - силовики. Вот, вы, наверно, из красных?

Майор расстегнул рукав и молча показал ему алую 'паутину'.

- Ну, вот, - продолжил Андрей. - Цвета в документах, насколько я понял, обозначают римскими цифрами - I, II, III, IV. Да, еще оттенки. 01 - это самый бледный...

- ...а 05 - это самый яркий. Все правильно. И где, скажите на милость, ваше место в этой классификации? Тут любой бюрократ (будь он хоть трижды желтый) расплатится от бессилия. Для вас даже штампа нет, чтобы поставить в паспорт.

- А памятка?

- А что - памятка? Она выдается в зависимости от индекса, то есть от пресловутого штампа. Который вам, повторяю, поставить никто не может.

- И что, никаких подсказок я больше не получу?

- По официальным каналам - нет. А вообще - понятия не имею. Вы же мерцающий, для вас законы не писаны. Может, вы эту памятку однажды во сне увидите, как Менделеев свою

таблицу. Или услышите глас с небес. Или письмо голубиной почтой доставят - из какого-нибудь тридевятого царства.

- Ладно, - сказал Андрей, глотнув минералки. - Давайте зайдем с другой стороны. Вы не могли бы, не выдавая служебных тайн, просветить меня в двух словах, что это вообще такое - мерцающий? Может, страшилку расскажите для наглядности? Раз уж разговор неофициальный?

- Страшилку, значит? Извольте. Говорят, мерцающий может скопировать 'татуировку' любого обычного человека и, тем самым, украсть у него судьбу. Как вам?

- Ну, не знаю, - сказал Андрей. - Вы сами-то верите в такое... гм... допущение?

- Конкретно в это - не очень. Здесь мы имеем дело, скорее, с очередной городской легендой. Но есть и более правдоподобные версии. Вот, например - мерцающий способен произвольно менять цвет своего узора, чтобы приспособиться к окружающей обстановке.

- Как хамелеон, что ли?

- Ну, если вам нравится такое сравнение... Я склонен думать, что оно не так далеко от истины. Взгляните на себя, Андрей. Уверю вас, довольно любопытное зрелище. Еще десять минут назад вы были напуганы, сбиты с толку. То есть вели себя как нормальный шестнадцатилетний подросток, оказавшийся в непривычных для себя обстоятельствах. Но сейчас вы беседуете со мной как взрослый, уверенный в себе человек. В течение разговора вы неосознанно изменили линию поведения, подстроившись под меня. Каким образом, интересно? Впрочем, это как раз понятно. Давайте посмотрим на ваш узор - если вы, конечно, не возражаете.

Андрей приподнял рукав. Искорки на предплечье мерцали разными оттенками спектра, но в общей картине явно преобладал темно-красный. Это было похоже на переспелый гранат с невероятно мелкими зернышками - каждое не больше песчинки. Майор удовлетворенно кивнул:

- Ну вот, видите. Честное слово, даже немного завидно. Кое-кто из моих коллег за такое умение полжизни не пожалеет. Какие перспективы откроются!..

- Алексей Игнатьевич, вы меня что - вербуете?

- Я - вас?! Господь с вами, Андрей Сергеевич! - майор замахал на него руками. - Это ж надо было додуматься! Вербовать мерцающего? Это, знаете, все равно, что динозавра поселить в прихожей на коврике. Извините, конечно, за такую метафору...

- Ничего, - сказал Андрей. - Я человек простой, необидчивый. Но ваших восторгов, если честно, не разделаю. Что мне теперь со

всем этим делать? В цирке выступать, что ли?

Они помолчали. Майор сидел, барабанил пальцами по столу. Наконец, сказал:

- Считается, что каждый мерцающий с момента инициации идет к некой конкретной цели, которую видит только он сам. Последствия его действий нельзя предсказать заранее, но от них, как правило, зависит жизнь большого числа людей...

- Могу вас успокоить, - буркнул Андрей, - никакой цели я перед собой не вижу. Пока, во всяком случае. Может, что-нибудь поконкретнее?

- Конкретики у нас, к сожалению, мало. Вы ведь феномен, один на сто миллионов. Сами хотим понять. Я, признаюсь вам по секрету, специально из Москвы прилетел. Буквально сегодня ночью. Директор ваш школьный - мужчина старой закалки, после выпускного нам позвонил. Ну, в смысле, в наше здешнее отделение, а оттуда уже в Москву передали. Меня вызывают - давай, мол, быстро в аэропорт. И вот я здесь - сижу, беседую с вами. Видите, Андрей, какое к вашей персоне теперь внимание?

- Чего ж вы меня не предупредили? До того, как я в паспортный стол поперся?

- А чтобы на вашу реакцию посмотреть. В стрессовой, так сказать, ситуации.

- И не жалко вам тетку? Ну, эту, из сто восьмого?

- Так, вроде, это не я на нее орал...

Андрей подумал: 'Вот гад!' Потом сказал:

- Знаете, все равно непонятно. Ладно, тетку я напугал. Заодно и сам убедился - страшилки ходят не зря. Но ведь она заранее в истерику впала! Когда я еще ничего не сделал! Если б она молчала - и не случилось бы ничего! Блин, ну почему такая реакция? Подумаешь, узорчик другого цвета. Фигня ведь, медицинская аномалия...

- Как вам сказать, Андрей, - вздохнул Алексей Игнатьевич. - Вот, например, рождается младенец с хвостом - тоже медицинская аномалия. Рудимент, атавизм - не помню, как правильно называется. Но все равно немного не по себе, когда по телевизору смотришь. И какая-нибудь дура обязательно развопится - помогите, мол, нечистая сила!

- Да, примеры у вас сегодня - как на подбор. Один веселей другого.

- Сами же просили, чтобы было наглядно.

- А вы и рады стараться. Значит, говорите, один на сто миллионов? Полтора человека на всю Россию? Негусто... Странно, что люди вообще про такое слышали. Причем, как будто, все поголовно. Эти страшилки что - по радио читают в рабочий

полдень?

- Да нет, зачем же? - улыбнулся майор. - После инициации люди воспринимают информацию об узорах. И отголоски про мерцающих - в том числе. То есть, даже не отголоски, а так... смутное чувство тревоги, что ли. Такая вот питательная среда для страшилок.

- Правда? Я, например, ничего подобного не воспринял.

- Вам, наверно, и не положено от природы. Чтоб от самого себя не шарахаться, образно говоря. А вот у обычных людей при виде вашей 'татуировки' срабатывает некий... ну, скажем, датчик оповещения. Дальше реакция у всех будет разная. Испуг, настороженность, азартное любопытство. Зависит от темперамента, обстоятельств и, кстати, от собственного узора. С кем-то может и истерика приключиться. А в некоторых случаях - физическое отторжение, вроде как аллергия...

- Вот даже как? Ага, значит, все же есть конкретные данные. То есть, моих... э-э-э... братьев вы уже наблюдали. И чем закончилось, интересно?

- Извините, Андрей. Не уполномочен, - собеседник развел руками. - Я и так уже сказал больше, чем полагалось. Просто из симпатии к вам...

'Ага, - подумал Андрей, - конечно'. Он доел остывший шашлык и запил нарзаном. Искоса поглядел на майора, который задумчиво смолит сигарету, и поинтересовался:

- Значит, ничем больше не поделитесь? Даже из симпатии?

- Да, вроде, больше и нечем. Ну, разве что...

Он сделал паузу. 'Артист', - вздохнул про себя Андрей.

- ...есть любопытные совпадения. Вы, например, день рождения когда отмечаете? Одиннадцатого августа, если не ошибаюсь?

- Да, а что?

- Вам эта дата ни о чем больше не говорит?

- Нет, вроде. А должна?

- Ну, как сказать. Тема, в принципе, на слуху. В Европе в этот день ожидается полное солнечное затмение, о котором, якобы, писал еще Нострадамус.

- А, это про 'короля ужаса', который придет с небес? И даст дорогу еще какому-то королю? Это, значит, затмение имелось в виду? Понятно...

Майор взглянул на него с нескрываемым интересом. Андрей поморщился:

- И не надо на меня так смотреть! Два дня назад по телевизору слышал. Сейчас эта муть, действительно, по всем каналам идет. Ну, хорошо, мой день рождения совпадает с

затмением солнца. И что теперь?

- Ничего. Я же говорю - любопытное совпадение.

- Да уж, - пробормотал Андрей, - мне теперь реально страшно становится. А вдруг вы, чтобы не рисковать, августа ждать не будете, а снарядите мужичка с ледорубом... Во избежание, так сказать...

- Ну, что вы, - Алексей Игнатьевич рассмеялся. - Я уж не говорю про моральный аспект подобного шага, но и с практической точки зрения он может привести к весьма печальным последствиям. А вдруг, прервав таким способом вашу миссию, мы сделаем только хуже? Мы ведь не знаем цели вашего появления? И вообще...

Майор наклонился к нему и доверительно сообщил:

- Очень сомневаюсь, что мерцающего можно остановить ледорубом.

- Ну, спасибо, - сказал Андрей, - вы меня успокоили. Но все-таки, что мне делать? Я себя теперь чувствую каким-то Лёвой Абалкиным из 'Жука в муравейнике'. Читали книжку? Ну, вот. Только он, если верить авторам, обычным человеком остался, а я - реальное чудо-юдо.

- Хорошо, Андрей, - сказал Алексей Игнатьевич, - давайте вместе порассуждаем. Вот вы сегодня впервые появились на публике в новом качестве. И уже переполох в локальном масштабе. А ведь еще и дня не прошло! Вопрос - что дальше? В институт вас никто не примет. То есть, официально для отказа нет оснований, но повод всегда найдется. Может, просто на экзамене аккуратно завалят. Вас даже в армию не возьмут - хотя туда вы, как я полагаю, не рветесь. О маме подумайте - каково ей будет все это наблюдать? В общем, я вынужден повториться - спокойной жизни в этом городе у вас, к великому сожалению, не будет. Собственно, как и в других городах...

Опять повисло молчание.

- Андрей, - спросил, наконец, майор, - что вы знаете об Эксклаве?

Такого вопроса Андрей ожидал, пожалуй, меньше всего.

- Об Эксклаве? Ну, мурены там, старатели, Горючие Слезы. Михалков туда, вроде, просился - кино снимать...

- Серьезно? - чекист озадаченно поднял брови.

- Что? А, не знаю. Байка, наверно. А вообще, довольно смутные представления. Дикие земли, фронтир...

- Фронтир - это, пожалуй, верно. А вот по поводу дикости вы не правы. На самом деле, в Эксклаве достаточно крупный город. Побольше вашего, кстати. Инфраструктура, пара промышленных предприятий. И самое главное - на этой территории довольно

много людей с необычной 'татуировкой'.

- Тоже мерцающие?

- Нет, конечно. Цвета стабильные, но при этом, как правило, очень яркие.

- И почему так?

- Видите ли, Горючие Слезы - это не только ценные сувениры. Это, в первую очередь, промышленное сырье для некоторых весьма специфических отраслей. И его добыча требует специфических навыков. Не факт, что эти навыки применимы в обычной жизни - ох, далеко, не факт! Короче, фронтир - это территория для людей, которые выбиваются из стандарта.

- То есть, вы мне предлагаете?..

- Андрей, Андрей, погодите! - Алексей Игнатьевич выставил перед собой ладони. - Я ничего вам не предлагаю! И никоим образом на вас не давлю! Вообще, никакого участия в вашей судьбе мы принимать не можем. Я всего лишь снабжаю вас информацией к размышлению - в частном порядке, если угодно.

- Ну, хорошо, - Андрей невесело усмехнулся. - Тогда, сугубо в рамках теоретических размышлений, поделюсь с вами одним наблюдением. В Эксклав не ходят пассажирские поезда. И самолеты, вроде бы, не летают.

- Да, регулярного сообщения нет. Если, конечно, не брать контрабандные перевозки. Их, насколько я слышал, организуют обычно через Москву.

Алексей Игнатьевич взглянул на часы и сделал озабоченное лицо.

- Ого, Андрей, заболтались мы с вами. Мне уже бежать надо. Спасибо за интереснейший разговор! Я его запомню, поверьте. Не каждый может похвастаться...

Боец невидимого фронта быстро расплатился с официанткой, пожал Андрею руку, еще раз широко улыбнулся и быстро зашагал прочь. Андрей глядел ему вслед. Снова хотелось пить, но бутылка была пуста. А покупать новую - жаба душит.

Дома попью, решил Андрей, поднимаясь из-за стола. В холодильнике, вроде, нарзан остался. Или из крана - не отравлюсь, поди...

Но этот фээсбэшник, конечно, жук. О маме подумать просит, на совесть давит. И ведь прав, скотина. Если отбросить эмоции, то в городе оставаться бессмысленно. Будут показывать пальцем и обходить за версту. А соседки при встрече с мамой будут прятать глаза и участливо качать головами (не считая дуры с девятого этажа, которая, скорее, обматерит и потребует убраться из дома). В институт не поступишь, майор уже намекнул. То есть, не намекнул, а поведал открытым текстом. Значит, и пытаться нет

смысла. А без диплома куда он сунется? Ямы копать и мешки грузить? Крыша от тоски поедет через два месяца. А мерцающий с поехавшей крышей - это, знаете ли... Даже представить страшно. Что еще остается? В бандиты идти, что ли? Ага, в случае чего даже фоторобот составлять не придется. Да и вообще, какой из него бандит? Курам на смех...

Андрей шагал на автопилоте, ничего не замечая вокруг, пока не услышал:

- Эй, выпускник!

Он поднял голову и, осмотревшись, понял, что уже почти добрался до родного двора. Он был возле 'Хозтоваров', и продавщица, стоя возле двери, смотрела на него с любопытством. Андрей вспомнил, что разговаривал с ней буквально позавчера, когда приходил за мылом. Сейчас тетка вышла подышать свежим воздухом в отсутствие покупателей. Она жмурилась на солнце и пьяненько улыбалась. Крашенные светлые волосы растрепались, передник едва прикрывал расплывшуюся фигуру, а на пухлом предплечье был виден голубоватый узор.

- Я тебя узнала! - сказала тетка. - Ну что, хорошо отпраздновал?

- Нормально, - сказал Андрей. - А вы? Ну, в смысле, соседка ваша, про которую вы рассказывали?

- Ой, отлично. Вчера весь день отсыпалась. Зеленая оказалась - такой красивый узорчик, весенний прямо. Да я и не сомневалась - девочка умненькая, я ее с детства знаю. Мама счастлива - дальше некуда... Ну, а ты сам-то? Какого цвета?

Андрей скосил глаза на предплечье, прикрытое рукавом.

- Синий, - сказал он и быстро зашагал дальше.

- Тоже неплохо, - сказала ему вслед продавщица.

Конечно, неплохо, подумал он. Я бы точно не отказался. Был бы как все нормальные люди...

Мысль, пришедшая в следующую секунду, заставила его резко остановиться. Он быстро огляделся вокруг и прямо через клумбу, покрытую сорняками, отошел к стене ближайшей пятиэтажки - туда, где под балконом росла сирень. Андрей притаился за самым большим кустом и закатал рукав. 'Татуировка', утратив темно-красный оттенок, уже вернулась в спокойное состояние - стала похожа на тусклое серебро и практически не мерцала.

Как там сказал товарищ майор? 'Мерцающий способен произвольно менять цвет своего узора'. Замечательно, пусть будет, например, синий. Стандартная комплектация, так сказать. Мы не гордые, нам много не надо...

Ну, и как это сделать? Он уставился на узор, но тот не желал

линять. Андрей постучал по предплечью пальцем, потом нахмурился как Кашпировский из телевизора, посылая мысленные сигналы. Ничего не происходило. Вот блин! Похоже, слово 'произвольно' здесь не совсем подходит. До сих пор мерцание всегда начиналось независимо от его желания. При встрече с муреной в школе, потом с паспортисткой, теперь вот с хитрым майором. То есть, в стрессовых ситуациях. А в обычной жизни, значит, облом? Рано он губу раскатал - оборотень из него никакой. Или, может, просто тренироваться надо? Ага, на кошках...

Он вышел из-за куста и побрел домой. Полуденную жару сменило предвечернее пекло. Небо окончательно выцвело, а солнце застряло, не желая сползать к далекому горизонту. Воздух был неподвижен, деревья замерли, а люди попрятались по квартирам.

Войдя в подъезд, Андрей облегченно перевел дух. Здесь было прохладно и тихо - даже лифт не стонал и не лязгал цепями в своей темнице. Где-то наверху захлопнулась дверь, и Андрей не столько услышал, сколько угадал невесомые шаги по ступенькам. Он узнал их сразу и, улыбаясь, двинулся навстречу по лестнице.

Он представлял, как сейчас расскажет Ксюхе о своем визите в паспортный стол и о том, как его оттуда прогнали. Нет, он не будет жаловаться - наоборот, представит все в юмористическом свете. Это ведь реально смешно - три десятка здоровых лбов понуро ждут в коридоре, а мелкая бумажная крыса ходит между ними как королева. Ксюха оценит, и они посмеются вместе...

Андрей уже открыл рот, чтобы поприветствовать одноклассницу, но что-то его смутило. Девушка остановилась пролетом выше, и несколько секунд он вглядывался в нее, пытаясь понять, в чем дело. И, наконец-то, сообразил - впервые за много лет Оксана глядела на него без улыбки. Словно погас тот волшебный свет, который делал ее похожей на принцессу из сказки, а вместо него зажегся оранжевый огонь на предплечье.

Ее узор притягивал взгляд, словно яркий цветок посреди болота. Смешанный красно-желтый, насыщенный до предела. Увидел бы такое у амбала с квадратной челюстью, сказал бы без колебаний - спецназовец с мощными задатками лидера, вожак-волкодав или что-то из этой оперы.

Волкодав...

Выразительное словечко, емкое. Давит волков, ага. И обычных, и оборотней, наверное, тоже.

Воображение услужливо нарисовало картину - Ксюха в черном комбинезоне из латекса хватает фотогеничного клыкастого зверя (в прошлой серии его, похоже, все-таки не

добили) и быстрым, отвратительно-привычным движением ломает ему хребет. А потом ставит сапожок со шпилькой ему на грудь и презрительно кривит губы...

Блин, что за бред! И как такое в голову лезет? Это же Ксюша, Ксюшенька, я ее буквально с детского сада знаю. Я помню, как она катается на качелях, и толстая коса хлопает ее по спине. И как она с девочками прыгает через резинку на перемене, а вокруг апрельская зелень, и птицы, одуревшие от тепла, орут противными голосами. И как однажды (нам, пожалуй, лет по двенадцать было) догнал ее по дороге в школу, и она достала из сумки яблоко - красное, неправдоподобно огромное, но при этом настолько рыхлое, что я без труда разломил его пополам. И мы хрустели им на ходу, но все равно не успели съесть, а выбрасывать было жалко. И тогда мы остановились недалеко от крыльца, продолжая вгрызаться в сочную мякоть, и я облизывал липкие пальцы, а она глядела на меня и смеялась, хотя уже прозвенел звонок. В результате, мы опоздали минут на десять, а когда все-таки вошли в класс, математичка раздраженно спросила: 'Сорокин, Стрельченко, чем вы там занимались?' И все вокруг захихикали, а мы ужасно смутились, хотя всего лишь ели большое яблоко...

- Ксюха, - сказал Андрей, - хватит смотреть на меня, как на врага народа. Улыбнись уже, наконец. Что тебя так смущает? Вот эта ерунда, что ли?

Он приподнял рукав и сделал шаг ей навстречу. Оксана отступила назад, а узор на ее руке засветился ярче, словно включился сигнал тревоги.

- Да погоди же! - отчаянно взмолился Андрей. - Чего ты пятишься?

- Андрей, - сказала она, - дай мне пройти, пожалуйста. И вообще, нам с тобой лучше не разговаривать.

- Чего это вдруг?

- Мы теперь слишком разные, - она говорила мягко, и Андрей ощутил себя буйнопомешанным в психбольнице, которого стараются не доводить до припадков. Он почувствовал раздражение, и его узор замерцал, воспаляясь красным.

- Знаешь, - сказал он, - возникает иногда впечатление, что это не я урод, а вы все с ума посходили. 'Слишком разные', надо же. Ксюха, опомнись, блин! Это всего лишь полосочки на руке! Ну, хочешь, давай их сейчас друг к другу приложим, и ни фиги не будет...

- Лучше не подходи, Андрей!

- А то что? - спросил он и поднялся еще на одну ступеньку.

Жжение усилилось. Воздух между ними явственно

колыхнулся, как над большим костром. Очертания перил исказились. Ну вот, отрешенно подумал Андрей, сейчас и узнаем, что обычно бывает, если породистый волкодав сталкивается с диким, но симпатичным оборотнем...

В двух шагах от Ксюхи на втором этаже распахнулась дверь, и из квартиры выбралась бабка с большим помойным ведром.

- Ой, здравствуй, Ксюшенька, - сказала она, не обращая внимания на Андрея, и пошла к мусоропроводу. Обьедки были навалены с горкой, и нести приходилось с удвоенной осторожностью.

- Здравствуйте, Антонина Михайловна, - вежливо скала Оксана. Не дожидаясь, пока старушка скроется за углом, она побежала вниз и прошмыгнула мимо Андрея. Тот растерянно проводил ее взглядом. Слегка отдышался и поплелся к себе наверх.

Ну вот, и Ксюха туда же. Елки-палки, как же все это мерзко! Прав был майор - двух дней еще не прошло, а уже хочется отгрызть кому-нибудь что-нибудь...

Войдя в квартиру, он сразу сбросил рубашку и направился в ванную. Только бы воду дали! Кран захрипел, словно просил оставить его в покое, но все-таки разродился тоненькой ржавой струйкой. Постепенно напор усилился. Ну, и на том спасибо. Андрей оставил воду открытой, чтобы окончательно сошла ржавчина, и побрел на кухню. Выпил нарзану из пластиковой бутылки и попытался собраться с мыслями.

Да, похоже, отсюда надо валить. Если такие сцены будут повторяться изо дня в день, то, как говорится, ну его нафиг. То есть, конечно, крысы-чиновницы и красные волкодавы имеются в любом городе, но там это, хотя бы, чужие люди. И общение с ними будет происходить не в родном подъезде. А в Эксклаве, наверно, еще попроще. В том смысле, что я там буду не один такой шизанутый. Сказано же - место для тех, кто не вписывается в стандарты...

Андрей опять сходил в ванную и облился холодной водой до пояса. Соображать стало немного легче. Он выбрался на балкон.

А если все-таки в Москву попытаться? Столица - это, конечно, круто. Муравейник, где всем на всех наплевать. Даже мерцающий затеряется - по крайней мере, теоретически. Ладно, предположим, так и получится. И что дальше? Если верить доблестному чекисту, мерцающий должен видеть некую цель и, соответственно, к ней идти. Ну, и где она, эта цель? Хотелось бы посмотреть...

Андрей досадливо мотнул головой и нечаянно взглянул на солнце. Огненный шар ослепил его на мгновение, и перед глазами поплыли радужные круги. Он чертыхнулся и, слегка

проморгавшись, собрался уйти с балкона, но что-то зацепило его внимание. Некая деталь окружающего ландшафта, которую он прежде не замечал.

Он оглядел окрестности. Все было как обычно. Панельные дома, тополя и прочая флора, шестнадцатизэтажки на окраине города. Дальше - пыльная автострада, редкие машины и солнечные блики на стеклах. Пологие холмы, пшеничное поле. Опора ЛЭП, теплицы, совхозный пруд. В общем, ничего интересного. И все же, какая-то неправильность царапала периферийное зрение. Андрей сосредоточился и медленно, очень медленно перевел взгляд в нужную сторону.

И опешил.

За холмами возвышалась циклопическая конструкция невероятной формы. Изогнутый стержень, на который насадили тонкие кругляшки... Нет, не так. Андрей попытался подобрать аналогию. Взять, например, молекулу ДНК, ту самую двойную спираль, потом разять ее и оставить только одну половинку... Да, пожалуй это будет похоже. А еще это напоминает скелет мурены, слегка перекрученный и поставленный вертикально. И цвет вполне соответствует - беловатая 'слоновая кость'.

Масштаб сооружения поражал. Если принять в качестве ориентира ближайший холм, то высота башни достигала нескольких километров. А если еще учесть, что она торчала не рядом, а далеко, у самого горизонта, то можно было подумать, что верхушка упирается в стратосферу.

Впрочем, Андрей сомневался, что башня материальна. Наверняка ее больше никто не видит. Верстовой столб на призрачном тракте. Или, скорее, стрелка компаса для указания направления - потому что именно там, в двух тысячах километрах к северо-западу лежит Эксклав с муренами и таинственным населением.

Ладно, базара нет, подумал Андрей растерянно. Более прозрачный намек придумать, пожалуй, сложно. Но как туда добираться? Приеду в Москву, а дальше? Пассажирского сообщения нет - товарищ из ФСБ подтвердил. И что, контрабандистов искать? А где? А как? А с какой радости они меня повезут? Сволочь ты, майор, все-таки - хоть бы подсказку дал...

Добыть бы эту пресловутую памятку для мерцающих - тогда бы, может, и разобрался. Только где же ее добудешь? Чекист, похоже, просто прикалывался, когда варианты перечислял. Причем, в особо циничной форме. 'Во сне приснится'. Ага, конечно. Или что он там еще говорил? Голубиной почтой доставят? Нормально, буду сидеть и ждать - прямо здесь, на

балконе. Очень удобно...

Секунду!

Почтой!

Андрей ломанулся в комнату. Письмо, которое он до сих пор не вскрыл, лежало на книжной полке. Марка блестела, звериный глаз тарасился укоризненно. Как же ты, мол, забыл? 'Ладно, ладно, - бормотал про себя Андрей, торопливо надрывая конверт. - Вспомнил же, в конце концов? Вот и нечего...'

В конверте обнаружился манускрипт - вот, пожалуй, самое подходящее слово. Три десятка листов, каждый исписан с обеих сторон убористым почерком и аккуратно пронумерован. В тексте не было ни ятей, ни еров, ни старинных стилистических оборотов, но все равно возникало стойкое ощущение, что писали пару веков назад. Может быть, потому, что чернила выцвели, а бумага по цвету напоминала пергамент.

К разочарованию Андрея, рукопись не содержала инструкций (ну, типа, 'всем мерцающим в 13.00 прибыть на станцию Москва-Сортировочная, при себе иметь свисток и противогаз'). Это был, скорее, отчет, написанный в произвольной форме. Или вообще художественный рассказ. Сначала он показался Андрею сомнительной стилизацией под лермонтовскую 'Тамань', но сюжет был далек от тех, что попадались у классика.

Первую страницу Андрей просмотрел по диагонали, ничего не понял и недоуменно пожал плечами. Внимание привлекло, разве что, загадочное слово 'авгур'. Андрей, не поленившись, взял толковый словарь в солидной бурой обложке и нашел там соответствующий параграф: 'АВГУР. В древнем Риме - жрец, дававший предсказания по крику и полету птиц (ист.) // перен. Человек, обращающий в тайну для других свои специальные познания, с высокомерным презрением сторонящийся непосвященных (книжн. ирон.)'. Ясности от этого не прибавилось, но Андрей решил не делать поспешных выводов. Он устроился за столом и начал читать внимательно.

Рукопись из конверта. Начало

Пожалуй, это самый неприветливый город к востоку от Седого Хребта. Такая мысль приходит мне в голову, пока я разглядываю толстые стены, цитадель из темного камня и стражников у ворот. Удивительная картина - вход здесь охраняют не красноносые пьяницы, одуревшие от безделья, а всадники из Закатного Легиона. Один из них преграждает мне путь. Наконечник его копыя предупреждающе светится - как будто раскален докрасна. Скакун недовольно всхрапывает и роет землю когтистой лапой.

- Кто ты? - у всадника грозный голос. Услышав его, любой

шпион и разбойник должен, очевидно, затрепетать и тут же, не сходя с места, признаться во всех прошлых и будущих злодеяниях.

- Я авгур, - отвечаю кротно. - Позволь мне продолжить путь.

Капли дождя стекают с моего капюшона. Жирные тучи, пришедшие утром с моря, намертво застряли над городом.

- Авгур? - он недоверчиво щурится. - Где твоя свита? Охрана?

- Я не нуждаюсь в ней. Меня охраняет знание.

Он хмурит брови - похоже, думает, что я над ним издеваюсь. Он не далек от истины. Я не люблю этих дуболомов, закованных в броню по самые брови; шлем, по-моему, излишне сдавливает им череп, затрудняя работу мысли.

- Назови свое имя. И цель прибытия в город.

- Мое имя тебе ничего не скажет. А цель приезда слишком расплывчата, чтобы отвлекать по пустякам почтенную стражу, - продолжая говорить, я сжимаю в кулаке свой амулет-трилистник и киваю небрежно через плечо. - Этого, полагаю, будет достаточно.

Он смотрит мне за спину, и глаза его расширяются. Рука с копьём рефлекторно дергается, но морок, который возник моими стараниями, исчезает через мгновение. Легионер скрипит зубами от злости. Потом освобождает дорогу и цедит сквозь зубы, когда я проезжаю мимо:

- Удачи, авгур. Она тебе пригодится.

Надо думать, это угроза. Или юмор - такой же невесомо-изысканный, как и сама эта говорящая железяка. Впрочем, какая разница? Я трогаю поводья и, не оглядываясь, приближаюсь к воротам.

Фокусы вроде того, что я сейчас проделал, вообще-то запрещены. Авгурам не к лицу дурацкие шалости. И если бы такое вытворил кто-нибудь из младшего круга, я лично запер бы его на недельку в дальнюю келью, дабы очистить помыслы и поощрить к самосозерцанию. Но сам, бывает, не могу удержаться. Я из старшего круга, и меня никто не накажет.

Мой скакун устало бредет по улице, мощенной булыжником. Дождь усилился, и его тугие жгуты мечутся между каменными домами. Сквозь эту водяную завесу пробивается запах рыбы. Еще воняет помоями.

Меня сегодня ждут у лорда-наместника. Можно было сразу поехать в замок, но я не спешу. Первые минуты - самые важные. Нужно решить, как я буду действовать дальше. Выбрать верную тактику, чтобы решить проблему, которая меня сюда привела. И логические доводы в данном случае не помогут.

Надо отключить разум и полностью довериться интуиции.

Нас, авгуров, этому учат долгие годы. Не думай - просто смотри. Этот незатейливый тезис, от которого любой философ пришел бы, наверно, в ужас, позволил распутать немало хитрых узлов.

Я еду, почти отпустив поводья. Из-за ливня жители попрятались по домам, и это сейчас мне на руку - меньше отвлекающих факторов. Конечно, дождь не добавляет комфорта, но делать нечего - издержки профессии...

У перекрестка я замечаю слабый оранжевый огонек. Он висит над землей - едва заметный в струях воды, которые низвергаются с неба. Я слежу, затаив дыхание. Огонек медленно смещается вправо и скрывается за углом. Мой скакун, получив команду, двумя прыжками добирается до пересечения улиц. К счастью, ориентир еще не пропал. Оранжевый свет ведет меня вдоль шеренги домов.

Он затухает у входа на постоянный двор.

Ну, что же, намек понятен. Такой поворот событий меня устраивает. Скакуну пора отдохнуть, да и я не прочь выпить чего-нибудь горячительного. К лорду-наместнику я обещал прибыть в течение дня, а это понятие растяжимое. Времени еще много.

Раз уж так получилось, можно здесь и комнату снять. Заведение, конечно, для невзыскательной публики, но меня это не пугает. И вообще, если честно, я чувствую себя гораздо уютнее в дешевых трактирах и на рыночных площадях, чем в цитаделях, где обитают разряженные уродцы с приклеенными улыбками. С такими я пообщаться еще успею.

Сажусь за массивный стол, крышка которого потемнела от времени и до блеска отполирована рукавами. Позади меня на стене висит голова морского медведя. Клыки впечатляют - каждый размером с палец. Мне этот трофей аппетита не добавляет, но у местных, очевидно, другое мнение. Горят светильники, хотя до вечера еще далеко. Чертовы тучи - это из-за них так темно.

Некрасивая хозяйка лет тридцати улыбается мне почтительно. Я одет нейтрально, по-походному, но далеко не бедно - такого клиента надо обхаживать со всем возможным вниманием. Она старается. Ставит передо мной горшочек с тушеным мясом и небольшой графин с темно-красной жидкостью, которую здесь называют Акульей Кровью. Приморская специфика, что поделать. Наливаю немного, пробую осторожно. Ого! И сколько тут градусов, интересно? Ладно, по такой погоде - лучше и не придумаешь. Мясо тоже отличное. Я жутко проголодался и расправляюсь со своей порцией в рекордные сроки.

Попутно размышляю о том, зачем я здесь оказался. Наверно, должен кого-то встретить, и этот кто-то даст мне подсказку.

Итак, посмотрим. Посетителей мало. Трое мужчин засели в углу. По виду - наемники. Матерые, крепко сбитые. У того, что ближе ко мне, длинный шрам на правой щеке. Говорят негромко, пьют мало. Хмурятся - видимо, деньги кончились, а новых заказов нет. В другом углу - толстый дядя вгрызается в поросенка. Небогатый купец, пожалуй. Графин с Акульей Кровью - раза в два больше, чем у меня. Обмывает сделку? Нет, вряд ли - иначе бы сидел не один, и дым бы тут стоял коромыслом.

И, наконец, две невзрачные личности молча ковыряют в тарелках. Друг с другом не разговаривают. Кто такие? С ходу определить не берусь. Явно не моряки, не солдаты и не ремесленники. Студенты? Возраст не соответствует - староваты они для тех, кто постигает азы науки. Мелкие чиновники, чернильные души? Тоже не поручусь. Да, загадка. Особые приметы отсутствуют - посмотрел и забыл. Я бы сказал - шпионы невеликой квалификации, но за кем здесь шпионить? Разве только, за мной. А я еще двадцать минут назад и сам не подозревал, что здесь окажусь.

С улицы входит женщина, и все, как по команде, отрываються от еды. Гостья очень красива, но эта красота обжигает холодом. Она снимает блестящий плащ с капюшоном, и темные волосы рассыпаются по плечам. Белая, почти не загорелая кожа, высокие скулы, глаза как будто светятся в полумраке. Одета как аристократка на загородной прогулке - облегающие штаны, жилет, высокие сапоги. Зачем она сюда забрела? Заблудилась, что ли? Это уже становится интересным...

Незнакомка окидывает зал презрительным взглядом. Похоже, ищет кого-то, но этот человек здесь отсутствует. Женщина явно раздражена. Повелительным жестом подзывает хозяйку. Та испуганно слушает, потом показывает на лестницу, что ведет на второй этаж.

Аристократка брезгливо морщится, но идет в указанном направлении, не глядя по сторонам. Проходит недалеко от меня. Да, ее лицо, на первый взгляд, совершенно, но есть какой-то неуловимый изъян. Что-то не так, но я не могу это сформулировать.

Она поднимается по ступенькам, и посетители зачарованно смотрят вслед. Потом двое неприметных мужчин встают и, не говоря друг другу ни слова, тоже направляются к лестнице. Значит, вот кого они ждали? А зачем, хотелось бы знать? Уж явно не для того, чтобы признаться в романтических чувствах.

Один из них оборачивается, и мы встречаемся с ним глазами - всего на мгновение, но мне достаточно. Я чувствую, как проходит холодок по спине. Теперь я знаю, кто эти двое. Если

однажды видел этот бесцветный взгляд, то забыть уже не получится. Тихая Гильдия, будь она проклята. Вот черт, а я-то надеялся, что они всего лишь шпионы...

Эта мысль все еще вертится у меня в голове, когда я поднимаюсь из-за стола. Я знаю, что ввязавшись в эту игру, рискую не дожить до заката, но ноги уже несут меня по ступенькам. В такие минуты я обычно жалею, что мои детские мечты не сбылись, и я не стал охотником на львов-людоедов или, хотя бы, алхимиком, который изобретает взрывные смеси. Жизнь протекала бы намного спокойнее...

Хозяйка смотрит на меня с удивлением, но я хмурю брови и прикладываю палец к губам. Молчи, дескать, не твоего ума дело. Она подчиняется - знает, что с богатыми господами лучше не спорить.

Двое, за которыми я слежу, заходят в одну из комнат на втором этаже. Я осторожно приближаюсь к двери и напрягаю слух. Из комнаты доносится сдавленное мычание. Глухой удар, возня. Стук каблуков по деревянному полу - похоже, кого-то тащат к порогу. Вот повернулась ручка, дверь начинает приоткрываться - и я изо всех сил пинаю ее ногой.

Начало хорошее. Один из противников, получивший дверью по лбу, отлетает назад и едва не падает. Аристократка, которую он держал за плечо, тоже оступает и валится на пол. У нее на голове напылен мешок, но сейчас мне не до этих живописных подробностей. Второй похититель взмахивает рукой, и вот теперь я должен сказать спасибо, что выбрал правильную профессию.

Я авгур, а, значит, имею дело с грядущим во всех его проявлениях. Прозрения бывают на сотни лет, а бывают и на доли секунды. Просто в последнем случае их никто не успевает осмыслить - да и зачем? Разум здесь вообще не участвует, а вот тело при должной тренировке реагирует правильно.

Я отклоняю голову и, тем самым, меняю будущее - метательный нож проходит левее, едва коснувшись моих волос. Но у работников Тихой Гильдии запас клинков так быстро не иссякает. Противник разрывает дистанцию и наносит удар кинжалом. Он целит в сердце, но я успеваю сместиться вправо и, выхватив свой кинжал, вонзаю ему под ребра. Тут же прогибаюсь назад и лишь затем понимаю, зачем это было нужно: прямо перед моим носом мелькает еще одно блестящее лезвие. Это вступил в дискуссию душегуб, ранее отоваренный по лбу. Видя, что бросок не дал результата, он взмахивает клинком, зажатым в другой руке, но я уже отступил на шаг. Еще один взмах, еще. Он движется удивительно быстро, но я все равно опережаю его на миг. А потом моя рука сама собой поднимается и вгоняет кинжал

ему под нижнюю челюсть.

Он валится на пол. Я быстро оглядываюсь. Схватка продолжалась, от силы, пару секунд, к тому же, никто не орал как резаный - хотя резаные в наличии, сразу в двух экземплярах. Я быстро выхожу в коридор и выдергиваю из стены метательный нож, который чуть не попал мне в глаз. Возвращаюсь и закрываю дверь на задвижку. Кровь растекается по полу и сейчас запачкает брюки пленницы, которая лежит на боку. Руки у женщины связаны за спиной. Она молчит - наверно, хочет сообразить, что вообще происходит, но с мешком на голове это сделать довольно трудно.

Я рывком поднимаю ее на ноги. Она пытается крикнуть, но вместо этого выходит мычание - во рту, очевидно, кляп. Потом незнакомка лягает меня ногой. Я уже слегка расслабился после драки и к подобным пакостям не готов. Тихо шиплю от боли - спасибо еще, что удар пришелся по голени, а не по коленной чашечке. Довольно бесцеремонно хватаю даму и переносу ее на кровать - просто потому, что в том углу чище, кровь стекает к другой стене. Не знаю, что ей сейчас пришло в голову, но пленница начинает скулить и брыкаться с утроенной силой. Наверно, мне следует произнести что-то вроде: 'Не бойтесь, миледи, все уже позади'. Но тут она опять умудряется пнуть меня сапогом, и я сквозь зубы рычу:

- Заткнись и сиди спокойно!

Что поделать, я не аристократ, и временами чувство такта мне изменяет. Сейчас как раз такой случай. Не каждый день приходится резать представителей Тихой Гильдии, которых за глаза называют цепными псами на службе у императора. Так что дама, надеюсь, меня простит. А если даже и нет - плевать я хотел на ее обиды.

Снимаю мешок с ее головы и вглядываюсь в лицо. Да, она хороша собой - и глаза, горящие бешенством, придают ей, пожалуй, особый шарм. Несколько секунд мы смотрим друг на друга в упор, и только теперь я, наконец, замечаю той самый недостающий штрих, который не давал мне покоя. Главную деталь, без которой портрет неполон.

Поняв, кто оказался передо мной, я едва не сажусь от неожиданности на пол.

Черноликая!

Ох, до чего же плохо...

Уже четверть века о них не было ни слуху, ни духу. После той охоты в предгорьях, когда их первую жрицу бросили в клетку, а потом сожгли в столице на главной площади. Остальным без затей отрубили головы. Лорд-хранитель тогда во всеуслышание заявил, что черноликие истреблены подчистую. Но оказался не совсем прав, как я сейчас убеждаюсь. Впрочем, он не первый, кто ошибается таким образом. Черноликие, похоже, неистребимы и способны возрождаться из пепла - если не в прямом, то в переносном смысле. И теперь они, значит, снова выползают на свет.

А лично у меня проблем, похоже, прибавилось. Что получается - двое псов по заданию императора подстерегли добычу, а я их прикончил, вместо того, чтобы оказать посильную помощь. Ай да авгур, ай да чудесная интуиция...

У кого-то, может быть, возникнет вопрос - как же так,

предсказатель не смог увидеть, что его ожидает? К сожалению, не все так просто. Прозрение будущего - сложное и кропотливое дело. Осознанное прозрение, я имею в виду, а не рефлекторное уклонение от ударов кинжала. Чтобы извлечь их грядущего ценную информацию, нужна довольно долгая подготовка, которая кому-то покажется колдовством. На самом деле, мы, конечно, никакие не колдуны. Просто адептам традиционной науки не всегда хватает воображения (а чаще - просто мозгов), чтобы оценить наши методы. Впрочем, я, пожалуй, слегка отвлекся - сейчас не время углубляться в теорию.

Строго говоря, по всем законам империи, у меня сейчас один выход - взять девицу за шкуру и тащить к ближайшему посту городской стражи. Сдать ее там, после чего признаться в убийстве псов и смиренно ждать приговора - в надежде, что меня не сразу казнят, а отправят, например, на свинцовые рудники. К авгурам отношение, конечно, особое, и, прирежь я какого-нибудь матроса или даже землевладельца из бедных, дело бы спустили на тормозах. Но члены Тихой Гильдии - особая статья, они неприкосновенны. Здесь уже не отвертишься. Что делать? Только без паники...

Вынимаю кляп и спрашиваю у красавицы на кровати:

- Зачем ты сюда пришла?

- Развяжи мне руки! - она шипит, как змея.

- Отвечай на вопросы. Если я убил этих двух, то тебя и подавно не пожалею. Я знаю, кто ты.

- Правда? - она усмехается и поднимает бровь.

- Правда. Ты черноликая.

Она видит, что я не блефую, и, прищурившись, изучает мое лицо. Потом говорит:

- А ты кто такой?

- Ты не в том положении, чтобы спрашивать. Итак, еще раз - что тебя сюда привело?

- Хотела встретить одного человека. Он здесь живет и должен был ждать внизу. Но внизу его не было, и я поднялась сюда. Едва успела войти, как следом ворвались эти...

Она кивает на окровавленные тела. Их присутствие в комнате ее, похоже, ни капельки не смущает. Хотя, чему я, собственно, удивляюсь.

- С кем конкретно ты должна была встретиться?

- С любовником! - она ухмыляется.

- В этом сарае? Не смей меня. Если ты заведешь любовника, то он будет жить, как минимум, в собственном трехэтажном особняке. Или, еще лучше, в родовом замке. Повторяю - кого ты искала?

- А если я не скажу?

Смотрю на нее и пытаюсь рассуждать здраво. Ясно ведь, что я оказался здесь не случайно. С какой же целью? На ум приходит только одно - я должен был помешать цепным псам. Чтобы они не смогли поймать черноликую. Бред, конечно, но другого ничего не придумашь.

Зачем они ее ловят? Чтобы допросить, зачем же еще. У них там есть такие специалисты, что развяжут язык любому. А черноликая, без сомнения, знает много такого, что заинтересовало бы императора.

Однако император ее теперь не получит, потому что вмешался я. Ладно, с этим понятно. Но ведь нам, авгурам, тоже есть о чем с ней потолковать! Жаль только, ближайший храм находится в двух неделях пути отсюда. Как я ее туда потащу? Значит, что - допрашивать прямо здесь? С точки зрения логики, это самый разумный выход...

Я опять вытаскиваю кинжал.

Она вздрагивает и, судя по всему, собирается завопить, но я успеваю зажать ей рот свободной рукой. Говорю тихо:

- Будешь кричать - убью.

Гляжу ей прямо в глаза и вижу, что она поняла. Убираю ладонь, наклоняюсь и перерезаю веревку, что стягивает запястья у нее за спиной. Отхожу на шаг. На ее лице проступает недоумение, но это продолжается лишь секунду. Она моментально овладевает собой и теперь насмешливо улыбается:

- Что, резать связанных совесть не позволяет?

Черноликую нельзя отпускать. Если поймал - веди ее к стражникам. Если не можешь - вгони клинок ей в глаз по самую рукоятку. Это долг любого подданного империи. Но я не обычный подданный. И мои поступки зачастую не подчиняются логике.

- Уходи, - говорю я ей.

Она грациозно встает с кровати и, прищурившись, с интересом меня разглядывает. Потом спрашивает:

- И чем же вызвано такое проявление милосердия?

Я не знаю, что ей ответить. Наверное, я мог бы сказать, что случайностей не бывает. И, раз уж она избежала плена, значит, ей суждено сыграть ключевую роль в дальнейших событиях. А здесь назревает нечто из ряда вон выходящее. Мне чудится натужный скрип шестеренок в неведомом механизме, который мы для краткости именуем судьбой; чудовищное колесо приходит в движение, и никто сейчас не в силах сказать, кого оно раздавит в лепешку. Но поворот уже неизбежен - с того момента, как я, неизвестно из каких побуждений, распахнул дверь ударом ноги.

Да, я могу ей все это объяснить, и это будет чистая правда.

Но есть еще кое-что, в чем я не в силах признаться даже себе...

- Уходи, - повторяю я, - нам опасно здесь оставаться.

Она опять усмехается и, аккуратно обогнув лужу крови, подходит к своим обидчикам. Брезгливо тыкает носком сапога:

- Ненавижу! Серые твари...

Потом возвращается и произносит невинным тоном:

- А ты их, значит, тоже не любишь?

- Любить их не за что. Но и резать тоже не собирался.

- Иногда полезно импровизировать.

Поразительно, но теперь, когда она оправилась от испуга, ситуация ее искренне забавляет. Впрочем, это свойственно черноликим. Чем опасней игра, тем больше она им нравится. Они идут танцующей походкой по краю пропасти и убеждены, что никогда не сорвутся. Эта неистребимая любовь к авантюрам, помноженная на фантастическое тщеславие, раз за разом приводит их к поражению. Но они ничему не учатся - зализывают раны и снова начинают играть. Страшно подумать, что будет, если у них появится прагматичный союзник, который дополнит эту дикую силу трезвым расчетом...

- Ну, что же, таинственный незнакомец, - говорит черноликая.

- Спасибо за помощь. Не сомневайся, мы умеем быть благодарными.

Она вдруг шагает ближе и, запрокинув голову, ловит мои губы своими. Этот сладкий ожог длится, кажется, бесконечно; я чувствую изгибы ее горячего тела. Наконец, она отстраняется. В бесстыжих глазах сверкает огонь. Она подмигивает мне на прощание и, уверенно стуча каблучками, выходит из комнаты в коридор. А я остаюсь в компании с двумя трупами.

Ни одно из моих прежних заданий не начиналось так интригующе.

Быстро обыскиваю карманы убитых, вытаскиваю значки-амулеты. Подхожу к окну и выглядываю наружу. Нет, прыгать я не намерен. Переулок, вроде, совершенно безлюдный, но, по закону подлости, кто-нибудь непременно объявится, как только я влезу на подоконник. К тому же, какой смысл уходить задворками, если все равно придется вернуться за скакуном?

Закрываю ставни как можно плотнее. Потом хватаю один из трупов и подтаскиваю его ко второму. По полу размазывается кровавая полоса. Теперь тела лежат друг на друге. Я достаю из кармана прозрачный шарик и сжимаю его в ладони. Чувствую, как он нагревается. Аккуратно кладу шарик на мертвеца, который сейчас оказался сверху. Отхожу к двери, отворачиваюсь и для надежности прикрываю глаза рукой. Мне незачем видеть то, что происходит у меня за спиной. Я и так знаю - ослепительная

вспышка на миг озаряет комнату, и холодное пламя жадно пожирает убитых.

Выждав положенное время, открываю глаза. На месте трупов - черная горелая клякса. Я удовлетворенно хмыкаю. Шарик с подобными свойствами - совершенно незаменимая вещь. Жаль только, что их мало; каждый стоит, как драгоценный камень. Но у нас, авгуров, свои источники. И вообще, сейчас не до экономии.

Прислушиваюсь, шагаю через порог. Аккуратно притворяю за собой дверь, спускаюсь по лестнице. Хозяйка опять уставилась на меня - явно хочет узнать, какого черта я делал на втором этаже. Наемники из угла тоже смотрят на меня с интересом. Многовато свидетелей, это плохо.

Придется снова тратить свои запасы.

Достаю еще один шарик и подбрасываю его к потолку. Он на миг зависает в воздухе и вспыхивает красноватым огнем. Хозяйка и посетители замирают, как изваяния. Оцепенение продлится еще минуту. После этого люди придут в себя, но уже ничего не вспомнят.

Беру свой плащ со стула, иду во двор. Бросаю мелкую монету служителю и, забрав скакуна из стойла, спокойно выезжаю на улицу. Через пару кварталов роняю в канаву амулеты покойников. Кажется, обошлось. Предъявить мне убийство теперь будет затруднительно по причине полного отсутствия трупов. И вообще - кто сказал, что я вообще заходил в ту комнату?

Все это верно, но я не чувствую облегчения. Я ведь знаю - это только начало. Боюсь, что бойня на постоялом дворе скоро покажется чем-то мелким и незначительным...

Дождь, наконец, закончился, и тучи нехотя расползаются.

К замку я подъезжаю в сумерках. Копья стражников багрово мерцают - как будто впитали свет закатного солнца. Я называю свое имя и ранг, демонстрирую амулет. Въезжаю во двор. Слуга ведет меня в башню. Коридоры ярко освещены - чувствуется, что экономить здесь не привыкли.

Лорд-наместник, поднявшись из-за стола, протягивает мне руку. Ему лет сорок на вид. Лицо гладко выбрито, волосы острижены коротко. Холодный взгляд, на лбу залегли морщины. Одет как воин - простая темная куртка, штаны из плотной ткани, тяжелые сапоги.

- Рад, что братство всерьез восприняло мою просьбу, - слова он произносит отрывисто, голос резкий. Этот человек привык отдавать приказы.

- Мы знаем, милорд, что вы не склонны к пустым фантазиям. Давайте сразу приступим к делу. Были новые случаи, пока я к вам добирался?

- Да, - он мрачнеет. - Два человека.

- Кто на этот раз?

- Супруга моего казначея. Исчезла бесследно. И леди Энна, моя племянница... - наместник запинается на секунду. - Она по-прежнему в замке. Но с ней что-то происходит. Ее будто подменили.

Часу от часу не легче, думаю я. Спрашиваю:

- Можно ее увидеть?

- Идемте.

Мы выходим из кабинета и быстро шагаем по коридору.

- Обычное следствие, насколько я понимаю, результатов не принесло.

- Нет, - отвечает он. - Мои люди перерыли весь город. Если бы это было похищение с целью выкупа, виновных бы уже сидели в моем подвале. И пожалели бы, что вообще родились на свет.

Я искоса смотрю на него. Он говорит спокойно, не повышая голоса. Но я уверен - это не пустые угрозы.

- В столицу вы сообщили?

- Нет. Пришлют чиновника, пусть даже очень толкового - ну, и что? Мои ищейки не хуже, но я вижу - здесь они не помогут.

Я отдаю должное его интуиции. А ведь он еще не знает, что в городе присутствуют черноликие. И одну из них я только что отпустил на свободу...

Двое стражников дежурят возле двери, к которой меня подводит наместник. Нам открывает рыженькая служанка. Мы заходим в покои. В дальнем углу перед зеркалом сидит молодая дама в светло-голубом платье. Волосы распущены по плечам. Она оборачивается и смотрит на нас с отрешенной полуулыбкой. Встает и подходит ближе.

- Энна, - говорит лорд-наместник, - позволь представить тебе...

Она слушает с вежливым удивлением. Потом переводит взгляд на меня.

- Авгур? Как интересно. Никогда не приходилось встречаться. Что вас к нам привело?

- Я здесь по приглашению его светлости, - отвечаю расплывчато, а сам пытаюсь найти в ее облике что-нибудь необычное, но ничего не вижу. Типичная аристократка - по крайней мере, на первый взгляд.

- Я попросил у братства помощи в связи с последними... инцидентами, - поясняет, между тем, лорд-наместник.

- Инцидентами? - она поднимает брови. - Ах, да, эти ужасные похищения...

Не похоже, чтобы данный вопрос ее особенно волновал.

- Миледи, - говорю я, - сейчас уже поздно, я не хотел бы вас беспокоить. Не будет ли дерзостью с моей стороны, если завтра я попрошу еще об одной беседе?

- Ну, что вы, - она улыбается безмятежно. - Приходите в любое время, я буду рада.

Я откланиваюсь, и мы с наместником выходим из комнаты.

- Вы видели? - он явно взволнован. - И так уже третий день.

- Простите, - говорю осторожно, - я пока не вник в ситуацию. Но леди Энна ведет себя, по-моему, типично для женщины ее круга.

Он смотрит недоуменно, потом говорит с досадой:

- Ах, да, вы же раньше ее не знали. Поверьте, трудно было найти более жизнерадостного и веселого человека. Обожала ездить верхом, мечтала о морских путешествиях. Моя дочь в ней души не чаяла. Вместе устраивали прогулки, у них там есть любимое место на берегу... А теперь сидит с утра до вечера в комнате, смотрит в зеркало. И волосы расчесывает - медленно, аккуратно. Улыбается чему-то, но ни с кем говорить не хочет. В другой ситуации я бы решил - влюбилась...

- А может, действительно?

- Да нет же! В последние дни она ни с кем не знакоилась, это я знаю точно. Ее не оставляли без присмотра ни на минуту. И вообще, не может человек измениться настолько сильно. Поймите, это уже не Энна. А если с моей дочерью то же самое?..

- Они ровесницы?

- Энна на пять лет старше.

- Если не возражаете, с вашей дочерью я завтра тоже поговорю.

- Да, конечно. Действуйте на свое усмотрение, говорите, с кем пожелаете. Я предупрежу людей. В замке вы можете передвигаться свободно. Ну, за исключением...

- Я понимаю. Не беспокойтесь, милорд, в сокровищницу я не полезу.

Он криво усмехается, потом вдруг останавливается и, схватив меня за плечо, произносит яростным шепотом:

- Найди их, авгур, ты слышишь?.. Найди тех, кто это устроил, и я лично вырву им глотки. Я весь город готов повесить, чтобы защитить свою дочь. Но если с ней что-то произойдет, то и ты живым отсюда не выйдешь, это я тебе обещаю. Ты понял меня, авгур?

Глядя в его бешеные глаза, отвечаю по возможности кротко:

- Да, я понял, милорд.

Он отпускает меня, отворачивается, а через пару секунд спрашивает совершенно спокойным голосом:

- Чем еще я могу помочь?
- Я хотел бы взглянуть на комнаты всех пропавших.
- Вас проводят. Я вызову мажордома.
- Благодарю вас...

...Мажордом - седой как лунь и прямой как палка - отпирает дверь, и я вхожу в довольно скромную комнату. Кровать с балдахином, платяной шкаф, туалетный столик. Большое зеркало. На стенах гобелены - что-то идиллически-пасторальное. Портрет - девица со вздернутым носом и светлыми волосами.

- Это она? Пропавшая?

Мажордом подтверждает. Девушка была дальней родственницей наместника. Родители умерли, и ее поселили в замке. Ничем среди сверстниц не выделялась. За ней ухаживал один из молодых офицеров стражи, но предложение, вроде, так и не сделал. Две недели назад барышня зашла в свою комнату, заперлась, а утром не вышла. Ее хватились, взломали дверь. Внутри было пусто, окно закрыто изнутри на щеколду. Никаких следов борьбы или чего-то подобного, только у зеркала валялась раскрытая пудреница.

Выслушав все это, еще раз оглядываю небогатую обстановку. За окном уже ночь, но в комнате достаточно света - мажордом зажег настенные лампы.

У меня ощущение, что я только что узнал нечто важное, но конкретно сформулировать не могу. Значит, девушка мирно сидела с пудреницей, а потом исчезла, словно вдруг растворилась в воздухе. Правильно? Да, соглашается мажордом, именно такое создалось впечатление.

Так, ладно, что там с двумя другими пропавшими? Одна - супруга казначея, это я уже слышал. Совсем молодая, кстати, хотя сам казначей разменял недавно седьмой десяток. Ладно, речь сейчас не об этом. Исчезла из своих покоев среди бела дня. И, наконец, экономка. Возраст - слегка за тридцать. Красивая? Услышав вопрос, мажордом немного смущается. Да, отвечает, весьма привлекательная особа. И тоже пропала прямо из комнаты.

Что получается? Три красивые женщины исчезают. Четвертая (тоже, кстати, весьма недурна собой) с утра до вечера сидит перед зеркалом.

Кстати, интересная мысль...

Подхожу к зеркалу у стены. Оно стоит на ножках - не очень широкое, но высокое. Провожу пальцем по завитушкам на раме, ногтем слегка стучу по стеклу. Заглядываю с другой стороны. Тоже ничего интересного - ни надписей, ни значков.

Мажордом скептически наблюдает. Наверно, до моего

приезда все это уже проделывали не раз. Ну, ничего, потерпит.

Ставлю перед зеркалом стул. Сажусь, любуюсь собственным отражением. Минуту, две, три. Ничего не происходит. За окном завывает ветер. Ровно горят светильники. Ну-ка, а если так...

- Будьте добры, погасите лампы.

Он делает это, не выказав удивления. Комнату заполняет густая тьма, только звезды светят в окно. Через пару минут глаза привыкают, и я даже, вроде бы, различаю в зеркале собственный силуэт. Мне кажется, или стена за моей спиной начинает слегка светиться? Оглядываюсь - нет, ничего подобного. Снова присматриваюсь к отражению. Теперь я уверен - оно отличается от реальной картины. Там, в зазеркалье рождается едва уловимый свет. Его источник находится за спиной у моего двойника.

Мажордом испуганно охает. Кажется, он тоже что-то увидел. Я встаю и велю ему зажечь лампу. Брожу по комнате, пытаюсь соображать. Если это то, что я думаю...

- Завесьте чем-нибудь зеркала, которые имеются в замке, - говорю я своему спутнику. - Во всех комнатах. Особенно в той, где обитает дочь его светлости. С нее и начните, прямо сейчас.

- Но она ведь, наверно, уже легла! - похоже, перспектива вторгнуться ночью в чужую спальню пугает его значительно больше, чем ожившие отражения.

- Придется разбудить. Имейте в виду, если до завтра кто-то еще исчезнет, это будет на вашей совести. Впрочем, постойте. Сначала доложим лорду-наместнику - он, кажется, еще в своем кабинете. Его светлость подтвердит мои полномочия. Потом вы займетесь обходом комнат, а я буду вынужден отлучиться...

...Мой скакун, свернув с дороги, огромными прыжками несется по полю. Наконец-то я вижу место, которое мне подходит. В окрестностях замка ничего подобного не было - там или холмы, или рощи, или деревни. А мне нужно открытое нераспаханное пространство. Вот, примерно, как здесь.

Спешиваюсь. Достая из потайного кармана прозрачный шарик. Не думал, что придется его использовать, но другого выхода я не вижу. Больше мне надеяться не на что.

Сжимаю шарик в ладони, потом бросаю в траву. Все, дело сделано, можно ехать назад. Ждать не имеет смысла - результат, скорее всего, появится только утром. И он станет мне известен независимо от того, где я буду находиться к тому моменту. Тогда и узнаем, правильно ли я оценил ситуацию.

Но, еще не успев запрыгнуть на скакуна, я ощущаю, как земля под ногами вздрагивает. Где-то там, на неведомой глубине происходит тяжелое шевеление. Словно гигантский червь прогрызает себе дорогу к поверхности.

Глава 6

И опять Андрей проснулся после обеда. Организм, уставший от нервного трепка, использовал любую возможность для восстановления сил. Проще говоря, Сорокин А.С., он же мерцающий, он же хамелеон, научный феномен, исполнитель никому не известной миссии бессовестно дрых часов по тринадцать, а то и по четырнадцать в сутки. Вещих снов, на которые намекал товарищ майор, пока что не наблюдалось. Да и хрен бы с ними, подумал Андрей лениво. Мозги и так уже закипают - особенно после ознакомления с манускриптом...

Творение неизвестного автора он вчера так и не дочитал. Сначала вернулась мама и позвала его ужинать, потом он зачем-то включил юмористическое шоу по ТВ-6, где пытались спародировать 'МузОбоз', и это навело такую тоску, что спать захотелось даже раньше обычного. Глаза слипались, и рукопись пришлось отложить.

Сейчас читать не хотелось - тем более, что практической пользы от манускрипта Андрей не видел. Никаких параллелей с реальной жизнью в тексте не обнаружилось. Ну, разве что, шарики, которыми пользовался авгур, похожи на Горючие Слезы. Ладно, и что из этого следует? Непонятно.

Андрей умылся, съел бутерброд и, выбравшись на балкон, долго смотрел на спиральную башню на горизонте. Вернулся на кухню, выпил еще полкружки сладкого чая. Бесцельно побродил по квартире. Наконец, не придумав ничего лучше, включил-таки телевизор. По главному каналу передавали новости.

- В Москве сегодня вновь приступила к работе миссия Международного валютного фонда, - сообщила дикторша, чуть не подпрыгивая от радости. - Глава делегации Жерар Беланже проведет переговоры в Министерстве финансов, Центробанке и Министерстве по налогам и сборам. Многие эксперты дают оптимистические прогнозы! Поводом стало принятие Госдумой пакета законов, направленных на увеличение доходной части бюджета. А именно это было основным условием МВФ для выделения России новых кредитов. Совет директоров фонда рассмотрит данный вопрос в ближайшее время...

О, подумал Андрей, кому-то в Москве еще бабла подвезут. Давно пора! А то смотришь на эти изможденные лица и понимаешь - не доедают люди...

Потом показали, как Ельцин на фоне российского триколора отчитывает министра юстиции. Борис Николаевич был хмур и сверкал очами, бородатый министр обреченно кивал.

- Президент недоволен тем, как выполняются его поручения. Одно из них заключалось в том, чтобы выяснить, как действия

КПРФ согласуются с конституцией, - благоговейно пояснили за кадром. 'Опять до коммунык докопались', - подумал Андрей даже с некоторым сочувствием.

Дальше был репортаж о том, как очкастый председатель правительства встречается с чуваком из Прибалтики - то ли с премьером Латвии, то ли с президентом Литвы. А, может, Эстонии - кто их там разберет. Дикторша тарыхтела:

- Был принят пакет социально-экономических соглашений. Отношения между странами развиваются динамично. Вместе с тем, есть много нерешенных вопросов - они касаются, в частности, нефтяной и газовой сферы...

Высокие договаривающиеся стороны сидели за массивным столом, подписывая бумаги, а сзади лыбились референты, переводчики и прочие протокольные рожи. Внимание Андрея привлекла элегантная дамочка в левом углу экрана. Она стояла со скучающим видом и даже не глядела на стол, как будто зашла случайно и происходящее ее не касается. Строгий костюм не скрывал достоинств фигуры, а волосы были собраны в тугий пучок на затылке. Барышня лениво озиралась вокруг, пока ее взгляд не уперся в объектив телекамеры.

Тонкие брови удивленно поползли вверх, и она сделала шаг по направлению к оператору. Этого маневра, кажется, никто не заметил - ни один из стоящих вокруг стола даже не повернул головы.

Дамочка подходила все ближе. Теперь она торчала в центре экрана, загораживая премьера, но оператор не пытался ее прогнать, словно изящная незнакомка была невидима. Андрей разглядел у нее на шее темные полосы. Сначала он подумал, что это татуировка, но линии начали удлиняться, переползая на щеку. Это было похоже на стремительно растущие лозы - они извивались, переплетаясь друг с другом, и орнамент становился все гуще. Узор, 'паутина' - только не на предплечье, как у всех нормальных людей, а буквально по всему телу. И этот узор был черного цвета...

Стоя за тысячу километров, черная женщина посмотрела Андрею прямо в глаза.

Потом она протянула руку, словно желая дотронуться до него сквозь экран.

Андрей в панике подскочил к телевизору и надавил на кнопку, едва не свалив тяжелый ящик на пол.

Изображение дернулось и погасло. Андрей для верности выдернул еще и шнур из розетки, после чего обессиленно упал на диван. Руки слегка дрожали.

Что за Баба Яга? Ведь не бывает узоров такого цвета! Да еще

и прямо на морде...

Черные лица. А ведь звучит знакомо! Уж не те ли это черноликие, про которых писал авгур? Любительницы играть в опасные игры? Предположим. Но, опять же, что это объясняет? Надо, пожалуй, манускрипт дочитать. Получается, эти тетки теперь у нас окопались? Причем, не где-нибудь, а в доме правительства.

Самое интересное, что девицу там никто не заметил. Картина маслом - наши драгоценные министры сидят, радеют за народное счастье, работают, так сказать, с документами, а между ними бродят натуральные ведьмы.

И чем, хотелось бы знать, эти ведьмы там занимаются?

Кстати, это ведь был не прямой эфир. Репортаж с переговоров крутили в записи, но жуткая баба смотрела на Андрея в реальном времени - в этом не было ни малейших сомнений. Как такое вообще возможно? И он ей, похоже, не приглянулся. Чует сердце - этим дело не ограничится. Час от часу не легче...

Интересно, она его просто видела или уже... как бы это сказать... запеленговала? И сейчас в дверь вежливо позвонят...

Дзинь!

Андрей подпрыгнул и ощутил, как волосы встали дыбом. Трель повторилась, и только тогда он сообразил, что это не дверной, а телефонный звонок. На ватных ногах он подошел к аппарату и долго не решался ответить. Ему представлялось, как прямо из трубки сейчас полезут черные лозы, которые опутают его с головы до ног и сдавят беззащитное горло. Телефон все не умолкал.

- Алло? - сказал он фальцетом.

- Андрей? - спросил женский голос.

- Да, кто это?

- Это Аня, Аня Смирнова! Одноклассница!

Несколько секунд он тупо переваривал информацию. Потом спохватился.

- Анька! Да, да, я слушаю!

- Ты... ты меня узнал?

- Узнал, конечно! - Андрей облегченно прислонился к стене. - Анька, ты не представляешь, как я рад тебя слышать...

- Правда? - кажется, она несколько растерялась. - А у тебя... ты хорошо себя чувствуешь?

- Рога пока не отросли, не волнуйся!

Трубка испуганно замолчала. 'Дебил', - сказал сам себе Андрей. Девчонка набралась храбрости, позвонила (в отличие от некоторых - не будем сейчас показывать пальцами), а он тут упражняется в остроумии...

- Анька, я шучу, извини, не обращай внимания! Просто у меня тут небольшой стресс... Короче, неважно, все в порядке на самом деле. Хочешь, давай встретимся - сама убедишься. Как ты на это смотришь?

Она замешкалась, и он поспешно добавил:

- Если не хочешь, так и скажи. Я не обижусь, правда! Спасибо, что вообще вспомнила...

- Я хочу, - неуверенно сказала она.

- Ну и прекрасно! Ты сейчас что делаешь?

- На площадь собираюсь, в паспортный стол...

- Сочувствую... Пешком пойдешь?

- На автобусе.

- Ага, давай тогда так...

Они договорились встретиться возле заброшенной голубятни - на полпути между Анькиным домом и остановкой. Андрей натянул рубашку. Настроение улучшалось. Пора, наконец, отвлечься - а то крыша совсем поедет. А черные бабы из телевизора пусть идут на... э-э-э... на другой канал! Вдаль по сетке вещания...

Анька не опоздала. Покрасовавшись в платье на выпускном, она теперь вернулась к привычному спортивному стилю - широкие штаны, кеды и майка без рукавов. Узор на предплечье был хорошо замечен - оттенок довольно яркий. Издали он казался сиреневым, но, если присмотреться, это был синий с красным отливом. Ну, правильно, совсем без красного спортсменам нельзя - воля к победе, туда-сюда...

Девчонка остановилась в пяти шагах, опасливо разглядывая Андрея, как будто и правда пыталась обнаружить рога или дециметровые когти. Попутно она косилась на ближайшее дерево - решала, наверно, можно ли за ним спрятаться. Ну, прямо как кошка при встрече со злой собакой. Но ведь пришла же! Андрей почувствовал нежность.

- Анька, - сказал он как можно мягче, - не пугайся, это же я! My name is Andrew! Ну, посмотри внимательно...

Он поднял руки в стороны, почти как огородное пугало, и медленно повернулся вокруг оси. Потом вытянул руки перед собой и слегка присел, имитируя движения физкультурника. Анька хихикнула.

- Ну, - спросил Андрей, - узнала теперь? Можешь даже потрогать.

Она подошла к нему и действительно - то ли в шутку, то ли всерьез - слегка потыкала пальцем. Потом вдруг всхлипнула и обхватила его руками.

- Ну, чего ты? - смущенно спросил Андрей.

- Я, пока к тебе шла, со страху чуть не описалась, - призналась простодушная Анька. - Это девки меня запугали, дуры. Если ты, говорят, с ним на выпускном целовалась...

- Ну-ну, и что?

- Ой, да ну их, страшилки всякие. Это ведь все неправда?..

- Все брехня, - авторитетно сказал Андрей, прижимая ее к себе.

Потом, правда, не удержался и прошептал на ухо:

- Ну, разве что, кровь по вечерам пью. Перед сном, полтора стакана.

Анька сдавленно пискнула и попыталась вырваться. Андрей отпустил ее и заржал во весь голос. Девчонка обиженно засопела и стукнула его крепким кулачком по плечу. Получилось довольно больно.

- Все, все, не дерись, - попросил Андрей. - Анька, блин, ну нельзя ж быть такой доверчивой! В разведчицы тебя не возьмут...

- Ты все время надо мной издеваешься, - пожаловалась она. - А потом еще и говоришь, что я глупая.

- Не глупая, а глупенькая, - заметил он назидательно. - Это принципиальная разница. А вообще-то, Анька, ты молодец. Можно, я тебя поцелую?

- Можно, - сказала Анька.

Солнце жарило в спине. В белесом небе таяли редкие облака.

- Сам бы я, наверно, позвонить не решился, - сказал Андрей после паузы. - Боялся, что получится как с Пельменем. А через пару дней, скорее всего, уеду.

- А что с Пельменем? - спросила Анька. - И куда ты ехать собрался?

И он рассказал ей про разговор с Пашкиным отцом и про наглую паспортистку, и про беседу с хитрым майором. Добрая Анька слушала, открыв рот, хлопала ресницами и шмыгала носом.

- Ну, вот, - закончил Андрей. - Езжай, говорит, отсюда. Дорогу, мол, сам найдешь.

- А как же ты без печати?..

- Усы, лапы и хвост - вот мои документы, - ответил он цитатой из мультика и в доказательство постучал по предплечью. - Предъявлю, если что - пусть попробуют усомниться. И вообще, я им еще спасибо должен сказать, что в очереди стоять не пришлось. Говорю же - там полный финиш. Я тебе сейчас не завижусь...

- А что делать, - Анька вздохнула. - У меня-то ни усов, ни рогов. Придется стоять как все. Пойдем, проводишь на остановку.

- А хочешь, с тобой поеду? Скорчу страшную рожу - без

очереди пропустят.

- Нет уж, спасибо. Я уж как-нибудь так...

На этот раз подошел не 'икарус', а дребезжащий 'ЛАЗ' - грязно-белый, с синей полосой на боку. Судя по виду, он был в строю уже лет двадцать, как минимум. Анька легко запрыгнула на ступеньку, обернулась и помахала рукой. Двери захлопнулись, и автобус, горячий как сковородка, тяжело покатился дальше. Андрей, улыбаясь, проводил его взглядом. Потом немного собрался с мыслями и решил зайти в продуктовый. Нарзану купить - а то дома уже закончился.

Он перешел дорогу. Квадратная урна у магазина была забита липкими обертками от пломбира. Над ней кружились жирные мухи. Андрей поморщился, шагнул на крыльцо и потянул на себя стеклянную дверь.

И нос к носу столкнулся с Русиком.

Ксюхин бойфренд выглядел несколько непривычно - лицо помято, футболка не первой свежести, волосы прилипли ко лбу. От него явственно несло перегаром, а под мышкой он держал двухлитровую пластиковую бутылку с самым дешевым пивом, которым брезговали даже местные алкаши. Короче, орел наш выглядел так, словно не просыхал с выпускного. 'Не понял, - озадаченно подумал Андрей. - И как, интересно, Ксюха на это смотрит?'

- О, Сорокин, - сказал Руслан, фиксируя мутный взгляд, и протянул ладонь. Рукопожатие было вялым.

- Здорово, - сказал Андрей и хотел пройти мимо.

- Погоди, - Руслан придержал его за плечо. - Слышь, Андрюха, ты это... Ты Оксану не видел?

- Видел. Вчера в подъезде столкнулись. А что такое?

- А что она... ну, что про меня сказала?

- Про тебя? - Андрей удивился еще сильнее. - Вообще ничего. С какой радости, собственно говоря?

- Точно? Ладно, тогда если еще раз встретишь, передай ей, короче...

- Секунду, Русик! Ничего я передавать не буду. Делать мне больше нехер. Если надо, сам к ней зайди - и решайте свои вопросы...

Руслан скривился и нехотя пробурчал:

- Она со мной говорить не хочет!..

Стыдно признаться, но чувство, которое Андрей испытал после этой фразы, было чистым и незамутненным злорадством. Ха! Фигня, что сарай сгорел, зато у соседа корова сдохла! В том смысле, что не только ему облом. Ну, надо же, какой поворот сюжета - Ксюха с ее великолепным красно-желтым клеймом и

скромный синий Русланчик. Синий, да. Во всех смыслах этого слова. А что ему еще делать, кроме как пиво дуть? Извини, братан, но Ксюшенька теперь в другой лиге...

- Дай угадаю, - сказал Андрей. - Вдохнула и говорит: 'Мы с тобой слишком разные'. А глаза такие добрые-добрые...

Руслан обжег его грозным взглядом, но быстро сдулся. Потом отвернулся и плюнул в сторону урны. Плевков получился слабенький и до цели не долетел - даже мухи не обратили внимания. Русик спросил сквозь зубы:

- Сорокин, неужели эта дрянь на руке настолько людей меняет?

Андрей смотрел на него и чувствовал, как злорадное возбуждение уходит.

- Не знаю, - сказал он. - Веришь ли, самому интересно. Ладно, я пойду, извини. У самого проблем выше крыши.

Он шагнул в магазин и несколько секунд бессмысленно пялился на витрину. Потом, наконец, купил минералку и снова вышел на улицу. Руслана у крыльца уже не было. Андрей завернул во двор и побрел к своему подъезду.

- Малой, тормози! Андрюха!

Со второго этажа ему махал Серега-Хомяк. 'Я сегодня прям-таки нарасхват', - подумал Андрей.

- Чего, Серега?

- Стой там, я спущусь! - и он метнулся с балкона.

Андрей недоуменно пожал плечами и вытер вспотевший лоб. Потом аккуратно отвинтил крышку и сделал большой глоток из бутылки. Ладно, подождем, фиг ли...

Серега бомбой вылетел из подъезда. Он даже майку не потрудился надеть - белое пузо вызывающе сверкало на солнце. Узор на руке у него был довольно сложный, охряный с зеленоватым оттенком.

- Слышь, малой, - Серега тяжело отдувался. - Ты, это... В натуре, что ли?

Несмотря на некоторую нечеткость формулировки, Андрей уловил, о чем идет речь. Он тяжело вздохнул и уже привычным движением задрал рукав на левом предплечье. Серега впился глазами в 'татуировку'.

- ...! - сказал Хомяк. - А я думал, брешут, бляха...

- Это все ты виноват, Серега, - укоризненно заметил Андрей.

- Я?!

- Ну, а кто ж еще? Ты мне что сказал? 'Зеленый будешь или, может быть, желтый'. А что получилось? Короче, за базар придется ответить...

- Малой, млять, я же не знал! - Хомяк, похоже, реально сел на

измену. - Я тогда с бодунища был, не соображал ни хрена...

- Да расслабься, - с досадой сказал Андрей. - Шуток не понимаешь? Чего ты вдруг такой нервный?

- Шуток? А, ну да, блин... гы-гы... Тут, короче, такая тема...

Он замялся, а глазки беспокойно забегали. Андрей терпеливо ждал, потом, наконец, не выдержал:

- Серега, давай, телись. А то я сейчас расплавлюсь.

- Ну, это, короче, малой... Андрюха, постой на стрелке, если не запаadlo...

Андрей поперхнулся минеральной водой.

- Чего?..

Хомяк оглянулся по сторонам и зачастил полусшепотом:

- На нас тут один гоблин наехал... Ну, то есть, это мы на него наехали... То есть он, мля, реально борзый, нюх потерял вообще. Не с нашего города, я его до этого ни разу не видел. И сразу, сука, пальцы гнуть начал, понты кидать. Ну, мы и... Короче, крыша у него конкретная оказалась - круче только яйца, бляха. Если б я заранее знал - обошел бы за километр. А теперь они: 'Мы тебя закопаем'. А вот х... вам! Короче, Андрюха, я им стрелку забью - на мерцающего они хрен залупнутся...

Андрей слушал возбужденного Хомяка и не верил своим ушам. Наконец, улучив момент, когда тот замолк на секунду, попытался воззвать к разуму собеседника:

- Серега, окстись, ау! Ты вообще с кем сейчас разговаривал? Где я - и где стрелка, подумай сам! Нашел, блин, тоже защитника...

Но Серега уже воспарил мечтою в горние выси:

- Я тебе отвечаю - они зассут, когда эту хрень увидят! Я бы точно зассал...

Последний аргумент показался Андрею не совсем убедительным, и он уже приготовился возразить, но тут им пришлось прерваться. Во двор со стороны улицы влетели белые 'жигули' с тонированными стеклами, и из всех четырех дверей почти синхронно вылезли мужики с короткими стрижками. Телосложение крепкое, морды наглые - так бы Андрей, наверно, записал в протоколе.

- Здорово, станичники, - дружелюбно сказал один - пониже ростом, чем остальные.

- Приехали, мля, - пробормотал Хомяк, и Андрей не понял, что имелось в виду - то ли конкретно прибытие 'жигулей', то ли общая ситуация в жизни. Скорее всего, второе. Серега лихорадочно озирался.

- Загораем, Хомяк? - поинтересовался вежливый собеседник, кивая на голое Серегино брюхо. - Тебя же, сука, предупредили -

сегодня ровно к обеду. А сейчас...

Он неспешно посмотрел на часы.

- ...уже без двадцати три. И как это понимать?

- Я не успел, - сказал Серега охрипшим голосом.

- А, - кивнул мужик, - это другое дело. Занятой человек, бывает. Ну, лучше поздно, чем никогда. Экипаж подан - садись, поехали.

- Я... я не поеду, - сказал Хомяк.

- Да ладно? Здесь останешься, что ли? Не, Хомяк, извини. Не катит.

Он кивнул своим спутникам, и двое подошли ближе. Еще один остался возле машины - наверное, страховал. Хмырь в белой тенниске небрежно отодвинул Андрея, и тот, споткнувшись о неровный асфальт, приземлился на задницу под балконом.

- Вы лучше его не трогайте, - забормотал Серега. - Андрей, покажи им! Отвалите лучше, или вам всем п...

Бандит, стоявший слева, без замаха двинул ему в солнечное сплетение. Хомяк согнулся, подавившись последней фразой. Второй боец мельком взглянул на Андрея, который как раз поднимался на ноги, и лениво сказал:

- А ты посиди пока.

И ударил его ногой.

Удар был несильный, как на разминке. Скорее, просто толчок, чтобы Андрей не удержал равновесие. Каблук попал ему чуть ниже ключицы, почти не причинив боли. Хуже было другое - качнувшись назад, Андрей приложился затылком о бетонную стену и даже, кажется, на миг потерял сознание. Во всяком случае, перед глазами что-то мигнуло. А когда он снова сфокусировал взгляд, двор уже выглядел по-другому.

Ему показалось, что кто-то уменьшил яркость дневного света. Солнце превратилось в тусклый фонарь, неспособный обжечь глаза, краски вокруг поблекли, а небо утратило лазурный оттенок - теперь оно было как мутный известковый раствор. Трава на клумбе пожухла, а розы, которые заботливо растила бабулька из второго подъезда, съжились и начали увядать, как будто у них разом отсохли корни. Желтый листок осторожно лег на асфальт, а Андрей, машинально подняв глаза, увидел, как облетает высокий тополь, стоящий в центре двора.

И почему-то воспринял это как должное.

Люди оцепенели, словно рептилии, которым не хватает солнечного тепла. Движения стали вялыми, а лица, которых коснулось дыхание наступающей осени, бледнели, превращаясь в неподвижные маски.

Андрей встал, отошел на два шага влево, и только тогда

ближайший бандит отреагировал на это движение - он медленно повернулся в нужную сторону и несколько секунд стоял неподвижно, как будто не мог осмыслить увиденную картинку. Потом его зрачки расширились как под воздействием атропина, а рот раскрылся в беззвучном крике.

- Ну, а как ты думал? - мягко спросил Андрей.

Стриженный боец повернулся и бросился со двора. Его движения были дергано-неуклюжими, ноги не сгибались в коленях - как у механической куклы, которую забыли вовремя смазать. Андрей мог бы догнать его прогулочным шагом, но это было неинтересно. Он развернулся ко второму бойцу, который уже отпустил Серегу и теперь прижимался спиной к стене. Андрей подошел вплотную и взял его за запястье, чтобы лучше рассмотреть 'паутину'.

- Говорят, - сказал он бандиту, - что мерцающий может скопировать узор обычного человека и, тем самым, украсть у него судьбу. Брехня, наверно, как полагаешь?

Кажется, тот пытался кричать, но голос был не громче комариного писка. Андрей посмотрел на свое предплечье, которое сейчас было цвета подгнившей вишни, словно набухло венозной кровью, и приложил его к бледно-синему узору бандита. Кожа мгновенно слиплась, и Андрей почувствовал, как нити его 'паутины' жадно пульсируют, внедряясь в чужую плоть.

- Не дергайся, - сказал он. - Это совсем не страшно.

И окунулся в чужую память.

Он вспомнил, как его с детства дразнили Крысом - с намеком на персонажа из фильма, хотя сам он, глядя на себя в зеркало, не видел ни малейшего сходства; и как его это раздражало, прямо бесило, но он молчал, потому что иначе смеялись бы еще громче. И как они с пацанами лазали на соседнюю стройку и тырили там 'липучку'. И как на рыбалке впервые нажрались до поросячьего визга, и, забыв про рыбу, подпевали матом 'Сектору газа', пока не кончились батарейки в магнитофоне. И как от армии удалось откосить в последний момент, потому что мудака-кардиолог, пообещавший справку, боялся продешевить...

Блестит отполированный гриф, когда он жмет штангу с предельным весом...

Михаил Вартанович, он же Миша Питон, одобрительно хлопает его по плечу...

Следак с поросячьей физиономией гадко улыбается в прокуренном кабинете, и плетет что-то про 162-ю статью ('часть третья - от семи до двенадцати, сам должен понимать...'), и, в конце концов, называет совершенно несусветную сумму...

Водочные бутылки...

Увесистая бейсбольная бита, привезенная корешами в подарок аж из Москвы (в местных 'Спорттоварах' такого сроду не продавали)...

Наглая сучка Верка, которую он трахает последние две недели...

- Нет, - сказал Андрей, - это, пожалуй, не вариант. Я же не сволочь - красть такое богатство...

И он рванулся, разрывая переплетенные нити. Рука у бандита повисла плетью, как будто из нее выдавили последние соки, а узор окончательно побледнел. Глаза бессмысленно смотрели перед собой.

- Ну, ничего, - успокоил его Андрей. - Первый блин комом, сам понимаешь.

Он со вздохом повернулся к машине. Двое оставшихся бандюков уже успели забраться внутрь. Водитель истерически терзал зажигание, а второй на него орал - судя по артикуляции, матом. Мотор повизгивал, но не желал заводиться.

Андрей подошел и провел рукой по крылу. Металл под его ладонью покрылся ржавчиной - пятно разрасталось, переползая на капот и на дверцу. Рыжие хлопья падали на асфальт. Андрей наклонился к водителю и сказал:

- Она уже не поедет. Пешком быстрее.

Распрямился и посмотрел на северо-запад, где торчала башня, похожая на скелет. Сейчас, когда солнце почти погасло, она казалась пепельно-серой. С той стороны ощутимо дохнуло холодом, и Андрей почувствовал запах тления. Ветер швырнул в лицо горсть колючих мелких снежинок. Андрей сделал шаг вперед. Под ногами хрустели жухлые листья.

Сзади хлопнула дверца. Кажется, до бандитов дошло.

Ветер усилился.

Между домами что-то мелькнуло.

Гибкое тело скользило высоко над землей. Звериный глаз сверкнул оранжевым светом.

- Нет, - сказал Андрей, - не сегодня.

Снова обернулся к машине и ударил кулаком по стеклу. Оно осыпалось мягко, почти беззвучно, как сахарная глазурь. Андрей выбрал треугольный осколок и посмотрел на предплечье. Набухший узор пульсировал темно-красным.

Андрей ощутил движение за спиной.

Он сжал осколок крепче и воткнул прямо в центр 'татуировки'.

Перед глазами как будто взорвали световую гранату. Ноги подкосились, и Андрей осел на асфальт.

Листья шуршали.

Текли секунды.

Наконец, он пошевелился и поднял голову. Солнечный луч коснулся его лица. Было горячо и приятно. В голубом небе кружили птицы. Андрей посмотрел на руку. Порез был, в общем-то, неглубокий, и крови совсем немного. Он слизнул ее языком, потом поднялся на ноги, оглядываясь вокруг. Бандитов во дворе не было. Хомяк лежал лицом вниз, как на плакате 'Действия при ядерном взрыве'. Андрей подошел к нему и постучал по жирной спине:

- Серега, вставай. Сейчас уже можно.

Тот осторожно сел и уставился на ржавые 'жигули'. Потом посмотрел на облетевший тополь и, наконец, спросил:

- Это... что было?

- Оно самое, - ответил Андрей. - Стрелку заказывали? Получите и распишитесь. Все по полной программе. Не видел, что ли?

- Я сразу глаза закрыл, - признался Хомяк.

Да, подумал Андрей, вот уж действительно - выдающееся чутье.

- С тебя пузырь, - сказал он Сереге, который машинально кивнул, продолжая сидеть на заднице. Андрей быстро вошел в подъезд и, не дожидаясь лифта, поднялся по лестнице к себе на пятый этаж.

Так, думал он, теперь уж точно надо валить. Прямо сегодня, и ждать не имеет смысла. И проблема не в бандюках (вряд ли они еще сунутся по этому адресу), а в том, что в следующий раз, когда он случайно ударится головой, дело может не ограничиться листопадом.

Ему было страшно. Слишком легко он принял правила игры в тусклом мире. Слишком охотно согласился на роль недоброго лешего в этой заколдованной чаше.

Почему там все рассыпается и обращается в тлен?

Этого он не знал. Но очень быстро освоился...

Андрей боялся себе признаться, но если бы возник хоть малейший повод, он без особых переживаний открутил бы всем четверым конечности. Страшилки о том, как пятно на руке превращает человека в чудовище, уже не вызывали улыбку. И даже думать не хотелось о том, что именно видели бандюки, когда смотрели ему в глаза, и почему у них при этом так искажались лица.

Короче, сумасшедшему колдуну (а как еще все это назвать?) не место в панельном доме. Соседи от страха могут и квартиру спалить. А скрывать свои милые домашние фокусы теперь уже не получится. Наверняка ведь кто-то из окна видел, что во дворе

творилось. Готов поспорить - овца с девятого этажа следила, она такие вещи не пропускает. А вот интересно, топтуны от майора тоже в кустах сидели? И что в отчете напишут? Любопытно было бы почитать...

Войдя в квартиру, он сразу двинулся в ванную. Старательно промыл рану, намазал ее зеленкой и аккуратно залепил пластырем. Там, с этим ясно. Прошлепал в комнату и полез в разошедшийся секретер, где мама хранила деньги. Разрешения сейчас спрашивать некогда, потом успеет еще. Так, триста рублей - должно хватить, по идее.

Опять захотелось пить, и Андрей сообразил, что так и не донес домой бутылку с нарзаном. Куда она делась, вспомнить не удалось. Вроде, держал в руках, а потом раз - и нету. Впрочем, на фоне всего остального цирка...

Он выпил воды из крана и снова выбрался за порог. Спустился по лестнице, выглянул из подъезда и сразу свернул за угол, чтобы не сталкиваться с зеваками, которые уже собирались вокруг издохшего 'жигуля'. Дошел до остановки кружным путем и замахал руками, останавливая маршрутку.

На привокзальной площади было шумно. 'Икарусы' дымили как паровозы, 'джихад-такси' въезжали чуть ли не на перрон, чтобы перехватить наиболее денежных пассажиров. Курортники, только что сошедшие с поезда, обменивались охреневшими взглядами. Большие часы над входом, как обычно, стояли. Андрей вошел в прохладное здание. Будем надеяться, что билеты еще остались. У нас же тут, вроде, транспортный узел - с Кавказа все транзитные на Москву через нас идут. Ладно, сейчас узнаем...

Он пробрался к кассам дальнего следования и с тоской поглядел на толпу народа, которая колыхалась перед окошками. Блин, что делать? Гаркнуть, что ли: 'А ну, расступились, гады!' И ведь расступятся, куда денутся... Или, может, к начальнику вокзала пойти? Достать там из широких штанин... то есть, тьфу, из рукава это самое... Непривычно как-то. Сам ведь терпеть не может, когда нагло лезут без очереди. Ну и что теперь - стоять как дебил?

Четыре кассы работали, на пятой были задвинуты жалюзи. Андрей остановился перед закрытым окошком, размышляя, что предпринять. А вообще, почему бы им и пятую не открыть - знают ведь, какая тут давка? Расслабились, дармоеды...

И, словно в ответ на это телепатическое послание, жалюзи приподнялись, и молоденькая кассирша уселась за столик. Потом вопросительно уставилась на Андрея. Он тоже пялился на нее, слегка опешив от неожиданности.

- Слушаю вас, - наконец сказала она.

Андрей спохватился.

- До Москвы на сегодня что-нибудь есть? Плацкарт желателен.

Она застучала по кнопкам клавиатуры, а Андрей подумал: 'Да я, блин, реально крут. Силой мысли кассиршу вызвать - это вам не деревце засушить...' За его спиной уже вырастала очередь.

- Так, - сказала девица, - на те, что из Кисловодска идут, все уже разобрали. И на 'тройку', и на 27-й... На владикавказский - тоже... И на нальчикский...

'Фак', - подумал Андрей.

- Единственное место на сегодня осталось...

- Давайте!

- ...поезд 'Назрань-Москва', 145-й. Верхняя боковая. Устроит?

- Устроит, - вздохнул Андрей.

- Отходит в 21.50, время в пути - 32 часа, прибытие на Казанский вокзал...

Сжимая в руке счастливый билет, он выбрался из толпы. Сердце стучало. Еду! Теперь уже точно - еду...

Вернувшись домой, он начал собирать сумку. А потом пришла мама, и были слезы, и уговоры, и робкие вопросы: 'А если?..' Он убеждал ее, доказывал, логически обосновывал, а потом, когда понял, что все это бесполезно, просто подвел к окну и показал на голое дерево посреди июньского зноя. Она умолкла, опустилась в мягкое кресло и закрыла лицо руками. И сидела так почти полчаса, а потом подхватила и помчалась на кухню, потому что как же он поедет голодный?..

Андрей в это время позвонил Аньке, и сказал, что ему пора. Анька охнула и спросила: 'А можно, я тебя провожу?' И он ответил: 'Конечно, можно'. Потом бродил по квартире, вспоминая, что еще нужно взять. Сунул в сумку конверт с недочитанным манускриптом, а Горючую Слезу положил в боковой карман. Мама позвала его ужинать и все подкладывала куски на тарелку, и он взмолился: 'Ну, хватит уже, в последний раз, что ли?' И осекся...

Она трамбовала ему припасы в пакет, когда раздался звонок. Андрей напрягся и, подкравшись к двери, заглянул в глазок, но это, к его удивлению, оказался Серега. Тот, помявшись, сказал: 'Ты, это, малой... Ну, вот, короче, у меня сейчас больше нету'. И сунул ему две стодолларовые бумажки.

Одеваясь, Андрей проверил, хорошо ли держится пластырь на пострадавшей левой руке, и у него возникла интересная мысль. Он кликнул на помощь маму, и она аккуратно забинтовала ему предплечье, прикрыв проклятый узор. Теперь, по крайней мере, можно майку с коротким рукавом нацепить, и попутчики не будут

прятаться с визгом. Ну, и на том спасибо, подумал он. А потом взглянул на часы и увидел, что уже без десяти девять.

Когда они с мамой выбрались из подъезда, гомон вокруг заржавленных 'жигулей' прекратился, и все обернулись, как по команде. И Андрей подумал, что если хоть одна сволочь что-нибудь скажет, то он не ручается за последствия. Но стояла мертвая тишина, и только листья под ногами слабо хрустели. А на остановке уже дожидалась Анька, держа еще один пакет со съестным...

...Они стояли возле вагона, и до отправления оставались минуты. Над вокзалом сгущались сумерки, свечи тополей торчали из-за ограды, а в небе уже повисла круглая, как копейка, луна. Щемило сердце, и было трудно дышать. Мама вытирала глаза, а глупенькая Анька ревела, так что Андрею пришлось обнять ее и погладить по короткой спортивной стрижке - как тогда, на школьном дворе. И он сказал ей: 'Не бойся, это еще не все'.

Глава 7

В Ростов приехали рано утром, без нескольких минут шесть. Стояли долго. Андрей как сомнамбула бродил по перрону, ежился и зевал во весь рот. Полюбовался витриной запертого киоска, посмотрел снаружи на свой вагон - выцветшая зеленая краска, линялые занавески, неистребимый плацкартный запах. Народу на перроне было немного - пассажиры дрыхли без задних ног, и Андрей им тихо завидовал.

Накануне он, распрощавшись с мамой и с Анькой, залез на полку и часа три ворочался с боку на бок, вспоминая события прошедшего дня. Перед ним опять вставали откормленные рожи бандитов и силуэт мурены между домами, и бесцветное известковое небо. Задремав на минуту, он опять открывал глаза, когда вагоны лязгали буферами, и бессмысленно таращился в темноту. Ему до сих пор не верилось, что все это происходит реально. Что отъезд (а точнее, бегство) из города - это уже не абстрактная перспектива, а свершившийся факт. И он уже не проснется в комнате с книжной полкой и письменным столом, скрипящим от старости, и не сможет определить время по движению солнечного луча на обоях. И не заглянет в толстую подшивку 'Техники - молодежи', которую заботливо собирал. И мячик за шкафом окончательно сдуется - если, конечно, мама не выбросит его раньше...

Пыльный райцентр с родной девятиэтажкой и школой ?4 давно растаял за горизонтом и с каждой секундой удалялся еще на десяток метров; мачты освещения вдоль путей равнодушно заглядывали в немые окна, и Андрею казалось, что

размеренный стук колес складывается в короткую фразу, которая повторяется без конца: 'Теперь один. Теперь один. Теперь один...'

А после полуночи, где-то за Армавиром, в вагоне зажегся свет, и зашли менты с автоматами. Они лениво двигались между полками и требовали предъявить документы. Андрей испугался, что сейчас обнаружится отсутствие заветного штампа, и начнется бесконечное разбирательство. Но товарищ в фуражке пролистал эту страницу, не глядя, - его интересовала только прописка. Узнав, что Андрей едет не из Назрани и вообще не из Ингушетии, мент вернул ему паспорт и пошел дальше. Зато в соседнем 'купе' (или как это называется в плацкартном вагоне?) патруль задержался минут на десять. Там сидели орлы, похожие на молодых ваххабитов, которые только что сбрили бороды и решили смотаться в отпуск. Патрульные подсади за столик и начали хитрую беседу с намеками ('В армии служили? - Нет. - Почему? - У нас там не призывают. - А в другую армию? Тоже не призывают? - В какую другую?..'). Джигиты старательно улыбались и делали вид, что намеков не понимают. Потом их вывели в тамбур. Там, очевидно, у горцев нашлись еще какие-то аргументы, потому что скоро они вернулись и, как ни в чем не бывало, растянулись на своих лавках. Лампы в вагоне снова погасли, колеса все так же мерно стучали, и Андрей, наконец, уснул на пару часов.

Проснулся в несусветную рань. Вздохнул, посмотрел в окно и сразу же увидел такое, что захватило дух. Поезд выбрался на мост через огромную реку. В исполинском зеркале отражалось ясное небо, еще не успевшее утратить прохладную синеву. Солнце едва поднялось над линией горизонта, и его свет растекался по воде расплавленным золотом.

Это был Дон...

И вот теперь - вокзал Ростов-главный, время стоянки - 57 минут.

Андрей взглянул на часы, но минутная стрелка словно примерзла к месту. 'Тебе-то куда торопиться, дурень?' - спросил он сам себя и не нашел ответа. Но лучше уж ехать в полную неизвестность, чем тупо стоять на чужом вокзале.

Из поезда вылез тщедушный дядя с вислыми усами и помятым лицом, похожий на казака-недомерка. Он тащил огромную сумку, слегка шатался под ее тяжестью и обводил окрестности мутным взглядом. Андрей, присмотревшись, узнал соседа, который занимал полку прямо под ним. Когда Андрей вчера поднялся в вагон, мужик уже спал богатырским сном, источая водочный запах. Ага, значит, он до Ростова ехал, а не до конечной? Ну и прекрасно, нехай гуляет - теперь внизу можно

раздвинуть столик и посидеть как цивилизованный человек. Лишь бы на место 'казака' никто не пришел.

Андрею вдруг захотелось есть - резко, в один момент, как собаке Павлова, до которой донесся звон колокольчика. Он шагнул в тамбур и пошел по вагону, стараясь не задевать головой свисающие конечности. Ну-ка, что тут у нас? Мама, конечно, сунула курицу - а чего еще ожидать от сотрудницы ООО 'Гребешок'? Даже в фольгу завернула - классика. Молодая картошка с маслом в стеклянной банке, огурцы, два желтых яблока, хлеб - аж полбатона порезала. Так, а Анька что положила? Яйца вареные, пирожки... Сама пекла, что ли? Когда успела? Хотя нет, она говорила - бабушка. Да уж, старушка не мелочилась - каждый пирожок размером с лапоть, если не больше. С капустой, вроде бы, и с повидлом. Блин, куда ему столько? Поделиться с кем-нибудь, что ли?

Андрей оглядел соседей. На ближайших полках все еще спали. Дальше сидели хмурые дети гор. Не, ну их нафиг, к ним не пойду - а то не понравится, рассердятся и зарежут. Кто еще? Вон тетка, вроде, проснулась - поперек себя шире. У нее, наверно, своей еды до хрена. Ну и ладно, подумал Андрей с чувством выполненного долга. Сам буду жрать, как Мальчиш-Плохиш...

- Поезд номер 145 'Назрань-Москва' отправляется со второго пути от второй платформы, - объявила дикторша по вокзалу.

Рельсы блестели. Солнце еще не жгло, но небо заранее побледнело в предчувствии температурных рекордов. Город пробуждался от спячки. На переезде стоял автобус, а следом - мусоровоз. Наблюдая эти красоты, Андрей расправлялся с курицей и хрустел огурцами. Гора костей перед ним росла, как перед каким-нибудь Чингисханом. Наконец, крылатое чудище было побеждено, и Андрей облегченно перевел дух. Посидел еще минут десять, собрал объедки и отнес их в мусорный ящик. Дождался, пока проводница отопрет туалет, вымыл руки, умылся - и вдруг почувствовал, что его неодолимо тянет ко сну. Ну, еще бы - ночью глаз почти не сомкнул. Организм выражает недоумение...

Андрей забрался на полку и отрубился.

Проснулся, когда уже проехали Кантемировку - специально проверил по расписанию. Сходил, набрал кипятку и попросил у проводницы пакетик чая. Сел за столик лицом по ходу движения и долго смотрел на северо-запад, где торчала башня-скелет. Она до сих пор не приблизилась ни на йоту, хотя поезд прошел уже полпути до Москвы. Маяк для бездомных оборотней...

Андрей вздохнул и прислушался к разговорам. В 'купе', которое было наискосок, уже успели поддать, и голоса зазвучали

громче:

- Не, хохлов уже хрен догонишь. Я тебе говорю!.. Сам считай, у них пятнадцать очков, а у нас двенадцать. Чё, в Москве, типа, их порвем? Ага, конечно. А если Шева разыграется, то, считай, нам вообще трындец...

- Он в этом году за сборную, вроде, не забивал.

- Ага, блин - для нас бережет, наверно...

А прямо рядом с Андреем седенький старичок в помятой рубашке, прижимая руки к груди, объяснял молодой попутчице:

- У вас такое русское лицо! Такое чистое, непорочное! Хочется смотреть и смотреть! Так редко можно встретить настоящую русскую женщину! Вы знаете, при взгляде на вас у меня рождаются строчки...

И прочел коряво зарифмованное творение, в котором обозвал девицу 'наядой'. По его понятиям это было, наверно, нечто образцово-славянское. Девушка смотрела с сомнением. Волосы у старичка были редкие, зато взгляд - одухотворенный, аж дальше некуда. Узор на руке - зеленый, точнее бледно-салатный без всяких примесей. Настоящий интеллигент, короче, не ошибешься.

А что, подумал Андрей, может и мне поэтом заделаться? Барышни будут штабелями ложиться. Оборотень я, в конце концов, или кто?..

Предплечье с готовностью зачесалось. Андрей осторожно приподнял краешек бинта и увидел, что 'татуировка' явно позеленела. Цвет был, правда, не изумрудный и даже не малахитовый, но все же погуще, чем у дедули. Ха! Это, пожалуй, получилось впервые - чтобы узор перекрасился не спонтанно, а по его желанию. Значит, уже удастся потихонечку управлять? Хотелось бы на это надеяться...

Ладно, настало время для поэтических упражнений. Технически он готов. Как там у коллеги по цеху: 'Минута - и стихи свободно потекут...' Андрей сделал возвышенное лицо, посидел минуту, две, три, но ничего не происходило.

Может, как-то иначе надо? С чего начинать вообще? Андрей почесал затылок. Откуда-то всплыла фраза: 'Сюжеты рождаются из темы. Я изучаю жизнь'. Кто сказал? Неважно, звучит логично. Что у нас в жизни в данный момент? Андрей опять посмотрел в окно. Там была проселочная дорога и невзрачные домики с облупленными деревянными ставнями. По дороге пылила грузовая 'газель'. Вдоль путей стояли унылые тополя, и ветер швырнул в окно несколько белых хлопьев. Что-то поздновато они, с сомнением подумал Андрей. У нас этот пух еще в конце мая весь облетел. Или в начале июня. Впрочем, здесь все-таки холоднее, чем на Кавказе. А может, попался такой неправильный

тополь...

Ну, делать нечего - что вижу, то и пою. Хлопья, значит, летят навстречу. Угу. Вообще-то, 'хлопья' - слишком красиво сказано. Клочки - это в лучшем случае. 'Навстречу составу летели клочки...' М-да. Чего-то, кажется, не хватает. Может, метафоры? На что эта хрень похожа? На снег, пожалуй. 'Навстречу составу летели, как снег, клочки тополиного пуха'. О, гениально! Уж, во всяком случае, не хуже 'наяды'.

Так, теперь нужен глубокий смысл. Чтобы от частного воспарить к глобальным проблемам. Какая нынче главная глобальная тема? Миллениум - круче, наверное, не придумаешь. Ладно, почему бы и нет. Итак, погнали:

*Навстречу составу летели, как снег,
клочки тополиного пуха.*

*Я думал о том, что кончается век,
и слушал соседей вполуха.*

Ай да Пушкин, ай да сукин сын! Андрей щелкнул пальцами и самодовольно хмыкнул. Мысленно продекламировал еще раз и решил, что надо продолжать в том же духе. Снова оглядел окружающие ландшафты. Овражек, чахлая рощица, извилистая речушка. Не Дон, конечно, но все-таки. Нормально, все пригодится...

Голоса за спиной стали заметно громче. Один из футбольных экспертов поднялся и, пошатываясь, пошел по проходу. 'Штук пять бери! 'Балтику', лучше тройку!' - крикнули ему вслед. Ага, подумал Андрей, отлично:

*Не глядя в окно на излучины рек,
овраги, поля и обрывы,
соседи, забыв, что кончается век,
послали кого-то за пивом.*

Пока он подбирал рифмы и втискивал их в размер, посланец вернулся со звенящим пакетом. Еще он притащил жареную рыбу самого плебейского вида. Определять сорта на глаз Андрей не умел, но, вспомнив обычный ассортимент общепита, решил, что художественное допущение будет вполне уместно: 'В меню у соседей, как водится, хек...' Ну, и каким боком этот кулинарный шедевр теперь привязать к миллениуму?

*В меню у соседей, как водится, хек,
который до собственной смерти
не ведал о том, что кончается век,
отрезок людской круговерти.*

Да уж, скептически подумал Андрей, пытаюсь представить 'отрезок круговерти' в строгом геометрическом смысле. Фигня какая-то получилась, скажем со всей писательской прямоотой.

Скрестил ежа и ужа. Нет, это четверостишие вычеркиваем. И вообще, костер высокого вдохновения уже того... шипит и стремительно угасает.

Андрей приподнял повязку. Узор совсем побледнел и почти вернулся в нейтральное состояние. Ну, что поделать, Некрасова из него не вышло. И Абая Кунанбаева тоже. Страшная вещь - искусство, даже мерцающий обломался...

На станции Евдаково задержались всего минуты на две, и выходить на улицу Андрей поленился. Хотя кое-кто из соседей успел метнуться и закупить еды у местных бабулек, которые атаквали состав как партизаны - колчаковский бронепоезд. Разносолов не наблюдалось, в основном предлагали вареную картошку с укропом. В общем, станция была небогатая. Архитектура тоже не поражала воображение - жемчужиной ансамбля был одноэтажный домик, где находилась касса.

Тем удивительнее смотрелось появление новой пассажирки в вагоне. Она вошла за секунду до отправления и остановилась в проходе. На ней была короткая юбка, туфли на каблуке, а из багажа - небольшая дамская сумочка. Среди плацкартных матрасов незнакомка смотрелась довольно дико - примерно как любовница олигарха, которая вдруг решила проехаться на трамвае. Мужики, сидящие в трениках вдоль прохода, пялились на нее, открыв рот. Барышня прошла мимо них, морщась от специфических ароматов, и остановилась возле Андрея.

- Это сорок первое место? - вежливо спросила она.

- Д-да, - пробормотал Андрей. - Да, наверно. Я на верхнем, сорок втором, а нижнее - сорок первое.

- Вы разрешите?

- Пожалуйста...

Незнакомка села вполоборота к нему, оперлась локтем о столик и эффектно скрестила ноги. У нее было запоминающееся лицо - высокие скулы, чувственный рот и миндалевидные глаза зеленого цвета. Узор на руке не виден - несмотря на жару, девушка была в темной блузке с длинными рукавами.

Старичок на соседней лавке замер, забыв про свою наяду. Судя по отрешенному взору, новые строчки генерировались в рекордных количествах. Андрей молчал, не зная, что говорить. Ценители футбола и пива сориентировались быстрее. Один из них - невысокий крепыш в застиранной майке - подошел, картинно оперся руками на две верхние полки и сообщил:

- Девушка, вы очень красивая! Не хотите к нам присоединиться?

Барышня подняла на него глаза и несколько секунд разглядывала, как редкое насекомое. Потом спокойно сказала:

- Нах...!

Глаза у парня вылезли из орбит. Показалось, что сейчас он ее ударит, и Андрей панически пытался сообразить, как можно этому помешать. Но секунды тянулись, а крепыш ничего не предпринимал. Потом вдруг икнул и пробормотал:

- Извините...

И поплелся на свое место. Дамочка проводила его глазами и мило улыбнулась стариčku-стихотворцу. Тот испуганно отодвинулся - в его представлениях о женской природе происходил, похоже, парадигматический сдвиг. Да и другие пассажиры начали отворачиваться, словно разом утратили интерес к таинственной незнакомке. Барышня достала из сумки зеркальце и придиричиво осмотрела себя, как будто предыдущее общение с народом могло подпортить ее безупречную внешность. Потом светским тоном осведомилась:

- Ну что ж, Андрей, давайте поговорим?

- Давайте...

И только потом до него дошло, что она обратилась к нему по имени. Сердце екнуло, а под бинтом возник неприятный зуд. Можно было поспорить - узор стремительно наливается красным.

- Откуда вы меня знаете?

- Ну, Андрей, вы теперь достаточно известная личность. Впрочем, если это так интересно, то мне о вас рассказала одна коллега. Она вас недавно видела... гм... ну, скажем, по телевизору.

Он моментально вспомнил черноликую ведьму, которая вчера изучала его с экрана. Кстати, та похожа на эту - не чертами лица, а чем-то другим. Выражением глаз, наверно...

- Что вы хотите?

- Мне кажется, у вас по отношению к нам возникло предубеждение. Причем, совершенно безосновательно...

- Извините, - сказал Андрей, - но у меня по отношению к вам ничего еще не возникло. Я не знаю, кто вы, и что вам нужно. И вообще, я только школу закончил. У меня неокрепшая подростковая психика. Меня нужно холить, оберегать и лелеять, а не пугать шаманскими плясками...

Она усмехнулась.

- Не прибедайтесь. Впрочем, намек понятен. Ну, что ж, давайте сформулируем так: мы - это те, кого интересует природа времени.

- Исчерпывающе, - буркнул Андрей. - Она, вообще-то, многих интересует.

- Да, но не все ее понимают. Кроме того, наш интерес сугубо практический. Прикладной, если угодно.

- Серьезно? Может, поделитесь? В доступных терминах, так сказать, в научно-популярном-ключе...

- Пожалуйста. Представьте, что вы едете в поезде...

- Очень сложно представить, - сказал Андрей.

- Ценю ваш юмор, - сказала ведьма. - Так я продолжу?

- Прошу прощения.

- Если на повороте вы посмотрите назад из окна, то увидите хвост состава. А еще дальше - рельсовый путь, по которому поезд уже проехал. Это прошлое, оно неизменно. Те участки, что ближе к нам, можно рассмотреть хорошо. А те, что дальше - уже почти что неразличимы; они теряются в серой дымке, которую обычно называют историей. Это понятно?

- Вполне, - пожал плечами Андрей. - Не такая уж свежая аналогия. Америку вы для меня не открыли. А если посмотреть из окна вперед по ходу движения, то, значит, увидим будущее?

- Теоретически - да. Но существует одна проблема. Рельсы впереди еще не уложены. Будущее еще не возникло.

- И как же поезд идет без рельсов?

- Будущее формируется непрерывно. То есть, в рамках нашей метафоры, перед электровозом движется путеукладочный кран.

- Ну, предположим. И что из этого следует?

- Итак, мы знаем, что прошлое уже не изменишь. А вот с будущим есть разные варианты. Можно уложить совершенно прямые рельсы и ехать, соответственно, прямо. А можно уложить закругленные - и скорый поезд под названием 'Российская Федерация' начнет сворачивать в сторону. Поэтому представьте, что каждый день водитель путеукладчика получает конверт с печатью. В конверте - новое техзадание. Там указано, какие

рельсы использовать. То есть, намечен ближайший курс.

- И кто его выбирает?

- А вот здесь начинается самое интересное. Машинист электровоза, вероятно, считает себя самым главным человеком на поезде. Этот седовласый мужчина, дирижирующий на досуге оркестром, действительно имеет особые полномочия. Например, он может гудеть. Ну, в смысле, подать гудок - очень громкий, такой, что все в округе вздрогнут от неожиданности. Или, например, он может резко нажать на тормоз, и пассажиры попадают друг на друга. Но курс определяет не машинист - из его кабины вообще ничего не видно, кроме путеукладчика. Так что, инструкции отправляет не он.

- А кто же? - спросил Андрей.

- Ну, на этот счет существуют разные мнения. Скажем, сторонники теории заговора пытаются доказать, что инструкции приходят с другого поезда. С конкурирующего маршрута. И, дескать, именно поэтому наш экспресс вот-вот упрется в тупик.

- А на самом деле?

- Это сложный философский вопрос, - она кокетливо улыбнулась. - Но почему бы не допустить, что и в наших вагонах есть достаточно разумные люди, способные выбрать правильный курс?

- То есть, мы сейчас... э-э-э... катимся в правильном направлении? Ну, спасибо, что успокоили. А то, знаете, смутные сомнения иногда возникали...

- А вы, значит, хорошо в этом разбираетесь? - она слегка подалась вперед, и глаза ее хищно сузились. - Ваш колоссальный жизненный опыт позволяет вам судить в масштабах страны?

- Ну... - Андрей немного смутился.

- Вам в эти годы плохо жилось? Лично вам, Сорокину Андрею Сергеевичу? Вы стояли на паперти? Пахали с утра до вечера? Теряли здоровье на рудниках? Нет, Андрей. Вы гоняли мяч, смотрели кино и - ах да, едва не забыла - ходили в школу. Ходили, да - но не для того, чтобы усваивать знания, а чтобы трепаться с друзьями на переменах и заигрывать с одноклассниками. Так, может, не стоит рассуждать о вещах, которые лежат за пределами вашего понимания?

- А может, обойдемся без лекций? - он почувствовал злость. - Да, мне пока похвастаться нечем, но я, вроде, и не лезу на ведущие роли. И, в отличие от вас, не претендую на то, чтобы, сидя в вагоне, отдавать указания машинисту. Почему вы, собственно, так уверены, что видите намного больше, чем он?

- Так ведь, Андрей Сергеевич, - она расслаблено откинулась на сиденье, - все зависит от того, как смотреть. Можно, например,

из окошка высунуться - и уже будет видно гораздо лучше. А можно и не высовываться, просто внимательно приглядеться - и, я вас уверяю, иногда такие чудеса открываются...

Он достала из сумочки тонкую сигарету, спокойно прикурила и выпустила струю пахучего дыма. Никто из соседей даже не повернул головы. Мимо с каменным лицом прошла проводница и тоже ничего не сказала.

- Все это звучит круто, - сказал Андрей, - но, если честно, намеки мне уже надоели. Ничего необычного я за окном не вижу.

- Ну что ж, давайте посмотрим вместе.

Поезд замедлил ход. Андрей взглянул на часы и припомнил график движения, который от скуки выучил чуть ли не наизусть. Никаких остановок в это время предусмотрено не было. До станции Лиски ехать еще, как минимум, полчаса. И, тем не менее, состав аккуратно затормозил и теперь торчал на заброшенном полустанке. Здесь не было ни перрона, ни будочек, ни других подобных сооружений - только запасная колея, заросшая бурьяном. И на этой колее стоял еще один поезд. Серый вагон, торчавший прямо напротив, был похож на рефрижератор. Сексапильная ведьма бросила окурков на пол и небрежно поинтересовалась:

- Скажите, Андрей, вам что-нибудь говорит аббревиатура БЖРК?

Он хотел сказать 'нет', но в голове вдруг начали всплывать фрагменты воспоминаний. Впрочем, 'воспоминания' - не самое подходящее слово: Андрей был уверен, что раньше ни о чем подобном не слышал. Это его 'паутина', набухшая под бинтом, каким-то образом гнала в мозг необходимую информацию. Теперь он ясно видел, что соседний состав выглядит все-таки не вполне заурядно. Хотя бы из-за того, что спереди прицеплены сразу три тепловоза...

- БЖРК, - повторил он. - Боевой железнодорожный ракетный комплекс. Да ладно, откуда он здесь, южнее Воронежа? Им же, вроде, по стране уже не разрешают кататься? Держат на постоянных базах - в Перми, в Красноярске и, кажется, еще в Костроме. Ну, и правильно, там одна ракета - больше ста тонн, не считая прочей аппаратуры. Такой вагончик обычную колею, наверно, раздавит нафиг...

- Ну, я же вам обещала - чудеса иногда случаются. Чего не сделаешь, чтобы произвести достойное впечатление...

Она потянулась, как домашняя кошка, и Андрею показалось, что тонкая блузка сейчас порвется, обнажив высокую грудь.

- Она выдержит, - успокоила его ведьма.

- Что, простите?.. - Андрей испугался, что она прочла его

мысли.

- Я говорю, колея должна выдержать. А если и развалится - восстановят. В первый раз, что ли? В общем, вас это не должно волновать. Ну что, я вас убедила?

- Пожалуй, - сказал Андрей. - Только я не понял, к чему эти... гм... масштабные демонстрации? Неужели все ради меня одного? Как-то несколько непривычно...

- А вы привыкайте, - сказала она, уставившись ему прямо в глаза. - Вы ведь теперь фигура. И, помимо собственно воли, можете повлиять на безопасность нашего поезда. Не только этого, в котором мы сейчас страдаем от духоты, но и, так сказать, в фигуральном смысле.

- Не понял.

- Ну, вот представьте себе картину. Пассажир в плацкартном вагоне лезет в свой чемодан и вдруг находит там автомат. Да еще и с подствольным гранатометом. Откуда он там взялся - неважно. Может, враги подбросили. Но теперь в вагоне среди обычных людей сидит один с боевым оружием. Это ведь потенциально опасно, вы не находите? Пусть даже в данный момент стрелять никто не желает. А ведь ваши, Андрей, нынешние способности - это штука посильнее подствольника.

- И что вы мне предлагаете?

- Вот скажите, зачем вам ехать в Москву? Там довольно нервная обстановка, все застыло в неустойчивом равновесии. До думских выборов меньше полугода осталось, а там и до президентских недалеко. Все на взводе, бросают друг на друга косые взгляды, чуть что - готовы в горло вцепиться. В этом гадючнике только мерцающих не хватало. Представляете гремучую смесь? Может так рвануть, что осколков не соберешь.

- Во-первых, я не в Москву еду, а в Эксклав. Через Москву - транзитом...

- А вдруг осмотритесь и решите задержаться подольше? Да и в Эксклаве, знаете, ситуация беспокойная. Еще один нервный центр. Оно вам надо?

- А что мне делать? Дома я не мог оставаться.

- Я понимаю, Андрей, - это прозвучало неожиданно мягко. - Поверьте, я вам от души сочувствую. Но вы же умный человек и сами наверняка осознали, что пока не можете контролировать свои способности в должной мере. Вспомните 'жигули' во дворе. Кстати, один из тех, кто сидел в машине, после общения с вами испытал настолько глубокий шок, что его психика претерпела необратимые изменения. Проще говоря, молодой человек превратился в овощ...

- Он был бандит! Он все там были бандиты...

- Он убил кого-нибудь? Изнасиловал? Нанес тяжкие телесные повреждения? Нет, он был просто накачанным дураком. Но вы сочли, что это достаточная причина. Вы ведь мерцающий, а значит, теперь имеете право распоряжаться чужими жизнями?

Андрей угрюмо сопел. Повисла долгая пауза. Потом она заглянула ему в глаза и погладила по руке.

- Андрей, вам надо многому научиться. Чтобы из-за вас не страдали люди. И это вполне решаемая задача! Просто вам нужна помощь. В одиночку с этим не справиться. Андрей, позвольте мне вам помочь!

- Что конкретно я должен сделать? - спросил он, чувствуя, как наваливается усталость. Не хотелось больше участвовать в многозначительных разговорах. Хотелось прилечь и закрыть глаза.

- Да ничего и делать не надо. Просто сейчас мы с вами выйдем из этого прокуренного вагона, - она поморщилась, отгоняя дым, который сама же и напустила, - и поедem в другое место, где вы сможете отдохнуть...

- С метровыми железными стенами? - криво усмехнулся Андрей.

- Ну, что вы, за кого вы нас принимаете? Красивый загородный поселок. Озеро рядом, лес. Никакого ограничения вашей личной свободы. Приглашайте, кого хотите! Ане, например, там очень понравится, я уверена...

Она улыбнулась и заговорщицки подмигнула.

- ...да и другие вам будут рады, не сомневайтесь.

Андрей машинально улыбнулся в ответ, но в следующую секунду предплечье пронзила резкая боль, в глазах потемнело, а в висках застучало - словно кто-то телеграфным ключом отбивал короткое слово: 'Врет! Врет! Врет! Врет!..'

- Что с вами? - с беспокойством спросила ведьма.

- Ничего... - сказал Андрей. - Просто устал немного. Ваше предложение я понял, спасибо. А если я откажусь?

Она вздохнула и какое-то время сидела молча. А потом он увидел, как из-под воротника ее блузки выползают черные нити. Они ветвились и разбегались по коже, как будто сумасшедший географ рисовал чернильные реки на белой контурной карте.

- Давайте не будем спешить, Андрей. Подумайте хорошенько...

- Я уже подумал, - сказал он тихо. Предплечье под повязкой горело.

- Тогда... Ну что ж, вы сегодня уже видели чудеса. А что такое, в сущности, чудо? Событие, которое до сих пор считалось невероятным. Какова, например, вероятность того, что в

надежнейшей системе РВСН произойдет технический сбой? Скажем так, несанкционированный запуск? И МБР с десятью боевыми блоками (у которой, если верить нашим политикам, даже полетное задание сняли) вдруг повернет на юг - туда, где среди полей и холмов приткнулся тихий райцентр? Вы говорите, вероятность близка к нулю? Ну что ж, возможно, вы правы. Но давайте все-таки глянем...

И она кивнула на соседний состав.

Может, Андрею помогало воображение, а может, он и правда видел сквозь стену, как офицеры за пультом вздрогнули, когда прерывистый визгливый сигнал известил о том, что ракета пробудилась от спячки.

...Они лихорадочно озираются, пытаюсь понять, как могла пройти команда на пуск, хотя никто не вставил стартовый ключ в гнездо, а само гнездо аккуратно прикрыто крышкой. А на БОДах, на этих маленьких зеленых дисплеях, которые даже в колхозной школе показались бы несусветным старьем, появляется короткое сочетание букв, ничего не говорящее обычному человеку, но несущее жуткий смысл для дежурной смены...

БР.

Боевой режим.

В сером вагоне медленно откинулась крыша, и Андрей по достоинству оценил чувство юмора советских военных, присвоивших комплексу идиотское прозвище 'Молодец' - ракета, которая сейчас поднималась в вертикальное положение, напоминала встающий член.

Он уже знал, что будет через секунду.

Сработает пороховой аккумулятор давления, и ракета как джинн, просидевший тысячу лет в бутылке, радостно выпрыгнет из контейнера. И носовой обтекатель послушно сложится в конус. И, поднявшись на двадцать метров, стотонная туша слегка накренится в сторону, чтобы струя ревающего пламени не подожгла вагон. А потом включится маршевый двигатель, и эта трехступенчатая хреновина, наспигованная ядерной смертью, уйдет в голубое небо...

И от страха его сознание сдвинулось.

Впрочем, как успел подумать Андрей, если что-то происходит дважды за неполные сутки, то это уже становится нормой.

Свет потускнел, и мир вокруг превратился в объемную черно-белую фотографию. Люди застыли как нелепые статуи, а сигаретный дым неподвижно повис в проходе. Звуки почти исчезли, только в недрах вагона послышался глухой неприятный скрип - как будто металлическая конструкция застонала от боли. В составе на запасной колее вагоны меняли цвет, на глазах

покрываясь ржавчиной. Ведьма сидела, вцепившись руками в столик и немного наклонив голову, - словно прислушивалась к чему-то.

- Я так полагаю, - сказал Андрей, - что ракету пускать не надо. Может, на сегодня закончим?

Ведьма пошевелилась и подняла на него глаза. Потом растянула губы и жутковатой гримасе и отдельно произнесла:

- Не спеши.

Что-то вонзилось в крышу, как будто снаружи решили вскрыть консервную банку. Огромный кусок железа оторвался, как лист картона, и в проем проскользнуло черное тело. Оно было сплетено из толстых жгутов - словно ведьмы, собрав разбухшие чернильные нити, смастерили себе игрушку. Существо распласталось у самого пола; конечности неестественно изогнулись, уцепившись за ближайшие лавки. В этой позе тварь была похожа на ящерку, но размером со взрослого человека. Она уставилась на Андрея, хотя не имела глаз, а потом метнулась вперед.

Он успел перехватить передние лапы, но перегородка за его спиной хрустнула, словно гнилое дерево, и Андрей вместе с тварью повалился на соседнюю лавку. Та, по счастью, была пуста - наверно, хозяин очень удачно вышел покурить в тамбур.

Черные жгуты, удлиняясь, тянулись к горлу Андрея. Тварь изменяла форму, оплетая его и сковывая движения. Один из жгутов разорвал повязку, но тут же отдернулся, словно обжегшись о горящий красный узор. 'Что, сука, не нравится?' - мельком подумал Андрей. Левая рука его, ставшая вдруг тверже металла, легко погрузилась в гибкое чернильное тело - примерно в то место, где располагалось бы сердце, если бы противник был человеком. Тварь завизжала, хотя этот визг Андрей не услышал, а почувствовал кожей. Схватив существо покрепче, он изо всех сил шмякнул его о стенку вагона. Стена рассыпалась в облаке ржавых хлопьев, и 'ящерка' вылетела наружу.

Но это было только начало. Через дыры в крыше и через разбитые окна лезли новые плетеные твари - всего, наверно, штук семь. И еще он в этот момент заметил, что люди из вагона исчезли - точнее, превратились в зыбкие тени, которые таяли одна за другой. Но сейчас некогда было думать, что это означает, - Андрей едва успел развернуться, чтобы перехватить в прыжке очередную 'плетенку'. Чувствуя, как его переполняет дурная сила, он буквально разорвал чернильную тварь, но со спины набросилась новая, а еще одна свалилась прямо на голову.

Они катались по полу безумным клубком, сшибая перегородки. Вагон качнулся и резко просел на землю - видимо,

рассыпались проржавевшие колесные пары.

Вдалеке послышался вой.

Ящерицы замерли, и Андрей, воспользовавшись моментом, вскочил на ноги.

В полутьме за окном мелькнул оранжевый огонек, а потом сквозь стену в вагон вломилась мурина.

Плетеные твари буквально осатанели и, забыв про Андрея, бросились на новую цель. Мурена, извернувшись, пригвоздила двоих хвостом, а еще одну перекусила напополам. При этом она настойчиво продвигалась к Андрею.

Он отступил назад и, заметив среди обломков свою дорожную сумку, инстинктивно схватил ее. Ведьма уже исчезла. Андрей бросился к ближайшему проему в стене и вывалился наружу. Споткнулся, упал на мертвую землю без единой травинки, но быстро вскочил, отбежал на два десятка шагов и посмотрел назад.

Поезд 'Назрань-Москва' превращался в прах. Он разваливался под собственной тяжестью, и ржавая пыль поднималась к тусклому небу, навстречу сухим снежинкам. В грязном облаке на месте вагона, откуда вылез Андрей, продолжалось тяжелое шевеление, но деталей было не разобрать.

Андрей обернулся к БЖРК. Ракета в пусковом контейнере, стоящая вертикально, мягко подломилась и рухнула.

Он огляделся в поисках чего-нибудь острого, но ничего подходящего не увидел.

Тогда он поднес предплечье к лицу и впился в узор зубами.

Вспышка перед глазами...

Запах пепла и ржавчины.

Очень долго он лежал на спине, глядя в синее небо. Потом, наконец, поднялся. Мертвая земля простиралась на сотни метров вокруг, но за ее границей виднелась сочная зелень. Андрей вздохнул и начал прикидывать, как выйти к автомобильной дороге.

Глава 8

В туалете на Павелецком вокзале он неторопливо умылся и долго разглядывал себя в зеркало. Ночная гонка по М4 выдалась утомительной. Водила, который подобрал его в районе Воронежа, всю дорогу рассказывал о своих сексуальных подвигах, которые начались чуть ли не в старшей группе детского сада. По сравнению с этим героическим эпосом 'Камасутра' выглядела невинной, как пионерский журнал 'Мурзилка'. К концу поездки уши у Андрея свернулись в трубочку, и, когда впереди показались московские новостройки, он едва не заорал от восторга.

Половой гигант высадил его на Каширке. Метро только что

открылось, и Андрей по зеленой ветке доехал до Павелецкой. Надо было передохнуть и пораскинуть мозгами.

Он сам удивлялся собственному спокойствию. Только что при его активном участии два поезда рассыпались в пыль, а пассажиры исчезли неизвестно куда. Ладно, во время бойни рефлексировать было некогда, но ведь прошло уже много времени, а откат почему-то так и не наступил. Страх, беспокойство - да, но не истерика и не паника. Видимо, проклятое клеймо на руке действительно изменило его натуру. Насильно удержало психику в равновесии. Ну, что ж, остается логически размышлять...

Как можно попасть в Эксклав? Чекист говорил, что только с контрабандистами. Вопрос в том, как их вообще найти. Ничего путного Андрей пока не придумал. Самая глубокая мысль, пришедшая ему в голову, сводилась к тому, что искать надо в западной части города. По логике, именно оттуда удобнее всего отправляться: Эксклав расположен к западу от Москвы, примерно на одной широте. Кстати, башня, служившая маяком, хоть и не стала ближе, торчала теперь точно в том направлении. Гигантский скелет неожиданно ловко вписался в ряды столичных многоэтажек и, при желании, мог бы сойти за творение скульптора Цинандали.

И еще одна вещь сбивала Андрея с толку - обстановка на вокзале была подозрительно безмятежной. А ведь не каждый день люди сотнями испаряются из вагонов (подумав об этом в очередной раз, Андрей скривился и постарался убедить себя, что это была всего лишь телепортация - ну, мало ли, перенеслись куда-нибудь в безопасное место...) Главный железнодорожный путь, ведущий на юг, завален обломками. А если еще учесть, что на запасной колее был не просто поезд, а настоящий БЖРК, то это вообще песец, чрезвычайное положение. Менты должны на каждом углу торчать, шмоная встречных и поперечных. А все вокзалы должны быть забиты охреневшими пассажирами, чьи поезда вчера отменили...

Но нет, ничего подобного - в зале ожидания никакого ажиотажа, а менты, которых не так уж много, лениво бродят по прохладному вестибюлю.

И как это понимать?

Может, всю эту хрень решили намертво засекретить? Чтобы народ не пугать? А поезда пустили кружным путем...

Нет, все равно не сходится - такое скрыть не удастся. Паника бы началась в любом случае.

Стоп, подумал Андрей, а зачем гадать? Купить газету - и многое станет ясно. Вся эта фигня произошла вчера днем - а

значит, если отсутствует гриф секретности, статью накатать успели. И не одну, скорее всего.

Киоск только что открылся, и продавщица раскладывала товар.

- 'Коммерсант' сегодняшний есть? - спросил Андрей, нашарив в кармане мелочь.

Она просунула газету в окошко. Бумага была прохладной и гладкой, типографский запах приятно щекотал ноздри. Какая-то деталь царапнула взгляд, и Андрей не сразу понял, в чем дело. А когда до него, наконец, дошло, едва не уронил свою покупку на пол.

Дата!

Вторник, 10 августа 1999 года.

А на поезде он ехал в последний день июня. Нехило...

Упражнения с растянутым временем, похоже, не прошли даром. Полтора месяца - как с куста. Так вот почему на вокзале сейчас так тихо! ЧП уже подзабылось, жизнь вошла в привычное русло. Дорога давно открыта, усиленные наряды никого не поймали. Так что он, можно сказать, удачно перескочил...

Удачно?!

Дебил, надо маме срочно звонить! Это для него крушение вчера было, а для нее - шесть недель назад. И остатки поезда наверняка по телевизору показали. Что она подумала? Блин...

Где у них узел связи?!

...Выйдя из телефонной кабинки, Андрей минут десять стоял и бессмысленно озирался. Кажется, к концу разговора мама уже немного пришла в себя - во всяком случае, почти перестала плакать. И даже пообещала, что если он опять надолго исчезнет, она уже не будет так реагировать. Короче, словами такие беседы не передать...

Телевизионные репортажи в первые дни напугали маму до полусмерти, но потом они же подарили надежду. Оказывается, через какое-то время пропавшие люди начали возвращаться. Поодионочке и группами они появлялись между Воронежем и Москвой - напуганные, растерянные, не понимающие, что с ними произошло. Только что они сидели в вагоне - и вдруг оказались в чистом поле, в лесу или на улице незнакомого города. Особенно офигели несколько пассажиров СВ, которые десантировались на Люберецкие поля аэрации.

Проще всего оказалось тем, кто привык держать деньги и документы в карманах. Им, по крайней мере, нетрудно было подтвердить свою личность. Остальным в этом смысле повезло меньше. Жители деревень по маршруту исчезнувшего состава рассказывали, как в дома стучались полуголые люди с круглыми

от испуга глазами. Спешно созданная комиссия сбилась с ног, составляя списки 'воронежских потеряшек', как их прозвали особо циничные журналисты. Власти пообещали пострадавшим выплатить компенсацию, и уже появились первые самозванцы - они заявляли, что тоже ехали в поезде, хотя билетов на них никто не выписывал. А парочка наиболее продвинутых пассажиров пообещала засудить МПС, выкатив иски с шестью, а то и с семью нулями. В общем, драма, как это периодически бывает в России, постепенно превращалась в бардак. Но главное, что люди остались живы, и мама каждый день прилипала к телеэкрану, ожидая, что вот-вот появится и Андрей. И Анька звонила, спрашивала...

Несколько ошалев от всех этих новостей, он купил в киоске баночку кока-колы и, не поморщившись, выдул ее почти единым глотком. Когда в голове слегка прояснилось, Андрей сообразил, что все еще держит в руках газету. Ну что ж, теперь можно и почитать.

Он поискал, где можно присесть. В зале ожидания нашлось свободное место - возле толстой тетки, которая дремала вполглаза, периодически вскидываясь и ощупывая безразмерные сумки. Дальше галдела компания молодежи в шортах и с рюкзаками. Наверно студенты в поход собрались. Или только что из похода - все загорелые, спортивные, аж противно. Рядом с ними дремал мужик с пропитым лицом. Багажа у него, вроде, не наблюдалось, и вообще было не похоже, чтобы он собирался куда-то ехать - скорее, просто ночевал на вокзале. Мимо ходили люди, подошвы шаркали по грязному полу, сумки с колесами скрипели на поворотах. Кто-то периодически ржал. Дикторша монотонно бубнила: 'Нумерация вагонов с головы поезда...' Вокзал жил обычной жизнью, и всем было наплевать, что рядом бродит мерцающий...

Зато газетчики должны ему цистерну коньяка подогнать, подумал Андрей, наконец-то развернув 'Коммерсант'. Таковую сенсацию обеспечил - до сих пор центральная тема. Вот, пожалуйста, на первой полосе, крупным шрифтом: 'Поезд-призрак переехал директора ФСБ'. Впечатленный этой метафорой, он начал читать статью:

'Вчера президент России Борис Ельцин отправил в отставку директора Федеральной службы безопасности...'

Да уж, попал мужик под раздачу:

'Официальная причина отставки - отсутствие прогресса в расследовании инцидента южнее станции Лиски...'

На фотографии невысокий чекист стоял перед гневным Ельциным, упрямо сжимая губы. Андрей ему посочувствовал.

Ведь, если вдуматься, фээсбэшники все сделали по уму. Им зачем-то надо было, чтобы Андрей уехал в Эксклав. Причем сам, без внешнего принуждения. И они добились этого в рекордные сроки. Через сутки после разговора с майором товарищ Сорокин уже бежал за билетом. Конечно же, они знали, в какой вагон он садится. И следили за каждым шагом. Кто-то из пассажиров наверняка был из их конторы. Например, тот самый крепыш, что к століку подходил. Или дедушка-стихотворец. Или его 'наяда' - не угадаешь.

Но фигурант среди бела дня бесследно исчезает из поезда, а сам поезд рассыпается на куски. Какой уж тут, нафиг, прогресс в расследовании...

И вот, спустя шесть недель Андрей появляется на Павелецком вокзале. Однако менты не бросаются к нему с победными воплями. То есть, в розыск его, похоже, не объявили. И даже если милицейские начальники знают, что мерцающий был среди пассажиров (а выяснить это было не так уж трудно), копать в этом направлении прекратили. Наверно, запретили чекисты.

Что из этого следует? Тут теоретически возможны три варианта. Первый - фээсбэшники в курсе, что у Андрея не было выхода, и по-другому действовать он не мог. Но даже в этом случае его захотели бы расспросить поподробнее. Значит, дело в другом. Например, считают, что к Андрею лучше не лезть - а то он, глядишь, еще и Москву развалит. Это уже похоже на правду. И, наконец, гипотеза номер три - чекисты имеют на него определенные виды. Чего-то от него ожидают. Может, действительно, хотят выяснить, в чем заключается пресловутая миссия. И, по их мнению, это настолько важно, что мешать ему нельзя ни при каких обстоятельствах...

Наверняка все эти соображения довели до сведения президента. Но Борис Николаевич отчего-то не внял. Может, в газете объясняется? Ну-ка...

Увольнение директора ФСБ стало неожиданностью для большинства наблюдателей. По сведениям источников 'Ъ' в президентской администрации, решение было принято, скорее, спонтанно, под влиянием сиюминутных эмоций. Накануне в столице объявились еще несколько пассажиров, которые числились пропавшими без вести. Восемь человек пришли в себя в районе подмосковного Дмитрова, с ними работают медики и психологи. Таким образом, в списке пропавших на данный момент остаются пять человек, причем четверо из них - активисты партии ЛЖПР, которые возвращались из поездки по Северному Кавказу. Их однопартийцы не верят, что это случайное совпадение...'

Ну, дают, подумал Андрей.

Руководство ЛЖПР в своем заявлении, фактически, утверждает, что Кремль использует крушение поезда как прикрытие для устранения политических конкурентов. Партия призывает остальные думские фракции досрочно открыть осеннюю сессию, чтобы немедленно начать процедуру импичмента в отношении президента. К удивлению многих, лидеры коммунистов и 'Яблока' уже откликнулись на этот призыв и выразили готовность вернуться с летних каникул...'

Ага, подумал Андрей, вот отчего Борис Николаевич так возбудился. А в гневе он зело страшен и - как бы это сказать? - не всегда логичен.

Неожиданная опала директора ФСБ резко меняет все политические расклады. Ведь именно его Борис Ельцин, по слухам, собирался назвать своим официальным преемником и уже в ближайшие дни назначить премьер-министром...'

Андрей отложил газету и несколько минут переваривал информацию. Вот это он замутил... 'Эффект бабочки' - она взмахнула крылом в Бразилии и вызвала торнадо в Техасе. Так и здесь - вчерашний школьник сел в плацкартный вагон, а президент в результате выгнал собственного преемника.

А ведь проклятая ведьма предупреждала - все застыло в неустойчивом равновесии, достаточно небольшого толчка. Ну вот, пожалуйста - наглядная иллюстрация...

Прям даже немного стыдно перед этим главным чекистом, который не стал премьером. Может, он реально крутой чувак, и при нем бы у нас потекли молочные реки. Мало ли, каких чудес не бывает в жизни. Но теперь уже все, проехали, и гадать не имеет смысла. Ёшкин кот...

Ладно, что там еще в газете?

Непарламентская оппозиция тоже пользуется моментом. В частности, предпринимаются попытки ускорить создание избирательного блока 'Страна отцов', лидерами которого станут мэр Москвы Юрий Глушков, экс-премьер Евгений Ермаков и губернатор Петербурга Владимир Якин. Учредительный съезд планировалось провести в конце августа, но теперь, очевидно, он состоится раньше. По мнению экспертов, эта новая сила составит серьезную конкуренцию прокремлевскому блоку 'Единение', который был создан для участия в думских выборах...'

Дальше Андрей читал по диагонали, поскольку был не в состоянии разобраться, чем 'Страна отцов' лучше кремлевского 'Единения'. Из провинции, где он жил с момента рождения, разница совершенно не ощущалась. Да и вообще, огромное помещение на Охотном Ряду, где брызжут слюной с трибуны, пока не отключится микрофон, вызывало у него чувство

недоумения. Каждый раз, случайно увидев телетрансляцию, он подозревал, что его коварно разыгрывают. Ведь не могут же 450 человек в солидных костюмах заниматься этим всерьез? Впрочем, наверно, Андрей чего-то не догонял. Ну, в самом деле - что может знать подросток о государственных интересах?..

Куда более занимательной оказалась последняя часть статьи, где эксперты гадали, почему же, собственно, исчез поезд. Некоторые подозревали природную аномалию, в пределах которой резко ускоряются процессы распада. С какой радости они ускоряются, никто объяснить не мог, но термин уже придумали - 'ржавый круг'.

Кстати, как можно было понять из контекста, район ЧП оцепили довольно оперативно. Останки БЖРК, судя по всему, успели убрать - в статье о них не говорилось ни слова.

Зато один комментатор вспомнил, что именно из Воронежа в восемьдесят девятом сообщалось о приземлении НЛО - причем сообщал не кто-нибудь, а премудрый ТАСС, который, как известно, уполномочен.

Другие эксперты склонялись к мысли, что природа и пришельцы здесь ни при чем, и во всем виноваты люди. Вопрос в том, какие именно люди? Андрей, дочитав до этого места, инстинктивно втянул голову в плечи и осторожно огляделся вокруг, но никто не обращал на него внимания.

Так вот, кому это выгодно? Предлагалось несколько вариантов. Упоминались, естественно, кавказские террористы, которым зарубежные спонсоры подогнали новую вундервафлю. Согласно альтернативной версии, вундервафля хоть и была, но применили ее наши доморожденные спецслужбы - в целях нагнетания напряженности и создания идеологической базы для новой операции на Кавказе.

Но больше всего Андрея впечатлил военный историк (доктор наук, а по совместительству - генерал), который мелочиться не стал, а сразу наехал на Пентагон. В этой цитадели сил зла и мрака, якобы, создаются три секретных отдела: С, Р и Т. Первый, название которого происходит от слова 'climate', получил в свое распоряжение объект HAARP на Аляске - целое антенное поле, установки высокочастотного излучения. Эффективная мощность уже в девяносто шестом году достигала 250 мегаватт (Андрей уважительно покачал головой, хотя понятия не имел, что это должно означать). Вся эта хрень воздействует на ионосферу - так что, скоро америкосы начнут управлять погодой.

Отдел Р (от слова 'psychology') изучает влияние волновых процессов на человеческий мозг. Этим орлам отдали ракетный крейсер, и они его переделали по своему усмотрению. Теперь,

если надо, корабль подходит к побережью страны, где уровень демократии еще низок, и устраивает искусственную магнитную бурю. Туземцы, которым и так хреново, впадают в панику. Ну, или в апатию - в зависимости от настроек аппаратуры.

И, наконец, отдел Т - происходит от слова 'time'. Это вообще отморозки полные, изучают военное применение темпоральных эффектов. Правда, до того, чтобы отправиться в прошлое и пристрелить там Ивана Грозного, у них пока не дошло. Но подстегнуть течение времени в ограниченном объеме пространства уже вполне удастся. И внешние проявления воронежского феномена подозрительно напоминают последствия опытов, проводимых лабораторией на Бермудах. В прошлом году, например, в районе этих коралловых островов неновый, но еще вполне боеспособный эсминец класса Spruance за минуту превратился в грудку ржавого лома...

Только после прочтения этого текста Андрей по-настоящему осознал, какая он многогранная личность. В одиночку наворотил столько, что с отделом Пентагона сравнили. Гордиться надо...

Кстати, а ведь у него завтра день рождения! Одиннадцатое августа, да. Семнадцать лет исполняется. И еще завтра солнечное затмение, связанное, якобы, с его загадочной миссией. Хотелось бы узнать, каким образом. Впрочем, до завтра ждать осталось недолго. А во сколько затмение должно начаться? Тоже не мешало бы уточнить.

Андрей пролистал газету, но там ничего об этом не говорилось. Где еще посмотреть? В этом, как его... в интернет-кафе? На узле связи, кажется, есть компьютер, только там, наверное, дорого. Да и навыков маловато. Ну, то есть, он знает, что есть специальные страницы для поиска - Пашка ему показывал. 'Рамблер', например - это Андрей запомнил. Но пока сориентируешься, пока разберешься...

Секунду! А ведь Пашка, наверно, сейчас в Москве. Папаша его привез в институт пристраивать. Хотя, экзамены уже в июле закончились...

Подумав об этом, Андрей понурился. Сам он теперь уже точно никуда не поступит. Ну, понятно, майор ему заранее объяснил, но все равно оставалась робкая надежда - а вдруг?.. Однако прыжок из июня в август его окончательно обломал.

Ладно, хватит ныть. Попробуем рассуждать конструктивно. Предположим, Пельмень в столице. Как его отыскать? Может, 'паутина' подскажет? В конце концов, если она способна разрушить поезд, то в качестве компаса поработать - это, по идее, вообще раз плюнуть. 'Татуировка' уже почти управляема. Тогда в вагоне, в процессе поэтических опытов, он перекрасил ее в

зеленый - без всяких укусов, ударов и прочих членовредительских действий. Почему сейчас не попробовать?

Андрей слегка приподнял рукав (после того, как повязку ему содрали, пришлось опять натянуть рубашку). Сейчас узор был бледно-серебристым, нейтральным. Ну, и как должна технически выглядеть поисковая операция? Вряд ли линии на предплечье сложатся в Пашкин адрес. Тогда что? Раз уж вспомнился компас, то хотя бы направление попробуем взять. Посмотрим, на что годится живой локатор.

Он опять подошел к киоску и попросил карту города. Карта была большая, красивая, размером с два газетных листа. В верхнем углу имелась схема метро, похожая на многорукого индийского бога. Андрей полюбовался переплетением линий и медленно побрел по вокзалу, высматривая, где меньше народу. Можно, конечно, закрыться в туалетной кабинке, но это будет как-то неромантично...

Оглядываясь в поисках вариантов, он заметил обменник и вспомнил, что рублей у него совсем мало. Ну-ка, посмотрим... Да, всего шестьдесят. Надо бы разменять Серегины доллары. Какой у них курс? Покупка - 25,20, продажа - 25,40. Ладно, пусть будет так. Андрей сунул в окошко бумажку с Франклином, попросив полтинник вернуть, а остальное выдать рублями.

Побродив по залу ожидания еще минут пять, он вышел на привокзальную площадь. Солнце уже слегка припекало, но все же не жгло, как в городе, откуда он уехал два дня назад.

- Такси надо?

Андрей оглянулся на бойкого мужика, крутившего на пальце ключи, и отрицательно покачал головой. Тот не отставал:

- Куда ехать, парень? Недорого!

Вспомнив самую западную точку на карте, Андрей спросил из спортивного интереса:

- В Кунцево сколько?

Мужик быстро просканировал его взглядом, оценивая финансовые возможности, и выдал сумму. Андрей посмотрел на него с большим уважением и отошел в сторонку. Развернул карту, прикинул стороны света. Так, если тут у нас Павелецкая площадь, то вон та улица, наверно, Дубининская, а с другой стороны - Кожевническая... Нет, наоборот. Ага, теперь ясно.

Начали...

Краски поблекли, и сразу стало прохладнее, но в этот раз никто не бил Андрея по голове, и не пугал баллистическими ракетами, поэтому он контролировал переход. Он не провалился в тусклый мир сразу, как рыцарь-тевонец в панцире под тонкий апрельский лед, а погрузился по возможности плавно, стараясь не

уйти глубоко. Во-первых, не было никакого желания потерять еще пару месяцев из своей драгоценной жизни. А во-вторых, не хотелось ненароком разрушить ценный исторический памятник, каковым, без сомнения, являлся Павелецкий вокзал.

Андрей присмотрелся к узорам людей, проходящих мимо. Эти цветные пятна отчетливо выделялись на общем неярком фоне, даже слегка светились. Он сосредоточился, мысленно подстраивая картинку. Теперь окружающий мир напоминал фотографию с длинной выдержкой. Светящиеся пятна размазались. За каждым прохожим как будто тянулась лента, привязанная к запястью. Ленты пересекались друг с другом, причудливо изгибались и терялись за поворотом.

Так, подумал Андрей, и что теперь - тупо бродить по улицам, надеясь наткнуться на нужный след? Нет, надо увидеть картину в целом. Нужен узел, где все эти полоски переплетаются. А от него уже проследить одну конкретную ниточку. Но где этот узел располагается?

Хотя, стоп, перебил Андрей сам себя. Не надо выдумывать себе трудности. Я увижу его там, где сам захочу. В этом лесу я леший...

Он подошел к подземному переходу и сделал несколько шагов вниз. Повернулся лицом к стене и прикрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Пусть это будет... ну, примерно, как в щитовой. Где открываешь дверцу и смотришь на разноцветные кабели.

Андрей осторожно провел рукой по шершавому камню, и верхний слой осыпался легкой крошкой. Перед ним сверкало переплетение линий, похожее на чудовищно усложненную схему городского метро. Или на ковер, сотканный из миллионов цветных волокон.

Так, уже легче. Осталось потянуть за нужную ленточку.

Ищем.

Он постарался вызвать из памяти Пашкину довольную ряху. Пухлые щеки, аккуратная стрижка, слегка торчащие уши. Рыхлая фигура с жирком. Но рост высокий, поэтому смотрится представительно. Глаза какие? Карие, вроде. Улыбается чего-то, гаденыш... И самое главное - зеленый узор на левой руке. Здесь важно подробнее представить оттенок.

Где твой след на карте, Пельмень?

Вот этот, вроде, похож.

Андрей осторожно коснулся схемы и потянул на себя тонкую зеленую нить. Она подрагивала, как стебель травы под ветром. И даже, вроде бы, слегка извивалась, словно пытаясь вырваться. Поздно, Пашенька, поздно...

Он зажал травинку в руке, снова закрыл глаза и усилием воли выбросил себя из тусклого мира.

Опять появились звуки, и кто-то из прохожих задел Андрея плечом. Он посторонился и посмотрел на часы. Нормально, всего сорок минут прошло. Это ведь не сорок дней, правильно? Тьфу, блин, что за нездоровые ассоциации...

Но ведь, действительно, получилось неплохо. Сделал, что нужно, и мурены его, похоже, не засекли. Во всяком случае, глазищами не сверкали. Спасибо и на этом.

Андрей перевел дыхание и прислушался к своим ощущениям. В обычном мире Пашкина лента была уже не видна, но он каким-то образом ее чувствовал. След уходил на север - примерно в том направлении, куда вела оранжевая ветка метро. Ну, что, поехали в гости? Порадуем дружбана...

Андрей по указателям добрел до входа в подземку. Людская масса перла без остановки. Его буквально вынесло к турникету, и он едва успел вставить карточку в прорезь. Автомат сглотнул, недовольно рыкнул и выплюнул ее через другую щель. Андрей торопливо проскочил дальше, опасаясь, что механизм не сработает, и черные клешни вцепятся ему в ноги. К счастью, все обошлось. На эскалаторе он разглядывал тех, кто едет навстречу, и сразу научился отличать москвичей от 'гостей столицы'. Местные смотрели строго перед собой, в спину тому, кто стоял на ступеньку выше. Приезжие, напротив, вертели во все стороны головами, показывали пальцами, а кто-то уже достал фотоаппарат, как юный натуралист в заповеднике.

Рекламные плакаты висели в ряд. Андрею запомнилась желтая стилизованная пчела с загадочной надписью GSM и девушка в красной шапочке, которая, подняв палец, сообщала с улыбкой, что 'выход есть'. На крайнем плакате была мерзкая осклизлая тварь с клыками. С содроганием сердца Андрей прочел, что это микроб, живущий под ободком унитаза, и рекламируется вообще-то не он, а средство для его умерщвления.

Сойдя с эскалатора, Андрей остановился между платформами, читая подсказки на указателях. 'Переход на кольцевую линию'... Нет, ему на рыжую ветку. 'К поездам до станций Автозаводская, Коломенская, Каширская...' Это в другую сторону... Люди бежали мимо, как в ускоренной съемке. Да уж, не сравнить с тусклым миром, где все двигались вяло и заторможенно, и только Андрей носился как Бэтмен.

Наконец, он втиснулся в поезд. Пошевелиться было нельзя - руки прижаты к туловищу, как у мороженого цыпленка в целлофановой упаковке. Тем не менее, стоящий рядом мужик умудрялся читать газету. Андрей невольно рассмотрел заголовок:

'Внук зарубил топором бабушку и собаку'. Строгая тетка на лавке разгадывала кроссворд. От кого-то из соседей разило потом.

Он сделал пересадку с Новокузнецкой на Третьяковскую. Проехал несколько остановок. По мере удаления от центра, в вагоне становилось свободнее. Но Андрей чувствовал, что ему выходить еще рано. Нить уводила дальше на север. Он прислонился спиной к дверям, читая рукописные объявления, густо налепленные на стенах: 'Дипломы, аттестаты', 'Медкнижки', 'Водительские права. Экстренная помощь лишенникам'. Вошла торговка: 'Шариковые ручки по пять рублей!' Подумала и добавила: 'За десять рублей вы получаете две ручки!' Выгодное предложение, согласился Андрей. Женский голос из динамиков объявил: 'Станция Медведково! Поезд дальше не идет, просьба освободить вагоны'.

Названия улиц на указателях ничего не говорили Андрею, и он поплелся к ближнему выходу. Хотелось есть, пить, спать, но больше всего - помыться под душем.

- Молодой человек!

- А? - он вскинул голову, озираясь. Перед ним стояли двое ментов.

- Ваши документы, пожалуйста.

Вот блин, подумал Андрей, неужели все-таки ловят? Нет, вряд ли это конкретно за ним - иначе докопались бы уже на вокзале. А эти, похоже, просто бабло стригут...

Он со вздохом вытащил паспорт. Мент прочел имя, открыл страницу с пропиской и удовлетворенно сказал: 'Ага'. Он был еще молодой (лет на пять постарше Андрея), с хитрой деревенской физиономией. С такой рожей надо наяривать на гармошке и подмигивать девкам, приглашая на сеновал, а не документы проверять у прохожих...

- С какой целью прибыли в Москву?

Андрей прикинул, что про Эксклав распространяться не надо, и ляпнул:

- В институт поступать.

- И как, поступил?

- Э-э-э... нет.

- А чё домой не уехал? Экзамены в июле закончились.

Какой ты умный, неприязненно подумал Андрей.

- Решил друзей навестить.

- Каких друзей?

- Школьных. Которые поступили.

- Понятно... А ты в курсе, что по распоряжению мэра Глушкова, все, кто находится в столице больше трех дней, обязаны получить регистрацию?

- Нет, - сказал Андрей. - Меня не предупредили.

Менты переглянулись.

- Бывает. Ладно, пошли тогда, - 'гармонист' подтолкнул его в сторону милицейской дежурки.

- А паспорт?

- Иди, иди. Разберемся.

Андрея завели в помещение, где стоял заваленный бумагами стол, а крошечный закуток был отгорожен решеткой. В клетке сидели двое - дочерна загорелый парень с азиатским разрезом глаз и здоровенный хмырь с типично рязанской мордой. Мент постарше повозился замком и кивнул Андрею - заходи, мол. Тот примостился с краю на лавке. Клетку снова закрыли.

Старший мент устроился за столом и начал перебирать паспорта. 'Гармонист' остался возле двери - в другой ситуации Андрей назвал бы это позу 'стоять на стреме'. Минута прошла в молчании. Наконец, из-за стола раздалось:

- Гулько Виталий Семенович?

- Я, - сказал хмырь лениво.

- Протокол будем составлять?

- Не будем, - узник совести ухмыльнулся.

'Гармонист' снова отпер решетку, взял один из паспортов и вывел товарища Гулько в коридор. Вернулся страж закона уже один. Кивнул своему напарнику и снова стал у порога.

- Рашидов Искандер... э-э-э... Абдурашидович?

- Здесь, - сказал азиат с акцентом.

Он тоже вышел за ментом в коридор и больше не возвращался.

- Сорокин Андрей Сергеевич?

- Да.

- Значит, приехал в институт поступать? Почему тогда в паспорте штампа нету?

- Какого штампа? - спросил Андрей, чувствуя, как начинает зудеть предплечье.

- ИСИ. Как бы тебя без печати приняли?

Андрей молчал. Отмазку придумать не получалось. Жжение в руке мешало сосредоточиться. Мент разглядывал его исподлобья, потом пробурчал:

- Врать научись нормально. Дай с двух раз угадаю. Или с одного. На стройке работаешь? Студент, мля... Ладно, в сумке у тебя что?

- Одежда. Личные вещи.

- Открой.

Андрей расстегнул молнию. Мент одной рукой брезгливо покопался внутри. Конверт, лежащий на самом дне, его внимания

не привлёк.

- Из карманов все вытащи.

Андрей со вздохом достал рубли - две пятихатки, два стольника и бумажки помельче. Доллары он заблаговременно переложил в портмоне. Оно, в свою очередь, сейчас покоилось в сумке, в одном из боковых отделений, куда мент еще не заглядывал.

- Сколько здесь? В руках держи, не клади на стол.

- Тысяча триста двадцать.

- Все? Больше нету?

- Нет.

- А если найду - мое будет?

- Ищите, - буркнул Андрей. Внутри нарастала злость. Он уже видел, как это будет - стол превращается в труху за секунды, прутья решетки ржавеют и осыпаются, стены становятся рыхлыми как халва; а эти скажут ему спасибо, если их вовремя вышвырнет куда-нибудь подальше за МКАД...

- Ну, так что, студент, протоколы будем писать?

- Не надо, - сквозь зубы сказал Андрей. - Сколько с меня?

Он сдерживался уже из последних сил. Пот застилал глаза, узор на руке пульсировал. Вот сейчас этот козел заявит, что надо отдать все бабки, и тогда...

Но 'гармонист' вдруг широко улыбнулся и подмигнул:

- У нас золотое правило - клиент всегда прав.

Это было так неожиданно, что Андрей растерянно заморгал. Черная волна злости стремительно испарилась, так и не найдя выхода.

- Ч-чего? - переспросил он.

- Я говорю, клиент всегда прав. Сколько тебе не жалко?

- Сто рублей? - спросил Андрей неуверенно.

- Андрей Сергеевич, - укоризненно сказал мент, - ну откуда ты такой жадный? Давай так - штуку себе оставь, а мелочевку нам. Сколько там у тебя, триста двадцать? Ладно, двадцать тоже тебе - на маршрутку или там на трамвай. А регистрацию сделай - это тебе бесплатный совет. Бабушку какую-нибудь найди, она много не попросит - хоть какая прибавка к пенсии...

Стараясь не заржать во весь голос, Андрей протянул 'гармонисту' триста рублей, забрал паспорт и выскочил из метро. Артисты... 'ОСП-Студия' отдыхает. Нет, умом Россию все-таки не понять. А с аршином лучше и не соваться...

...Дело было к полудню, когда он остановился перед панельным домом, длинной, казалось, в полкилометра. Прислушался к себе и вошел в подъезд. Поднялся на лифте на последний этаж. Постоял немного и спустился пролетом ниже.

Задержался у одной двери, потом у другой, но выбрал в итоге третью. Надавил на кнопку звонка. Дождался, пока откроют, и приветливо произнес:

- Здорово, Пельмень. Соскучился?

Глава 9

Летом 1238 года от рождества Христова отряд крестоносцев двигался на двух кораблях вдоль балтийского побережья. Когда впереди по курсу показался крошечный полуостров, маркграф мейсенский Генрих III, который командовал экспедицией, приказал готовиться к бою.

На берегу стояла чужая крепость, а рядом был рыбацкий поселок. Изучая местность, Генрих задумчиво постукивал пальцами по рукояти меча. Язычникам, которые здесь живут, пора узнать силу истинной веры. Их земли, да и вообще территории к востоку от нижней Вислы теперь принадлежат Ордену, чье полное название с трудом умещается в одну строчку, а сокращенное звучит как *Ordo Teutonicus*. Права на владение подтвердил не только Святой Престол, но и, что в данном случае не менее важно, император Фридрих II, правитель Священной Римской империи. Дело за малым - привести к покорности прусские племена. Крестовый поход для того и нужен. Рыцари покроют себя неувядаемой славой, а папское отпущение грехов - весьма приятное дополнение.

Проблема в том, что у Генриха не так уж много людей, а крепость на полуострове выглядит довольно внушительно. Она деревянная, но имеет глубокий ров и вальные укрепления. Захватить ее с ходу вряд ли удастся, а начинать осаду с малыми силами - бесполезная трата времени. Но и назад, конечно, не повернешь. Вылазку надо совершить в любом случае, а потом... Потом будет видно. Может быть, дальше на побережье есть более подходящая цель? Самое время допросить кого-то из местных.

Маркграф скомандовал высадку. Крестоносцы, погрузившись на лодки, подплыли к берегу и ворвались в поселок. Тех рыбаков, что пытались сопротивляться, зарубили на месте. Остальные сбежали под защиту крепостных укреплений. Особых трофеев рыцарям не досталось - поселок был небогатый. Задерживаться здесь не имело смысла - тем более, что к варварам уже спешила подмога. Крестоносцы вернулись на корабли, прихватив одного из рыбаков для допроса.

Генрих безразлично оглядел загорелого паренька, провонявшего рыбой до невозможности. Тот испуганно озибался и совершенно не понимал нормального языка, лопоча на тарабарском наречии. Один из воинов, уже имевший опыт общения с варварами, попробовал себя в качестве толмача, но дело продвигалось с

трудом.

Наконец, пленник все же сообразил, что пришельцев интересуют края, лежащие к северо-востоку от крепости. Глаза его округлились, он весь затрясся и, повалившись на колени, уставился на рыцарей умоляющим взглядом. Толмач после многочисленных уточнений неуверенно пояснил, что, кажется, парень просит выбросить его за борт сразу, а не тащить с собой. По местным поверьям, соседние земли прокляты, и там водится нечистая сила.

Маркграф мейсенский, на гербе которого красовался черный лев с оскаленной пастью и выпущенными когтями, презрительно скривил губы. Сказки грязных язычников волновали его в последнюю очередь.

Обогнув полуостров, рыцари продолжили плавание по лагуне, которую их потомки назовут Фришес Хафф. Вскоре участники похода разглядели на берегу загадочный знак. Три сосновых ствола, очищенные от веток, стояли наклонно, скрещиваясь друг с другом. Если бы Генрих был выходцем из двадцатого века, он решил бы, что это выглядит как противотанковый еж. Но он был средневековым маркграфом и только пожал плечами. На верхушках бревен были вырезаны клыкастые звериные морды, но они его тоже не впечатлили.

Потом с кораблей увидели чудо. По берегу шла девушка в белом платье с длинными волосами, а ее кожа как будто слегка светилась. Она обернулась, помахала путешественникам рукой и скрылась между деревьев. Чем-то она напомнила Генриху его супругу Констанцию, дочь австрийского герцога Леопольда VI Славного.

Маркграф, несмотря на молодость, слыл довольно рассудительным человеком - но сейчас его словно околдовали. Он прыгнул в лодку и приказал немедленно грести к берегу. Те, кто остался на кораблях, видели, как отряд углубился в лес. Прошло несколько дней, но вестей от маркграфа не поступало. А потом погода ухудшилась - с севера надвинулись тучи, и поднялся штормовой ветер. Гроздья молний свисали с черного неба, и волны норовили захлестнуть через борт. Даже не верилось, что такое может происходить в этих спокойных водах. Когда все закончилось, остался только один корабль. Его команда, придя в себя, посмотрела в сторону берега и дружно зашептала молитвы. В том месте, где высадился отряд, торчала длинная палка, на которую был насажен человеческий череп.

Уцелевший корабль тотчас повернул назад и кое-как добрался до знакомых краев. Один из незадачливых крестоносцев рассказал обо всем маршалу Тевтонского ордена Дитриху фон

Бернхайму. Тот настолько проникся, что отправил свидетеля с докладом напрямую в Рим, а сам поехал осаждать крепость на полуострове, которую не решился штурмовать Генрих. Осада увенчалась успехом. Крепость потом была перестроена, за ней закрепилось название Бальга. Орден, посадив там своего комтура, продолжал расширять владения. По сути, возникло новое государство. К началу пятнадцатого века, находясь на пике могущества, оно простиралось от Одера до Чудского озера. На картах это выглядело очень красиво. И только белое пятно к северо-востоку от Бальги портило впечатление.

Не раз и не два отряды рыцарей в тяжелых доспехах пытались проникнуть в заколдованный край. Но все было тщетно. Точнее, проникнуть было нетрудно, а вот вернуться удавалось лишь единицам. Выжившие разведчики были похожи на сумасшедших - они твердили что-то про живые болота, про огненных летающих тварей и про колдуний, которым служат черные змеи.

Весной 1407 года со всей этой нечистью решил разобраться лично Ульрих фон Юнгинген, который на тот момент был главным военачальником в орденском государстве. Ради такого дела он даже отвлекся от подавления очередного бунта в Жемайтии. Но на подходе к проклятым землям Ульриха настигло известие, что умер его брат Конрад, великий магистр Ордена. Ульрих, который считался главным претендентом на 'вакантную должность', вынужден был прервать свою экспедицию. А став магистром, он уже не мог растрачивать силы. Ордену грозила война сразу с двумя могущественными соседями - Литвой и Польшей. Избежать открытого столкновения так и не удалось, и Ульрих погиб в сражении при Грюнвальде.

Орден терял влияние, его территория стремительно сокращалась - но в центре по-прежнему зияла дыра, где пропадали люди. Ситуация выглядела особо пикантно, если учесть, что резиденция великого магистра располагалась в непосредственной близости от колдовских владений - в крепости Тапиау на реке Прегель. Это давало повод для бесконечных насмешек и издевательств. Широко цитировался, к примеру, отрывок из сатирической поэмы 'Корабль дураков', изданной в 1494 году в Базеле. Современники сразу поняли, кого имел в виду автор:

*Знавал я одного аббата -
ревнитель веры, враг разврата,
он нечестивцев обличал
и ведьмам кары обещал.
И твердость доказал на деле!
Тех ведьм, что изловить успели,*

*он при монастыре держал
и лично по ночам карал.*

А на картине Иеронима Босха многие узнали тогдашнего магистра Иоганна фон Тифена - в образе монаха, распевającego песни под лютню. Время шло, десятилетия складывались в века, и уже мало кто воспринимал Орден как оплот христианской веры. В конце концов, великий магистр Альбрехт из рода Гогенцоллернов, пообщавшись с Мартином Лютером, плюнул на все, провел секуляризацию и превратил церковное государство в светское. Себя он назначил герцогом Пруссии и принес присягу польскому королю Сигизмунду. Это было в 1525 году. Герцогство просуществовало около века; потом эти земли оказались под властью бранденбургских курфюрстов. В начале восемнадцатого столетия очередной курфюрст объявил себя королем.

Пруссакки любили повоевать и делали это весьма успешно, пока за них не взялся Наполеон. Даже их тогдашние союзники - русские - ничем не смогли помочь. После битвы под Фридрихсфельдом корсиканец стоял непосредственно у границы заколдованных территорий. Он готов был подогнать свои любимые пушки и смести картечью все нечистую силу, которая там найдется. Но (во всяком случае, так говорит легенда), в ночь перед выступлением Бонапарт увидел 'красного человека', который являлся ему в ключевые моменты жизни. Этот 'красный' прошел мимо часовых, спокойно шагнул в палатку и долго беседовал с корсиканцем. Наутро Наполеон отменил вторжение, аккуратно объехал зачарованный край и прибыл в Тильзит, чтобы встретиться с русским императором Александром.

В ходе беседы француз, если верить некоторым биографам, намекнул, что с нечистью, которая угнездилась под боком, не мешало бы все-таки разобраться - причем русским это будет сподручнее. Молодой царь вопросительно поднял бровь. Дескать, коллега, а поподробнее можно? Бонапарт, водя указкой по карте, с готовностью объяснил. Вот колдовские земли - тянутся узкой полоской вдоль побережья к северу от крепости Бальга. Они охватывают устье реки, которую пруссаки называют Прегель, и полуостров Хексенланд. Проходят к западу от Тильзита, дальше по устью Немана и, в конце концов, упираются в границы Виленской и Курляндской губерний, которые достались России после раздела Польши. Неужели русские готовы смириться с таким соседством?

Александр пожал плечами. Ну, а что здесь такого? Остальные, вон, веками рядом живут - и ничего, не жалуются. Нечистая сила, если она вообще существует (в чем он, Александр, испытывает сомнения) ведет себя тихо и через

границы не лезет. Авось и русским мешать не будет. Главное, самим туда не соваться...

На том императоры и расстались. Через несколько лет Наполеон объявил России войну, и чем это кончилось, всем известно. На Венском конгрессе, где перекраивались границы, дипломаты неодобрительно хмурились, разглядывая белое пятно на берегу Балтийского моря. Но заявить претензии на этот клочок земли никто не решился.

Жизнь в Европе бурлила, девятнадцатый век принес новые перемены. Пруссия стала частью Германской империи. Польша была теперь в составе России. Немцы воевали в Эльзасе, русские сражались в Крыму. Поляки периодически бунтовали. А на полуострове Хексенланд пропадали научные экспедиции.

В 1876 году Александр Чекановский представил проект, заинтересовавший Академию наук в Петербурге. Чекановский был видным исследователем Сибири (хотя оказался там не по своей воле, а в качестве ссыльного - за участие в восстании шляхты). Он мотался по просторам между Леной и Енисеем, изучал рельеф и рисовал карты, составлял зоологические отчеты и добрался на оленях аж до Ледовитого океана. В общем, как ученый он имел блестящую репутацию. И вот теперь он предлагал разобраться, наконец, с бесхозной землей на Балтике. Скорее всего, им двигали не только научные интересы. Поляк Чекановский наверняка понимал, что это для него единственный шанс оказаться поближе к родным местам. Как бы то ни было, заявка была составлена и обоснована по всем правилам. Академики, поразмыслив, дали добро.

В мае отряд из 37 человек (геологи, топографы, биологи и казаки в качестве вооруженной поддержки) выдвинулся к южной оконечности Курляндской губернии. Шли на лошадях вдоль берега моря; вскоре достигли пограничной заставы. Дальше начиналась неизведанная земля, и на той стороне, буквально в ста саженьях от границы лежал скелет. Как будто чудовищная змея выползла из зарослей на песок, окунула голову в воду, да так и сдохла. Шкура давно истлела, а мясо сожрали звери. При этом солдаты, служившие на заставе, клялись, что еще вчера костей на берегу не было. Скелет появился ночью и теперь аккуратно перекрывал дорогу.

Чекановский не испугался. Находка только подстегнула его научное любопытство. А зоолог, который был с ним в отряде, буквально прыгал от нетерпения. Перекрестившись, ученые с казаками ступили на запретную землю.

Спустя полгода в районе Паланги крестьяне выбрали двух оборванцев. Те страдали явным расстройством психики и не

помнили даже своих фамилий. В конце концов, их все-таки опознали как участников экспедиции. Путешественники так и не смогли объяснить, как им удалось вернуться. Карта, найденная у них, была тщательно нарисована от руки, но вызвала больше вопросов, чем давала ответов. Она была испещрена загадочными значками, значение которых авторы благополучно забыли.

Два мутноватых шарика, обнаруженные в одном из карманов, в темноте неожиданно засветились. Это был первый случай, когда во внешний мир попала субстанция, которую позже назовут люминофорной смолой. Первый шарик отправили в Эрмитаж, а второй преподнесли императрице Марии Александровне в качестве сувенира.

И, наконец, последним трофеем стали рисунки неизвестных животных. При виде них академик Брандт, директор Зоологического музея, впал в экстаз и потребовал немедленно отправить еще одну экспедицию.

Однако два следующих похода не принесли результатов. Точнее, отряды просто исчезли. По этому поводу император Александр II незадолго до своей смерти имел нелицеприятную беседу с президентом Академии наук Федором Литке и великим князем Константином Николаевичем, который руководил тогда Русским географическим обществом. По воспоминаниям одного из придворных, государь пожелал узнать - ради чего мы, собственно, лезем в этот проклятый край? Больше нечем заняться? Может, за Уралом уже не осталось мест, которые надо картографировать? И на сибирских реках найдены все золотые россыпи? И, наконец, на Мурманском море уже подобрали место для заполярного порта? Если так, то он, император, готов поставить обоим собеседникам прижизненный памятник, прямо возле Адмиралтейства...

Говорят, что Литке с великим князем вышли из кабинета в крайне дурном расположении духа, и Константин Николаевич чуть не пришиб лакея, попавшегося ему на пути. Правда это или нет, неизвестно, но ученых в колдовские края больше не посылали. Впрочем, даже результаты экспедиции Чекановского еще долго будоражили умы в Академии и послужили материалом для нескольких научных трудов. В те годы, кстати, и прижился новый термин - Эксклав. Ну, не писать же в диссертации про нечистую силу?

Между тем, слухи о светящемся жемчуге, который стоит дороже алмазов и изумрудов, распространились в народе, обрастая фантастическими подробностями. Эксклав теперь представлялся чем-то вроде пещеры Али-Бабы. Ловцы удачи, готовые рисковать головой, неслись к Балтийскому морю. Такая

концентрация мутных личностей беспокоила жандармское управление - а ведь ему и так хватало работы среди местного контингента, ностальгирующего по литовско-польскому государству. Пришельцев (тех, кто попроще) вежливо отправляли обратно пинком под зад, а с теми, кто побогаче и познатнее, вели профилактические беседы.

В принципе, в Эксклав проникнуть было нетрудно. Пограничных укреплений там, фактически, не было. Застава у моря имела, скорее, символическое значение. Строить что-то еще не имело смысла - обитатели заповедного края сроду не совались наружу, а литовские рыбаки, в свою очередь, четко знали, где кончается их земля. А если кто-то по недосмотру или по глупости переступал невидимую черту, перед ним, как по мановению волшебной палочки, возникал предупреждающий знак - вроде 'ежа', который некогда предстал крестоносцам, или скелета на морском берегу.

Когда появились охотники за сокровищами, местные жители быстро просекли выгоду и охотно подражались проводниками. Само собой, не бесплатно. Чужака доводили до границы и, помахав на прощание ручкой, с чистой совестью возвращались к себе в деревню. Полиция пыталась пресечь такие гешефты (или, по крайней мере, делала вид), пограничная стража была усилена, но лазейки все равно находились. Люди исчезали бесследно, но поток авантюристов не иссякал.

Ажиотаж усилился еще больше, когда появился первый счастливчик, сумевший выбраться из Эксклава с добычей и сохранить рассудок. Купец Тимофей Кабздохин оказался человеком предусмотрительным - не стал орать о своем успехе на всю округу. И вообще не признался, что был на той стороне. Сказал, что заблудился в лесу и упал в овраг, поэтому одежда испачкана. На последние деньги он доехал до Ковно, среди ночи появился к местному ювелиру и выложил перед ним на стол светящийся кусочек смолы. Содрав с ювелира несусветную (по местным масштабам) сумму, Тимофей приоделся и купил билет до Санкт-Петербурга. В ожидании поезда он отправился в привокзальный трактир и только там, выкушав для расслабления полуштоф, рассказал случайным знакомцам о своем приключении.

Запретный рубеж он пересек с двумя компаньонами. Расставшись с проводником, они прошли, от силы, саженой двести. Тимофей слегка приотстал, и это его спасло. Когда впереди мелькнула длинная тень, он инстинктивно бросился в сторону и схоронился за ближайшей корягой. Люди закричали, послышался хруст костей. Раздался выстрел - один из спутников

успел-таки пустить в дело свой дробовик. Вопль, который за этим последовал, был ужасен; он распространялся как взрывная волна, и на землю сыпались листья. Потом все стихло. Только через полчаса Тимофей решился выбраться из укрытия. Его товарищей нигде не было, но на тропинке остались обильные следы крови. А еще там лежали пять светящихся шариков. Тимофей схватил их и, не помня себя, бросился обратно к границе...

Таким образом, появление 'жемчуга' впервые связали с летучими зубастыми тварями. Неизвестно, кто назвал эти шарики Горючими Слезами, но легенда прижилась моментально. Саму зверюгу какой-то умник поспешил занести в анналы под латинским именем *Muraena volatilis*. А в народе широко обсуждались способы умерщвления этих милых представителей фауны. Мурены перемещались настолько быстро, что прицелиться было практически невозможно. Потенциальные охотники, сидя в трактирах, глубокомысленно рассуждали, что единственный шанс - пальнуть крупной дробью с близкого расстояния. Если, конечно, успеешь поднять ружье...

В конце концов, власти, которым надоело скопление вооруженных людей на границе, ввели там чуть ли не военное положение и устроили настоящий санитарный кордон. Подобраться к Эксклаву ближе, чем на несколько верст, теперь было решительно невозможно. Распространение слухов о несметных богатствах, таящихся в запретном краю, тоже не поощрялось. Журналу 'Русь' даже запретили печатать повесть Лескова, герой которой, ловко обманув нечистую силу, находит в Эксклаве клад, а в придачу к нему - невесту, потомственную ведунью.

Через пару лет страсти, наконец, улеглись, и к муренам больше никто не лез. В России все шло своим чередом. Была Ходынка, было Кровавое воскресенье, была Цусима. Разогнали первую Думу, потом вторую. Выбрали еще две. Депутаты увлеченно собачились. А потом грянула Первая мировая.

Впрочем, в ходе боев на Восточном фронте немцы и русские аккуратно обходили гиблое место. Лишь однажды это правило готовы были нарушить - в августе 1914 года, перед началом русского наступления. Кто-то из штабистов предложил войти на запретную территорию и совершить по ней марш-бросок, чтобы ударить в тыл немецкому армейскому корпусу, который действовал ближе всего к границе. И, вроде бы, этот рейд уже поручили кавалеристам Хана Нахичеванского, но в последний момент одумались. Даже без обходных маневров развитие событий в первые дни войны давало повод для оптимизма. После сражения под Гумбинненом немцы начали отступать, причем их

генерал Притвиц готов был отойти аж за Вислу. Но германский Генштаб быстро сменил Притвица на Гинденбурга, и в сентябре русских выжали из Восточной Пруссии.

А в следующем году было Великое отступление царских войск. Немцы заняли Курляндскую и Ковенскую губернии, граничащие с Эксклавом. После войны там возникли самостоятельные прибалтийские государства. Теперь заколдованный край был очень далеко от России.

Большевики захватили власть. Отгремела Гражданская, закончилась продразверстка. Молодому советскому государству проблем хватало. Несколько лет про Эксклав не вспоминали вообще. Потом, когда НЭП набрал обороты, и жить стало веселее, кто-то предложил отправить в запретный край пару отрядов от Геолкома. Авторы проекта упирали на то, что Москве не помешал бы дополнительный источник валюты. А Горючие Слезы, как известно, продаются по цене бриллиантов. Тот факт, что процесс добычи сопряжен с определенными трудностями, энтузиастов не смущал совершенно. В конце концов, 'нет таких крепостей, которые...' Добраться по Балтийскому морю до полуострова Хексенланд, высадить отряд, а потом забрать его таким же путем. Формально ведь это ничья земля, хоть вокруг и прусские территории.

Но предложение не прошло. Может, в Кремле решили, что овчинка не стоит выделки. Или не захотели дразнить германцев, шныряя недалеко от границы. В следующий раз об Эксклаве вспомнили в тридцатых годах - решили сделать аэрофотосъемку. Чкалов на самолете Поликарпова подлетел со стороны моря и покружил над колдовскими владениями. Потом он увлеченно рассказывал про замок с мощными стенами, но пленка оказалась засвечена. На какое-то время советское руководство потеряло интерес к этой теме.

Зато в Эксклав теперь настойчиво лезли немцы. Особенно усердствовал Генрих Гиммлер, который вбил себе в голову, что именно в запретном краю хранятся священные реликвии древней арийской расы. Ребятам из общества 'Аненербе' поручили заняться этим вплотную. Им доходчиво объяснили, что Тибет пока подождет, а целью очередной экспедиции должно стать балтийское побережье. Тамошних зверушек, роняющих драгоценные слезы, тоже надо изучить поподробнее. Напомнив об этом, Гиммлер поручил руководство зоологу Эрнсту Шеферу. Весной 1938 года отряд пересек границу Эксклава к северо-западу от крепости Тапиау. Ученых сопровождали бойцы из 1-ой горнострелковой дивизии с пулеметами и легкими минометами (командование решило, что именно эти brave парни лучше

всего подходят для действий в нестандартных условиях).

Через неделю из Эксклава выехал одинокий всадник. Его окликнул патруль, но человек никак не отреагировал. В седле он держался неестественно прямо, лошадь размеренно шагала вперед. Патрульные нагнали флегматичного незнакомца, и только тогда заметили, что в глазу у него торчит блестящая железяка. Второй глаз мертво таращился в пустоту, а кожа высохла как у мумии. Когда ему преградили путь, мертвец медленно поднял голову и растянул губы в жуткой улыбке. Позже он был опознан как Бодо Фегер, антрополог из экспедиции Шефера. Железный предмет при ближайшем рассмотрении оказался штангенциркулем, с помощью которого Бодо собирался измерять пропорции черепа у встречаемых аборигенов.

До начала Второй мировой войны успела пропасть еще одна экспедиция 'Аненербе'. Говорили, что Гитлер, узнав об этом, буквально бился в конвульсиях и требовал поднять в воздух бомбардировщики. Потом, правда, успокоился, и приказ отменил. Люфтваффе, мол, еще проявят себя в других операциях на востоке.

И опять в Европе рвались снаряды, и миллионами гибли люди. Ближе всего боевые действия подошли к Эксклаву в конце войны - Красная Армия добивала по соседству бывшую группу армий 'Центр'. Многие немцы, не желая попадаться красноармейцам, бросались на запретные земли и пропадали бесследно.

Казалось, что черная дыра на карте Европы будет существовать вечно - независимо от того, что происходит в окружающем мире. Но все изменилось буквально за один день.

15 мая 1945 года случилось много важных событий.

Совинформбюро сообщило, что прием пленных на всех фронтах завершен.

В Берлине, где все еще дымились развалины, жителям начали выдавать продукты по карточкам. Постановление было подписано Жуковым - 450 граммов хлеба, 50 граммов крупы, 60 граммов мяса в среднем на человека в день. Через неделю обещали подвезти суррогатный кофе.

Вышел первый номер 'Ежедневного обозрения' - советская администрация издавала его для немцев 150-тысячным тиражом.

В Людвигсхафене возобновила работу химическая фабрика BASF.

И в этот же день войска 3-го Белорусского фронта получили новый приказ.

Хозяева Эксклава, кто бы они ни были, полагали себя, наверное, всемогущими. Но они ошибались. На тот момент в

мире существовала только одна неодолимая сила. И когда 43-я, 48-я и 11-я гвардейская армия одновременно ударили с трех сторон, исход был заранее предрешен.

Поначалу наступление развивалось не очень быстро. Местность была незнакома, связь периодически прерывалась. Мурены возникали из ниоткуда. Черные болота вдруг оживали, выпуская гибкие, мерзко пахнущие отростки, каждый из которых был способен перевернуть грузовик. Всадники на двухметровых зверюгах с широкими когтистыми лапами появлялись из-за холмов; наконечники копий ярко светились, как будто их только что вынули из кузнечного горна, и легко протыкали танковую броню. Вспучивалась земля, и неуклюжие туши, слепленные из грязи и глины, перли вперед, сметая все на своем пути. Миражи и фантомы сбивали с толку разведку.

Но даже мурены не могли увернуться от роя пуль, выпущенных из ППШ или ППС - особенно, если стреляли несколько бойцов сразу. Големов, выросших из земли, танки и САУ долбили прямой наводкой. Живые болота корчились, залитые зажигательной смесью. Со всадниками пришлось повозиться - их словно огибали пулеметные очереди. Зато их скакуны буквально выли от ужаса, когда начинали работать фугасные огнеметы.

К замку вышли спустя пару дней. Он стоял недалеко от устья реки, а вокруг был мрачноватый каменный город. Цитадель поражала своим величием. Артиллеристы чесали репу, прикидывая, сколько дней придется потратить на эту махину, если учесть, что орудие калибром 280 или 305 миллиметров (мельче - нет смысла) производит восемь выстрелов в час. А генерал Галицкий, командующий 11-й гвардейской армией, хмурился, разглядывая город в бинокль: без уличного боя, похоже, не обойтись. Дома явно крепкие, каждый из них может стать надежным укрытием для врага. Впрочем, штурмовые отряды имеют опыт. Тактика отработана еще в Пруссии - по улице ползет танк, за ним самоходка; стрелки идут цепочкой, прижимаясь к стенам домов, и, если надо, лупят по балконам, по окнам, по чердакам. За ними следуют группы закрепления, огнеметчики...

Но оказалось, что драться не с кем. Город был пуст - ни единой живой души. Куда подевались местные жители, оставалось загадкой.

Когда разведчики и саперы проверили замок, туда вошли генералы. В одном из центральных залов обнаружился рельефный макет - примерно шесть на шесть метров. Впервые люди увидели внутреннюю схему Эксклава. Причем, если некоторые части макета - например, цитадель, крепостные стены и городские дома

- можно было потрогать руками, то другие представляли собой объемные цветные картинки. Термин 'голография' был еще не в ходу, и офицеры удивленно цокали языками. Особенно впечатляла высокая спиральная башня, похожая на скелет. Башня эта, судя по голограмме, была значительно выше замка. Но в реальности она не существовала, на этом месте было чистое поле. Зачем ее нанесли на схему?

Генерал Баграмян, командующий фронтом, пожал плечами и приказал все сфотографировать. А буквально через минуту офицеры почувствовали вибрацию под ногами. Это было похоже на землетрясение. Откуда-то из подземелий донесся тяжелый скрежет. Офицеры переглянулись и поспешили наружу. Отойдя на безопасное расстояние, они наблюдали, как рассыпаются стены. Казалось, что замок, окутанный облаком грязной пыли, проваливается в бездонную яму. Через несколько минут на его месте осталась только груда камней.

Фотоснимки макета оказались весьма полезны. С их помощью нашли еще несколько ядовитых болот, а также пару фортов, которые, впрочем, были покинуты. Мурены тоже попрятались - наверно, поняли, что иначе их изведут под корень. На месте недавних стычек бойцы находили Горючие Слезы. Камешки полагалось сдавать (даже контрольная комиссия появилась), но часть все равно растащили на сувениры. И уже очень скоро невесты и жены по всей стране щеголяли новыми украшениями. Цена на эти капельки света в Союзе быстро упала, хотя на экспорт их продавали втридорога.

После войны север Восточной Пруссии включили в состав советской Литвы, а то, что южнее, отдали Польше. И только для Эксклава сделали исключение, приписав к РСФСР. Решили, что никто, кроме русских, с этой нечистью толком не разберется...

Была разработана программа переселения. В Эксклав эшелонами завозили людей, ударными темпами начали строить город. Но колдовское прошлое этих мест давало о себе знать. Многие переселенцы чувствовали себя неуютно, их мучали кошмары и пугающие видения. Количество психических расстройств нарастало, происходили самоубийства. Другие приезжие, впрочем, были вполне довольны и ни на что не жаловались. Изучив статистику, врачи пришли к выводу - здоровье в Эксклаве напрямую зависит от того, какой у человека узор. Чем ярче и сложнее 'татуировка' у тебя на предплечье, тем лучше ты себя чувствуешь. Состав населения стал меняться - многих отправляли обратно, а на их место прибывали другие. Биологи внимательно наблюдали. Заодно они пытались ловить мурен, которые иногда еще появлялись. Где эти твари прячутся и

как умудряются парить над землей, было сплошной загадкой. Поймать живой экземпляр никто еще не сумел.

А в середине пятидесятых ученые, судя по всему, раскопали нечто совсем уж невероятное: Эксклав объявили закрытой зоной, и попасть туда стало практически невозможно. В прессе об этом клочке земли больше ничего не писали, как будто его и не было никогда.

Так продолжалось до перестройки, когда писать разрешили о чем угодно. Газеты разной степени желтизны увлеченно спорили - что же там происходит на самом деле? Самая невинная версия сводилась к тому, что в Эксклаве находится инопланетная база - пришельцы продают технологии, а им за это разрешают ставить опыты над людьми. Эту, с позволения сказать, зону свободной торговли в секретных документах называют, якобы, 'регион 39'.

Были, впрочем, и вполне серьезные публикации, но они касались, скорее, исторических и политических телодвижений вокруг Эксклава. Так, например, один журнал довольно убедительно утверждал, что Кремль в девяностом году пытался спихнуть нехорошие земли немцам - поскольку это, вроде как, тоже кусочек Пруссии. Ну, в географическом смысле. Один советский военный якобы намекнул на это дипломату из ФРГ. Но в Бонне замахали руками: 'На фиг, на фиг, себе оставьте'.

Так что, несмотря на распад Союза, Эксклав остался частью России. Статус запретной зоны все еще сохранялся. Впрочем, контрабанде Горючих Слез это практически не мешало - во всяком случае, на гигантском рынке возле спорткомплекса 'Лужники' они продавались почти в открытую. А потом челноки развозили их по стране, и синеватые огоньки загорались ночами за тысячи километров от запретного края...

Глава 10

Андрей оторвался от монитора и устало потер глаза. Впервые в жизни он так долго просидел за компьютером. За окном уже темнело, и машины включили фары. Железные кони, всхрапывая, толпились на перекрестке и, едва загорался зеленый свет, уносились дальше по улице. Стоял непрерывный гул, и бензиновые пары расплзались между домами.

- Тебе машины спать не мешают? - спросил Андрей, обернувшись.

- Нет, - сказал Пашка, - привык уже. Даже нравится. Не то, что у нас - раз в полчаса проедет кто-нибудь ночью, а потом все как будто вымерло. А здесь до утра гоняют. И магазин открыт круглосуточно. Ну, в смысле, супермаркет.

- Вот кстати, - сказал Андрей, - пожрать бы уже пора. А то некормленный оборотень - это всегда чревато.

Пашка хихикнул, но не очень уверенно. 'Сыт, гаденыш', - с удовольствием подумал Андрей. Потом спросил:

- Ну, так что? Есть что-нибудь съедобное?

- Есть колбаса. И картошку можно пожарить.

- Да? Ну, пошли, почистим.

- Ее не надо чистить. Она в упаковке, уже порезана. Замороженная.

- Буржуй, блин. Ну, давай картошку. А я в интернете еще пороюсь.

Пашка ушел на кухню, и Андрей снова подсел к экрану. Об истории Эксклава он сегодня прочел немало, но толку от этого было чуть. Никаких подсказок насчет того, где искать явки контрабандистов. Ну, разве что, пойти на базар и там потрясти торговцев. Пусть скажут, кто им приносит шарики. Абы кому они не признаются, но если сунуть под нос набухший кровью узор...

Андрей уже не в первый раз обратил внимание, что не испытывает моральных терзаний от перспективы взять кого-нибудь за грудки и прорычать в лицо: 'А ну, колись, сука! Быстро!..' И скорость, с которой прорастала в нем вторая натура, его уже не пугала. Словно происходило нечто совершенно естественное...

Отогнав эти мысли, он придвинул клавиатуру поближе. Надо было еще узнать, во сколько завтра солнечное затмение. И как долго оно продлится. И что умные люди думают по этому поводу.

Сразу выяснилось, что в Москве затмение будет всего лишь частичным. В максимальной фазе солнечный диск будет перекрыт на две трети. Это произойдет в 15.09. При этом синоптики обещают пасмурную погоду, так что многие, наверно, просто ничего не заметят. Турфирмы наперебой предлагают путевки в Болгарию или в Крым, где солнце закроется почти полностью. Ну, и в европейских столицах вроде Парижа тоже потемнеет заметно.

Астрологи в один голос называли предстоящее действие 'затмением Нострадамуса'. Катрен про 'короля ужаса' разобрали уже буквально по буквам. Что конкретно имел в виду премудрый Мишель, никто до сих пор не понял, но подозревали всякие гадости. В подтверждение ссылались на Эдгара Кейси, Распутина и блаженную Нюру из деревни Серые Мхи. И вообще, как узнал Андрей, планеты в данный момент расположились на небе крестообразно, а Черная Луна застряла в Стрельце (конкретно - на восьмом градусе). Ясен пень - ничего хорошего это не предвещает. Звездочетов, правда, слегка утешало то, что мрак накроет, в первую очередь, Европу, а не Россию.

Андрею стало интересно, что сами европейцы думают по этому поводу. Отыскав переводы из иностранных газет, он прочел

заявление швейцарской провидицы, согласно которому в день затмения на Землю упадет космический зонд 'Кассини' с двумя пудами плутония на борту, и 200 тысяч человек будут поражены лучевой болезнью. Ознакомился с мнением венского профессора геологии, назначившего на август третью мировую войну с последним сражением в окрестностях Кельна. Посочувствовал французскому кутюрье, который, по-своему расшифровал предсказания Нострадамуса, теперь ожидал, что завтра на Париж спикирует орбитальная станция 'Мир'...

Впрочем, были и довольно остроумные наблюдения. Например, в одной статье отмечалось, что лунная тень пересечет Европу с запада на восток и, захватив причерноморские страны, уйдет в сторону древней Персии. То есть, повторит в обратном порядке маршрут расселения homo sapiens. Отправит человечество, так сказать, назад в глубину веков.

А астроном из Гейдельберга сказал: 'Еще древние греки понимали физический смысл затмения, но до сих пор оно производит мощный эмоциональный эффект. Биологи связывают это с нарушением восприятия. Земля, небо и солнце - главные элементы, образующие нашу реальность. А во время затмения привычный мир выбивается у нас из-под ног. Дневной свет неожиданно угасает - и это воздействие сравнимо только со смертью. Мне кажется, когда человек умирает, происходит нечто подобное'.

М-да, подумал Андрей, веселая аналогия. В день рождения скучать не придется...

В кухне уже вовсю шкварчала картошка, и запах полз по квартире. Андрей встал и с наслаждением потянулся. Прошелся по комнате. Да, Пельмень неплохо устроился. Живет пока что не один, а с папашей, но тот постоянно уезжает в командировки. Вот как сейчас, к примеру. Квартира хоть и на краю города, но до метро пятнадцать минут пешком. А вообще-то, папочка уже обещал, что разрешит и машину брать...

- Пиво будешь? - спросил Пельмень.

Даже стаканы у него были не простые, а навороченные - тяжелые, с толстым дном и надписями готическим шрифтом. Они вполне уместно смотрелись бы в каком-нибудь мюнхенском погребке, где наливают из бочки с краником, а красноносые бургеры замышляют пивные путчи. Впрочем, какие путчи? Давно проехали. Плачут, наверно, что 'Бавария' Лигу чемпионов продула...

Пашка рассказывал, как он поступал в институт. С гордостью сообщил, что к экзаменам вообще не готовился, потому что бабки были уже уплачены. Ему достался билет про восстание

декабристов, и он украдкой спросил у соседки, когда была вся эта бодяга. Та назвала ему год, а про месяц он догадался сам, исходя из названия мятежа. Этого оказалось вполне достаточно. Он, правда, перепутал номер царя, который тогда занимал престол, и несколько невпопад начал рассказывать о рабочем движении - так что один из преподавателей, принимавших экзамен, не выдержал и вышел из кабинета...

Вспоминая об этом, бывший одноклассник жизнерадостно ржал, а Андрей размышлял о том, что Пашка, к счастью, будет всего лишь юристом. Но по такому же принципу поступают в архитектурный, в авиационный и в медицинский. Пройдет еще пара лет, и эти люди будут проектировать небоскребы, строить пассажирские лайнеры и делать трепанацию черепа. И как-то совершенно не тянет в будущее, где результаты этих трудов станут видны на каждом шагу.

Но Пашку такие глупости, конечно, не занимают. Он готовится к студенческой жизни. Раз в год папаша будет башлять, чтобы сына перевели на следующий курс. Через пять лет Пельмень, наконец, получит диплом, и за терпение ему подарят квартиру. Потом отец устроит его на работу. Ну, то есть, покажет место, куда надо приезжать к девяти утра и сидеть до шести, радуясь халявному интернету. Еще, правда, придется иногда подписывать документы, в которых ничего не понятно, но папа, если надо, подскажет...

Блин, подумал Андрей, неужели Пельмень всегда таким был? Или это и есть взросление? Поверить страшно...

Андрею вдруг показалось, что его жестоко и бездарно разыгрывают. Что Пашка, с которым они гоняли мяч во дворе и смотрели фильмы по видику, остался в маленьком городке среди степей и холмов, а за столом сидит незнакомое существо в резиновой маске. Или, может быть, кукла, у которой в спине торчит ключик для подзаводки: ее посадили здесь на пару часов, пока не уйдет Андрей, но немного не рассчитали - пружина ослабла, завод кончается, и кукла теряет сходство с оригиналом. Движения замедляются, гримаса на лице застывает, а каждое слово тянется мучительно долго, как на магнитофоне с севшими батарейками. Лампочка под потолком начинает мигать и потрескивать, потом окончательно угасает, словно неведомый режиссер пытается скрыть обман, но даже света уличных фонарей более чем достаточно. И чтобы не видеть это убожество, Андрей встает и выходит из кухни, захлопнув за собой дверь. Сейчас он хочет лишь одного - лечь и заснуть, забыть обо всем, что случилось за эти дни. Он падает на диван и закрывает глаза, но перед тем, как окончательно отключиться, успевает понять, что

перед ним сидела даже не кукла, а мертвяк, засохшая мумия - из тех, что умеют притворяться живыми. И он уже видел такую в раздевалке на выпускном...

Проснувшись, он не сразу сообразил, где находится, и несколько секунд бессмысленно озирался. Было светло, часы показывали, что дело уже за полдень. Матово блестел экран телевизора. На занавеске сидела одинокая муха.

И еще был запах. Отчетливый запах тления.

Андрей принялся и вышел в прихожую. Воняло из кухни - словно там, за закрытой дверью был древний склеп, в который никто не входил уже много лет. Взявшись за дверную ручку, Андрей собрался с духом, но потом передумал и отступил на шаг. Вряд ли то, что он там увидит, поможет ему разобраться в происходящем. Скорее, наоборот, запутает еще больше. А оно ему надо? Проблем хватает.

'Кстати, - сказал сам себе Андрей, - с днем рождения вас, товарищ Сорокин'. Живите, как говорится, долго и счастливо. Если сумеете, конечно.

Он прошел в ванную и умылся. Вернулся в комнату, раздвинул шторы и долго смотрел на улицу. Небо было затянуто облаками - синоптики, выходит, не обманули. Ну, что ж - по крайней мере, не жарко. Рубашка с длинными рукавами будет вполне уместна. Ладно, пора уже выдвигаться. Едем на рынок, там разберемся. Где у нас Лужники на карте? Станция Спортивная, вроде, красная ветка? Одна пересадка, ясно.

Андрей подобрал с пола сумку. С момента отъезда из дома та уже несколько похудела - штаны и майку, в которых он сел на поезд, пришлось выбросить сразу после побоища под Воронежем, потому что отстирать было невозможно. Можно что-нибудь на рынке купить взамен. А сейчас - пора сваливать. Спасибо, как говорится, этому дому. Извиняй, Пельмень, если что не так...

...Рынок в Лужниках раскинулся широко, но воображение Андрея не поразил. Палатки, заваленные дешевыми шмотками, ничем не отличались от тех, что он видел у себя в городе за тысячу километров южнее. Даже лица продавцов казались знакомыми, а гортанные голоса звучали как привет с малой родины. Разве что, лабиринт торговых рядов здесь был побольше и посложнее.

- Золото, доллары, Горючие Слезы!

Андрей даже вздрогнул от неожиданности. Обернулся и заметил цыганку. На ней была длинная юбка в белый горошек, сиреневые шлепанцы и бесформенная ворсистая кофта. Тетка бродила туда-сюда и время от времени повторяла свой немудреный рекламный слоган. Андрей подошел поближе.

- Золото надо, парень?

Он отрицательно покачал головой.

- Доллары? Бери, хорошие.

'Ты б еще сказала, свежие', - подумал Андрей. А вслух произнес:

- Горючие Слезы почему у вас?

- Тебе сколько надо?

- Ну, одну хотя бы. Они вообще настоящие?

- Настоящие, конечно! Вчера только привезли. Бери три сразу, зачем одну? Невесте подаришь, всю жизнь любить тебя будет...

- Я посмотреть хочу, - перебил Андрей. - Они у тебя с собой?

- Смотри на здоровье! Думаешь, я обманывать буду?..

Андрей, который именно так и думал, с сомнением поглядел на бесцветный шарик, предъявленный в качестве доказательства.

- Можно?

Подделку он почувствовал сразу, едва шарик лег ему на ладонь. Материал был искусственный - оргстекло или что-то вроде того. Обычный человек мог бы и не заметить, но для мерцающего все было очевидно.

- Ясно, - сказал Андрей, возвращая товар цыганке. - Удачной торговли.

Он повернулся, чтобы уйти, но она вдруг схватила его за локоть.

- погоди, парень! Вижу, что разбираешься. Вот, специально для тебя берегла, - она порылась в кармане кофты. - Ну, как тебе?

Да, эта Слеза была настоящая - слегка мутноватая, но зато очень крупная, раза в полтора больше той, что подарил Андрею отец. И, стоило только дотронуться до нее, как внутри мелькнула красноватая искорка - всего на миг, но этого было вполне достаточно.

- Ну что, берешь?

- Взять - пожалуй, возьму, - ответил Андрей, - но покупать не буду.

Цыганка попыталась вырвать у него свою драгоценность, но Андрей перехватил ее руку. И, прежде чем она успела завизжать на весь рынок, тихо сказал:

- Попробуешь кричать - пришибу.

Она посмотрела ему в глаза, и ее лицо посерело. Он сдвинул рукав на ее предплечье, обнажив обычный синий узор. Поднес к нему свою 'паутину'.

- Где ты взяла Слезу?

Тетка прошипела что-то невнятное, но он уже уловил нужный образ. Она не знала, как смолу привозят в Москву. А тот шарик,

что сейчас достался Андрею, цыганята притащили позавчера - выудили из кармана у поддатого мужика в дорогом костюме.

- Толку от тебя никакого, - пожаловался Андрей.

- Ты страшный человек, - с ненавистью процедила цыганка. - Идти тебе по мертвой дороге...

- Гадание я не заказывал. Все, свободна. Вали отсюда.

Она моментально затерялась в толпе, а он пошел наугад, разглядывая прилавки. Рынок галдел. Торговцы перекрикивались резкими голосами, а из каждой второй палатки доносились позывные 'Русского радио'. Тщедушный вьетнамец с натугой толкал тележку, на которой были навалены огромные тюки в несколько штабелей. Остро запахло кожей, и Андрей попал в закуток, завешанный куртками и дубленками. Еле отбилась от экспрессивных кавказцев, которые, вращая глазами, требовали примерить и обещали грандиозную скидку. Забрался в обувные ряды, кое-как нашел дорогу обратно. Полюбовался шубами, коврами и рулонами тканей. Зачем-то сунулся в павильон с мягкими игрушками. Котики, собачки и зайчики были таких расцветок, что возникала мысль о радиоактивных осадках. Некоторые зверушки вообще не поддавались опознаванию. В углу сидело бочкообразное существо размером со взрослого человека - у него было нечто, похожее на рога, и богатая черно-желтая шкура. Андрей прочел подсказку на ценнике: 'Пчелка Майя'.

Он вышел из магазина и подумал, что нужно спросить дорогу - иначе можно блуждать до вечера. За спиной раздалось: 'Горячий чай, кофе!' Андрей почувствовал голод, но решил, что отвлекаться не будет. Посмотрел на часы - без двух минут два.

И в тот же миг восприятие изменилось.

Андрей затруднился бы описать свои ощущения - подходящих слов для этого не было. Казалось, он шагнул сквозь невидимую бесплотную стену - или стена сама надвинулась на него, так что он очутился в огромной колбе, где воздух становится осязаемым и обретает легкий сероватый оттенок. Андрей сообразил, что нечто похожее он испытывал при погружении в тусклый мир. Только сейчас все было наоборот - тусклый мир сам прорвался на московские улицы.

Где-то вверху, за тучами луна соприкоснулась с солнечным диском.

В городе начиналось затмение.

Он припомнил, что максимальная фаза наступит через час с лишним. Это время следовало использовать с толком. Андрей огляделся по сторонам и сразу понял, куда ему направляться. Торговый ряд, где продавалась дешевая бижутерия, отыскался через минуту. И почти сразу на одном из прилавков вспыхнула

знакомая искорка. По идее, Горючие Слезы днем не светились, но сейчас их разбудила лунная тень, которая напознала на город. Андрей подошел ближе и протянул руку. Искорка замерцала сильнее. Продавец - мордатый мужик в рубахе навывпуск - удивленно разинул рот.

Андрей, не тратя время на лишние разговоры, продемонстрировал свой узор. Линии на руке меняли оттенки настолько быстро, что казалось, будто они змеятся. Андрею было понятно, что 'паутина' реагирует на затмение, но торговец был сражен окончательно.

- Давай по-быстрому, я спешу. Кто тебе товар поставляет?

Мужик сглотнул и ответил:

- Мне дружбан привозит. Он в Эксклав мотается регулярно.

Видно было, что он не врет.

- На чем мотается?

- На микроавтобусе, вроде.

- Откуда отправляются?
- С автовокзала.
- Где это?
- На Щелчке.
- Яснее говори, я не местный. Адрес, метро какое?
- Щелковское шоссе. Метро - последняя остановка на синей ветке.

- По каким дням они уезжают?
- Я не знаю. Не знаю, правда!
- Вижу, - сказал Андрей.

Он был уверен, что отправление не пропустит. Сегодня его день, а значит - все один к одному. Немного странно, правда, что контрабандисты выбрали такое людное место. Они, по идее, должны встречаться где-нибудь в глухом переулке, подальше от чужих глаз. Или наоборот, хотят в толпе затеряться? По принципу - лист надо прятать среди таких же листьев, в лесу? А почему на востоке города собираются, если ехать на запад? Тоже загадка. Ладно, там разберемся.

Он быстро добежал до метро и уже через пятнадцать минут пересел на синюю ветку. Под землей влияние лунной тени не ощущалось, узор на руке пришел в спокойное состояние, и Андрей на какое-то время почти поверил, что он нормальный человек, как все остальные. Может, он даже настоящий москвич, едет мимо Кремля по своим делам, и для него это - тьфу, привычное дело.

Вагон покачивался, колеса мерно стучали, и Андрею хотелось, чтобы это продолжалось как можно дольше. Чтобы просто стоять, отрешенно глядя в темноту за окном, и не вспоминать о мумиях, черных ведьмах и цыганских проклятьях. Его попутчикам хорошо - они скоро выйдут на своих остановках и отправятся по домам, где их наверняка кто-то ждет. И только он, Андрей, должен искать каких-то мутных контрабандистов, чтобы уехать с ними неизвестно куда.

- Станция Измайловский парк, - оповестила дикторша. - Следующая - Измайловская.

Молодцы, подумал Андрей, с фантазией имена подбирали. Долго, наверно, мучились...

Свет в вагоне вдруг изменился, и Андрей даже вздрогнул от неожиданности. Он не сразу сообразил, что поезд всего лишь выехал из туннеля на открытый участок. Узор на руке ожил и снова начал пульсировать. Покалывание было приятным - казалось, лунная тень щекочет кожу сквозь ткань рубашки. Андрей прикинул, что, судя по времени, солнечный диск закрылся уже на треть. Впрочем, для обычного зрения разница

было почти незаметна. Ну, разве что, могло показаться, что тучи сгущаются слишком плотно.

Поезд метро, который сейчас превратился в обычную электричку, с лязгом катился по эстакаде. Справа был лесопарк с мелким пересохшим оврагом. Слева показалось депо - длинный мрачноватый ангар и пустые вагоны, забытые на запасных колеях. Потом потянулись автомобильные гаражи, стоящие друг к другу настолько плотно, что сверху напоминали стадо баранов. На одной из крыш сидели подростки с пивом. Дальше была дорога, а за ней - пятиэтажки-хрущевки. Можно было подумать, что поезд запутался в лабиринте и, вместо Москвы, выскочил в провинциальный райцентр.

Ну, что ж, подумал Андрей, тем лучше - не так жалко будет отсюда сваливать.

Поезд опять втянулся в туннель, и минут через пять уже прибыл на конечную станцию. Выйдя из-под земли, Андрей оказался на перекрестке. Одна из улиц, судя по всему, и была тем самым шоссе - машины перли непрерывным потоком. Троллейбусы испуганно цеплялись за провода. Мелькнул автобус с интригующим описанием городского маршрута: м. Щелковская - 2-й Московский крематорий.

Андрей обратил внимание, что шоссе на этом участке проходит точно с запада на восток, отклоняясь буквально на пару градусов. При этом на западе, как обычно, торчала башня-скелет, невидимая для обычных людей. И возникало полное впечатление, что дорога упирается прямо в эту громаду.

Он решил считать это знаком. Потом напомнил себе, что сейчас некогда отвлекаться на абстрактные рассуждения, и быстро огляделся по сторонам. Автовокзал Андрей узнал сразу - приземистое серое здание и куча ларьков вокруг. Водители, зывая клиентов, подходили прямо к метро:

- На Рославль через Десногорск!
- Кинешма, Вичуга!
- Нижний Новгород, Вязники, Гороховец!
- На Киржач!

Андрей догадался, что это населенные пункты, хотя из всех перечисленных ему был знаком, разве что, Нижний Новгород. Жаль, что поездку в Эксклав никто подобным способом не объявит. Насколько бы проще было...

Впрочем, фигня - и без подсказок справится. Вокруг сейчас тусклый мир, солнечный диск наполовину закрыт луной. Удачнее момента не подберешь.

Он подошел к вокзалу. В стойлах стояли два чадающих 'икаруса' и один экскурсионный автобус нахально-заграничного

вида - блестящий, чистенький, с просторной кабиной. Хмурые пассажиры 'икарусов' с подозрением косились на заморское чудо.

Андрей на всякий случай заглянул в здание, прошелся вдоль касс, но ничего интересного не увидел. Люди как люди - покупают билеты, смеются, изучают расписание рейсов. Нет, так он ничего не найдет. Надо действовать по-другому.

Он снова вышел наружу и остановился между двумя ларьками, где народу было, вроде, поменьше. Однажды Андрей уже работал живым локатором - когда выслеживал Пашку. Но тогда он точно знал, кого необходимо искать. Сейчас его цель - некие абстрактные личности на некоем абстрактном микроавтобусе. Этого мало, нужен дополнительный ориентир.

Собственно, зацепка только одна - Горючие Слезы. В том смысле, что чуваки с ними связаны постоянно, а значит, должен быть след. Будем искать по этому признаку. Кстати, авгур, если верить его запискам, шарики использовал очень лихо. Пожалуй, и мы попробуем...

Андрей вытащил из кармана кусок смолы, конфискованный у цыганки, и положил его на ладонь. Свечение усилилось, и шарик теперь напоминал уголек. Андрей зажал его в кулаке, и почувствовал, как по коже идет тепло. Нити на руке, впитывая нарастающий жар, приобрели красновато-желтый оттенок. Это было похоже на раскаленные провода, перепутанные друг с другом.

Прикрыв глаза и сосредоточившись, Андрей медленно повернулся вокруг оси, надеясь, что не выглядит со стороны, как городской сумасшедший. В какой-то момент рука болезненно дернулась, словно его ударило током. Потирая предплечье, Андрей подумал, что зря сравнил узор с проводами. С метафорами надо быть аккуратнее...

Разжав кулак, он посмотрел на Слезу. После яркой вспышки она погасла, как перегоревшая лампочка. Теперь это был просто прозрачный шарик, ничем не лучше подделки из оргстекла. Впрочем, уже не важно - трофеей помог, Андрей засек направление. Похоже, надо выйти прямо к шоссе. В общем, это логично - так тоже есть остановка, где тормозят обычные городские маршрутки. Почему среди них не может остановиться микроавтобус, который пойдет в Эксклав? Очень даже может. И в глаза лишний раз бросаться не будет.

Ладно, сейчас посмотрим.

Выбросив шарик в урну, он быстро зашагал к остановке. Одна 'газель' как раз отправлялась, но это было не то - Андрей видел, как в салон погрузилась мамаша с двумя детьми, а другие места занимали, по большей части, пожилые хмурые тетki. Во второй

микроавтобус влезла компания галдящих подростков. Трехзначный номер маршрута Андрею, естественно, ничего не сказал, но он даже не стал уточнять.

Это не здесь - он чувствовал. По руке снова прошел разряд, и Андрея как будто потянули за ниточку. Машинально он сделал шаг с бордюра на мостовую и едва не угодил под машину. Похоже, след уводил еще дальше через дорогу, хотя на той стороне никакой остановки не наблюдалось. Но проверить, конечно, надо.

Поленившись отойти к подземному переходу, Андрей улучил момент и пересек шоссе короткими перебежками. Кто-то разъяренно бибикнул, но он даже не обернулся. Жжение усилилось, невидимая нить натянулась еще сильнее. Андрей заскочил во двор панельного дома.

У подъезда стоял грязно-белый микроавтобус.

Андрей перевел дыхание и подошел поближе. Водительская дверь была приоткрыта. Мужики, кутившие рядом, негромко переговаривались. Двоим было лет по тридцать: один рыжий, морда в веснушках, другой белобрысый - скорее всего, прибалт. Их спутник выглядел значительно старше - седой, с морщинистым дубленным лицом.

- Здравствуйте, - сказал Андрей вежливо. - Пассажира возьмете?

Они переглянулись.

- Мы не маршрутка, - сказал прибалт. - Остановка вон, на шоссе.

Андрей вздохнул, закатывая рукав. Рыжий выругался сквозь зубы. Пожилой, скривившись, пробормотал:

- Твою мать, значит, все же не сказки. Какого ж черта они?..

Потом, оборвав сам себя, спросил:

- Чего тебе надо, парень?

- Ничего, - ответил Андрей. - Еду с вами в Эксклав.

Рыжий вскинулся, но старший коллега предостерегающе поднял руку.

- Зачем тебе туда?

- По делам, - пожал плечами Андрей.

За время этого разговора из машины выбрались еще двое - невысокий лысый крепыш и сутулый очкарик, похожий на зачуханного студента. Седой мельком взглянул на них и, снова обращаясь к Андрею, заговорил вдруг неожиданно гладко:

- Знаете, ваша 'татуировка', произвела на нас впечатление. Но пока что это всего лишь красивый визуальный эффект. Не считите за наглость, но хотелось бы увидеть некое... гм... материальное подтверждение.

'Ишь ты, как завернул', - с уважением подумал Андрей и сказал:

- Извольте.

Подошел к лавочке и, взявшись за спинку, на секунду взглянул на небо. Отметил, что лунная тень густеет, и сжал кулак. Кусок дерева под его рукой превратился в труху, которая тонкой струйкой просыпалась на асфальт.

- Слышь, Михалыч, - подал голос лысый, - а на Линзе этот крендель нам пригодится.

- Возможно, - согласился седой. - Но до Линзы надо еще доехать.

- Давайте отправляться, - сказал Андрей. Он чувствовал беспокойство. Что-то происходило вокруг, и лунная тень уже не щекотала предплечье, а словно царапала коготками. - Чем быстрее, тем лучше, поверьте на слово.

- Шустрый ты больно, - заметил рыжий. - Мы еще двоих ждем.

- Они не обидятся, - ответил Андрей. - Я тебе гарантирую.

Где-то на шоссе завывала сирена. Контрабандисты уставились на него.

- Это за тобой, что ли? - спросил седой.

- Это за нами. Мы едем вместе, не забывайте.

- Так, - сказал старший. - Сейчас хватаем вещи и разбегаемся. Резко, в разные стороны. Машину здесь оставляем, хер с ней...

- Я микрик не брошу, - сказал прибалт.

- Я тоже, - лысый сплюнул на клумбу. - Сам знаешь, Михалыч, мне надо к пятнице там быть, причем с баблом. Иначе песец...

Повисла пауза.

- Понятно, - буркнул седой. - А без меня вы там хрен проедете... Герои, мля...

Он повернулся к рыжему:

- А ты вали, Аркаша. Вали, говорю! Ты москвич, ты с голоду не помрешь. И этого с собой заberi.

Седой кивнул на 'студента'. Тот возмущенно вякнул, но Михалыч уже не слушал. Он заглянул в салон и вытащил две сумки с вещами. Сунул их Аркаше и парню, потом прикрикнул на остальных:

- Чего стоите? В машину, мухой!

Андрей и лысый влезли в салон, прибалт метнулся за руль. Михалыч тоже забрался внутрь и захлопнул за собой дверцу. Фыркнул мотор, и машина тронулась. Андрей успел заметить в окно, как рыжий удерживает 'студента', который, кажется, готов был броситься следом. Потом микроавтобус выехал со двора и свернул направо, в сторону МКАДа. И сразу же водила затормозил и ругнулся матом.

Шоссе впереди было перекрыто.

Поперек дороги стояли три милицейских автомобиля. До них было метров сто. Обычные машины, уткнувшись в эту преграду, образовали на встречной полосе гигантскую пробку. Андрей посмотрел назад. Там был такой же кордон.

Андрей скривился. Ведьмы постарались, похоже - нашли его все-таки. Каким образом? Засекли, наверно, упражнение с шариком.

И что - они думают, его так можно остановить? Три машины? Ха...

Нет, не настолько они тупые. Остановить не смогут, понятно, а вот задержать на пару минут или просто отвлечь внимание...

Послышался резкий клекот, и впереди над шоссе завис вертолет. Но не пузатенький трудяга Ми-8, а явный хищник с приплюснутым корпусом и пилонами по бокам. Андрей подумал мельком, что это, похоже, и есть 'черная акула', про которую он когда-то смотрел кино.

- Твою мать! - заорал водила. - Он же стрелять собрался!..

И время остановилось.

Вертолет застрял в загустевшем воздухе, соосные винты разом прекратили вращение, и лопасти превратились в длинные нелепые палки.

Микроавтобус стоял посреди дороги.

Водитель замер, вцепившись в руль и наклонившись вперед.

Лысый выставил руку, словно прикрывшись от ракет и снарядов.

Стрелки на часах показывали 15.09.

Затмение вступило в максимальную фазу.

Краски совершенно поблекли.

Звуки исчезли.

И в этот застывший кадр вдруг ворвались два чужеродных тела. Они появились у дальнего милицейского заграждения, и Андрей даже не сразу сообразил, что это две черные иномарки с мигалками. Они неслись по дороге, существуя отдельно от остального мира. Словно здесь, в Москве им было плевать не только на правила уличного движения, но и на законы природы. От удивления Андрей моргнул, и на миг ему показалось, что вместо иномарок по асфальту бегут огромные пауки, чьи тела сплетены из черных жгутов. Это было настолько мерзко, что он закричал, и от этого крика лунная тень вокруг колыхнулась.

В тот же миг Андрею почудилось, что башня-скелет на западе вдруг пробудилась к жизни, и на вершине сверкнул огонь. Словно включился прожектор на маяке - или в глазнице черепа отразился солнечный свет, прорвавшийся сквозь просвет в облаках.

Скелет как будто подмигнул Андрею: 'Давай'.

И от микроавтобуса прошла тугая волна.

Время снова ускорилося, и запах тления ударил в ноздри.

Встречную полосу, насколько хватало глаз, заполняли ржавые скелеты машин, а вдоль дороги торчали обугленные деревья. Вертолет, рассыпаясь в воздухе, рухнул на обочину слева, и там разбухло грязное облако. Андрей посмотрел в ту сторону, откуда двигались пауки. На асфальте темнели две липкие тошнотворные кляксы.

Андрей подумал, что, похоже, на этот раз он неосознанно контролировал импульс. Волна распространялась не во всех направлениях, а строго на восток и на запад, вдоль автомобильной дороги. Причем, микроавтобус не пострадал, как будто вокруг него образовался 'глаз бури', крошечный островок безопасности. То ли навыки уже появились, то ли башня так помогла...

Попутчики сдавленно матерились, глядя вокруг. Прибалт за рулем торопливо прикуривал сигарету. Седой спросил у Андрея:

- Ничего объяснить не хочешь?

Андрей позавидовал его выдержке. Как бы он сам реагировал в такой ситуации? Стоишь, никого не трогаешь, треплешься с корешами - а через минуту перед тобой зависает боевой вертолет, а улица превращается в кладбище? Он, Андрей, будь это месяца два назад, начал бы заикаться. А этому - хоть бы хны. Впрочем, чему удивляться - мужики на мурен охотятся, хрен их чем пугаешь. И 'татуировки' у всех рельефные, сочные. У Михалыча - желтая с красными и травяными прожилками, у лысого - алая с золотым, у прибалта - пурпурно-синяя...

- Объясню попозже, - сказал Андрей. - Сначала из города надо выехать. И, желательно, побыстрее. А то еще кого-нибудь к нам пришлют.

Несколько секунд Михалыч буравил Андрея взглядом, потом сказал водителю:

- Хватит стоять, гони.

И они поехали по мертвой дороге. Скоро скелеты автомобилей стали попадаться и на их полосе. Прибалт лавировал, временами выезжая на тротуар.

- А люди куда все делись? - спросил лысый охрипшим голосом.

- Не знаю, - сказал Андрей. - Наверно, как из поезда под Воронежем. Найдутся где-нибудь, я надеюсь.

- А поезд, значит, тоже твоя работа?

Он пожал плечами и не ответил.

Когда МКАД остался далеко позади, они, наконец, свернули с

шоссе и остановились. Вылезли из машины. Попутчики закурили.

- Так, - сказал Михалыч, - а теперь давай по порядку.

- Ладно, - сказал Андрей, - во-первых, сегодня у меня день рождения. Юбилей, в каком-то смысле...

- Поздравляю, - криво усмехнулся седой. - Хорошо отпраздновал. Ну, и сколько исполнилось? Двадцать пять?

Андрей удивился, но потом увидел свое отражение на стекле, и подумал, что ошибиться немудрено. Игры со временем не добавили ему свежести - физиономия казалась чужой. За школьника не примешь при всем желании.

- Нет, - сказал он, - двадцать пять еще не исполнилось. Но это сейчас не важно...

Конечно, он рассказал не все. Но даже в таком, сокращенном виде история произвела впечатление.

- Да уж, - седой поскреб подбородок. - Вляпались по самое 'не могу'. И обратно не повернешь. А если опять перехватить попытаются?

- Вряд ли, - сказал Андрей. - Думаю, им хватило. Теперь придумают что-нибудь поумнее. А общей облавы на меня не было. Это, наверно, ментам около метро по-быстрому голову задурили - хватайте, мол, террористов или типа того. Ну, о результатах эти 'хвататели' теперь не скоро доложат...

- Да уж...

- Кстати, а почему вы со Щелковской отправляетесь, а не с Кунцевской, например? Это теперь еще Москву объезжать?

- У нас свои маршруты, - туманно пояснил старший. - Иногда чем дальше, тем ближе.

- Базара нет.

Они опять полезли в машину, и водитель завел мотор. Глядя в окно, Андрей размышлял о том, что француз Мишель, изрекавший пророчества в шестнадцатом веке, пожалуй, не так уж прост. Мертвая улица, разрезавшая Москву на пике затмения, - довольно серьезный довод. Но лично ему, Андрею, лунная тень никаких ответов не принесла. В чем заключается пресловутая миссия? Зачем он едет в Эксклав? Этого он не знал до сих пор. А башня-маяк, пробудившись всего на миг, вернулась в прежнее состояние и теперь, как обычно, белела над горизонтом.

Андрей закрыл глаза, но спать не хотелось. Тогда он вздохнул и достал из сумки недочитанный манускрипт.

Рукопись из конверта. Продолжение

В верхней части донжона есть круглая смотровая площадка. Отсюда открывается замечательный вид на все четыре стороны света. На западе - море, порт с кораблями; на юге - река и каменный город. К северу лежат распаханые поля, за ними -

холмы, поросшие лесом. А вот на востоке я вижу нечто такое, к чему никак не могу привыкнуть. Стою, вцепившись в перила, и пытаюсь сообразить, что следует делать дальше...

Тяжелые шаги за спиной. На площадку выходит стражник, держа ладонь на рукояти меча. Бросает на меня внимательный взгляд, но не произносит ни слова. Он знает, кто я; всех, кого надо, уже успели предупредить.

Следом появляется девушка. Она прелестна - невысокая, но изящная; ясные живые глаза и нежная, почти не загорелая кожа. Простое платье без украшений. Вчера я видел ее портрет в одном из парадных залов. Портрет был хорош, но он не мог передать всего очарования юности.

Склоняю голову и почтительно представляюсь. Дочь лорда-наместника кивает и смотрит на меня с любопытством. Ей, насколько я знаю, сейчас пятнадцать. Пройдет еще пара лет, и она станет самой завидной невестой на побережье. Потенциальные женихи уже, наверно, выстраиваются в очередь.

Она держится с врожденным достоинством, но я вижу, что ей немного не по себе. Неудивительно, если вспомнить, что в замке творится какая-то чертовщина. Хорошо еще, что ее подругу, вроде бы, успели спасти.

- Спасибо вам за Энну, - говорит мне юная леди. - Я только что ходила ее проведать. Ей уже лучше - узнала меня и, кажется, была рада...

Разумеется, я тоже навещал пострадавшую. Вчера, когда повесили зеркало, она сразу начала нервничать - озиралась испуганно, словно не могла понять, где находится. Ей дали большую дозу снотворного. Сегодня проснулась совершенно разбитой и не встает с постели. Но, по крайней мере, взгляд стал вполне осмысленным.

- Я рад, что успел помочь.

- Как вы догадались про зеркало?

- Вспомнил похожий случай у нас в архивах.

Дочь наместника неожиданно улыбается:

- Да, Энна теперь идет на поправку, но вот другие дамы проявляют легкое недовольство. Без зеркал остались, это же просто подумать страшно. Признайтесь - я, наверно, ужасно выгляжу?

Я, ничуть не кривя душой, заверяю, что на ее красоте последние события нисколько не отразились. Незатейливый комплимент - но он, похоже, поднимает ей настроение.

- Надо же! Я и не думала, что авгуры могут быть такими галантными.

Невольно улыбаюсь в ответ. Спрашиваю:

- Как же вы нас себе представляли?

- Мне в детстве няня рассказывала, что авгуры - седые грозные старцы. И обязательно с капюшоном!

- Не уверен, что доживу до седин. А капюшон я снял, потому что жарко.

- А где ваши гончие? - жадно спрашивает она. - Можно их посмотреть?

- Мы их с собой не возим. Они приходят на зов.

- Вот как? - моя собеседница оглядывается на стражника и понижает голос. - А можно позвать одну?

- Э-э-э... Видите ли...

- Ну, пожалуйста, пожалуйста! - сейчас она похожа не на знатную госпожу, а на девочку, которая просит куклу.

Смешно, но почему бы и нет? Порадовать ребенка - редкий шанс для человека моей профессии. Обычно приходится заниматься совсем другими вещами.

- Обещайте, что никому не расскажите, - говорю ей тихо.

- Обещаю!

- Хорошо. Смотрите туда, - указав направление, сжимаю свой амулет.

За перилами недалеко от нас начинает дрожать и струиться воздух. Длинная тень, возникшая в этом мареве, стремительно уплотняется. Зубастая пасть раскрывается, таращится оранжевый глаз.

Девушка охает и вцепляется мне в рукав, но смотрит во все глаза - не столько с испугом, сколько с восторгом. Морок висит примерно на уровне наших ног; из глубины площадки его не видно, поэтому стражник не реагирует.

Я слежу за гончей. За миг до того, как она окончательно проявляется, я закрываю вход, и марево исчезает. Дочь лорда-наместника переводит дыхание. Поднимает на меня взгляд:

- А где... откуда они приходят?

- Я не знаю, есть ли у них постоянный дом. Пространство и время для них ничего не значат. Они могут появиться в любом месте в любой момент. Живут одновременно в настоящем, прошлом и будущем. Без них предсказания невозможны.

- Как интересно! А вы можете мне что-нибудь предсказать?

И опять я не в силах сдержать улыбку.

- Прозрения обычно касаются не отдельных людей, а достаточно больших территорий. Или даже всей империи в целом. Чем больше охват, тем сложнее подготовительный ритуал. Впрочем, чтобы сделать пророчество два вас лично, обряд мне совершенно не требуется...

- Правда?

- Чистая правда. Я и так знаю - когда придет время, вы встретите того, кто полюбит вас всей душой. Выйдете замуж и сделаете его самым счастливым человеком на свете.

Она грозит мне пальчиком и смеется:

- Это не пророчество! Признайтесь, вы только что все придумали?

- Придумал, - признаюсь я. - Но я уверен, что так и будет. Любой лорд или даже принц мечтает о такой невесте, как вы.

Она краснеет и хочет спросить еще что-то, но бой часов прерывает наш разговор.

- Ой, мне пора, - говорит моя собеседница. - Мы с вами еще увидимся? Вы мне расскажете про гончих? И про предвидения? Мне так интересно, честное слово!

- Почту за честь, - склоняю голову.

Девушка машет мне рукой и уходит вместе со стражником. Я благодарен ей; она позволила мне отвлечься от мрачных мыслей. Но теперь пора возвращаться к своим проблемам.

Я снова смотрю на восток - туда, где за лесом торчит огромная спиральная башня. Еще вчера ее не было - она появилась ночью. Проросла в том месте, где я бросил на землю шарик.

Да, главный храм авгуров может менять свое место расположения, хоть и происходит это не чаще, чем раз в столетие. Он возникает там, где ткань судьбы вот-вот разорвется.

Вчера я надеялся, что ошибся. Но башня здесь - а, значит, медлить больше нельзя. Хорошо, что никто ее не видит, кроме меня. Иначе бы, наверно, началась паника.

Впрочем, один плюс во всем этом тоже есть. Обряд в главном храме провести значительно проще. И, пожалуй, именно этим я должен сейчас заняться.

Спускаюсь вниз, беру скакуна и покидаю замок. Погода наладилась - небо чистое, солнце печет макушку. Дорога, раскисшая после вчерашнего ливня, уже подсохла. Отдохнувший за ночь скакун бодро бежит вперед. Я же, ради разнообразия, пытаюсь логически размышлять.

Итак, из замка пропали несколько женщин. А в городе, как выяснилось, орудуют черноликие. Напрашивается вывод, что эти два факта связаны. Собственно, я в этом не сомневаюсь. Но меня кое-что смущает. Черноликие не любят артефакты вроде зеркал - предпочитают личный контакт. А союзников, умеющих изготавливать подобные вещи, у них не бывает в принципе - черноликие слишком горды для этого. Они уверены, что справятся сами. Во всяком случае, так было до сих пор. Неужели что-то переменилось, и они сумели обуздать свою спесь? Тогда

это действительно страшно. И опасность так велика, что здесь появился храм.

А ведь люди из Тихой Гильдии тоже прибыли сюда не случайно. И одну черноликую изловили, когда она собиралась встретиться с кем-то. Может быть, с тем самым союзником, который делает для них зеркала. Но тут вмешался я и освободил пленницу. То есть сделал то, что прямо противоречит моей задаче. Но при этом я до сих пор уверен, что действовал вчера правильно. Ум за разум заходит от этих противоречий. Ладно, сейчас я выпущу гончих, и они помогут мне во всем разобраться.

Я подгоняю скакуна, и он несет меня к башне, которая белеет, словно скелет, и достает вершиной до неба...

...Обратно еду, не торопясь. Гончие получили задание и вернутся с вестями завтра. Я раньше часто задумывался над тем, почему они не возвращаются сразу, - ведь время для них, по сути, не существует. Но с возрастом перестал ломать голову и просто принимаю это как данность.

Подъехав к развилке, вдруг вижу оранжевый огонек. При солнечном свете он почти не заметен, однако сомнений нет - я опять получаю знак. Надеюсь, на этот раз обойдется без разрезанных глоток. Этого мне хватило вчера.

Огонек ведет меня по дороге в город - снова к главным воротам. Въезжаю на мощеную улицу. Здесь сегодня не протолкнуться. Крестьяне, ремесленники, торговцы. Ругань, смех, разноязыкий галдеж. Огибаю телегу с рыбой - чешуя сверкает на солнце. Навстречу катит карета, запряженная тремя скакунами. Кучер в золоченой ливрее раздулся от важности, словно везет, как минимум, наследника трона. Прижимаюсь к стене, освобождая проезд.

Оранжевый светлячок приводит меня в богатый квартал. Народу здесь мало, дорога почти свободна. Аристократ лениво едет верхом навстречу. Киваем друг другу сдержанно, а наши скакуны презрительно фыркают, обменявшись взглядами. Огонек угасает у ворот большого особняка.

Фруктовые деревья цветут за витой оградой. Гляжу сквозь прутья решетки - кажется, во дворе никого. Ни садовника, ни прочей прислуги. Дом как будто вымер, ставни закрыты. Послеобеденный отдых? Может быть, конечно, и так...

Ограда высокая, но при этом без шипов наверху. Перелезть, если надо, будет нетрудно. Воров хозяева не боятся - ночью, наверно, выпускают лунных волков во двор. Но это ночью, а сейчас волки спят. В конце концов, не полезут же воры среди бела дня?

Пожалуй, действительно не полезут - они же не дураки. А вот

насчет некоторых авгуров я не уверен...

Быстро оглядываюсь вокруг. Аристократ, который только что со мной разминутся, скрывается за углом. Две дамы с зонтиками чинно идут по улице, но не ко мне, а в другую сторону. Больше я никого не вижу, но чувствую чей-то взгляд - кажется, из дома напротив. Ладно, пусть посмотрят, не жалко. Отъезжаю от ворот, словно ошибся адресом и теперь собираюсь продолжить путь. Небрежно достаю флягу, делаю пару больших глотков. Чувствую, как любопытный взгляд исчезает. Ну, и что скажет моя хваленая интуиция? Еще немного выждать. Секунда, другая...

Время!

Скакун одним прыжком добирается до ограды. Встаю ногами ему на спину и, подтянувшись, перелезаю через решетку. Спрыгиваю во двор. Скакун уходит, чтобы не привлекать внимания. Когда надо будет - вернется, я позову.

Подхожу к парадной двери. Дергаю - она заперта. Открыть - не проблема, но не хочется здесь возиться. Кто-нибудь может случайно заметить с улицы. Огибаю дом, подкрадываюсь к черному ходу. Здесь тоже закрыто, но замок довольно простой. Достаю ключ-отмычку. Что поделать, авгуры - не безгрешные старцы, как это представляется юным девушкам...

В доме тихо, но он не заброшен, это сразу понятно. Все очень чисто, ни малейших признаков пыли. На слугах здесь явно не экономят, но сегодня им, как видно, предоставили выходной. На первом этаже я никого не встретил. Ладно, что на втором?

Осторожно поднимаюсь по лестнице. Слышу неясные голоса. Ага, похоже, не зря зашел. Рискну предположить - хозяева отослали прислугу, чтобы в тишине заняться чем-нибудь интересным. Чем конкретно - сейчас узнаем.

Подхожу к двери, за которой что-то бубнят. Чувствуя себя актером из водевиля, наклоняюсь к замочной скважине.

Ого, да тут есть, на что посмотреть. В комнате собрались знатные дамы, пять... нет, шесть человек. Замысловатые прически, пышные платья. Поскольку ставни закрыты, горит светильник. Тоже, естественно, не дешевый, с алхимическим камнем. Дамы расселись на креслах и мягких стульях - но не в кружок, а, скорее, как студенты на лекции. Все глядят в одну сторону. Что они там увидели, я не знаю - обзор через скважину, к сожалению, не идеален.

Одна из дам поправляет прическу, словно смотрится в зеркало.

Меня прошибает холодный пот.

Зеркало!

Первое побуждение - выбить дверь, но мне удастся себя

сдержать. Сейчас мне представляется шанс узнать, как действуют проклятые артефакты. И я, как ни цинично это звучит, не собираюсь упускать такую возможность. Этих куриц, конечно, жалко, но что поделать...

- Все готовы? - спрашивает одна из присутствующих - наверно, хозяйка дома.

Ее подруги кивают и переглядываются. Похоже, им страшновато. Хозяйка подходит к лампе и гасит свет. Комната погружается в темноту. С минуту все сидят тихо, потом кто-то испуганно ахает.

На лица женщин ложатся бледные лиловые отсветы.

Они смотрят, не отрываясь, глаза у всех широко раскрыты. Мерцание усиливается. Все это, действительно, выглядит жутковато - словно покойники собрались перед камином, где разгорается мертвое холодное пламя.

Повинуясь внезапному импульсу, я крепко зажмуриваю глаза, но даже сквозь веки чувствую ярчайшую вспышку. Выждав пару мгновений, снова приникаю к замочной скважине. В комнате - ни души, сиротливо стоят пустые кресла и стулья.

Резко выпрямляюсь и бью ногой в дверь. Хлипкий замок вылетает с жалобным хрустом. Врываюсь в комнату. Лиловые блики на поверхности зеркала затухают. Подействует ли на меня эта сила? Надо рискнуть.

Хватаю свой амулет, сжимаю его в ладони. Сажусь перед своим отражением. Всматриваюсь до боли в глазах. И, наконец, замечаю, как в зазеркалье начинает что-то происходить. Изображение расплывается, словно дождь смывает свежие краски на полотне. И через полминуты я смотрю уже в совершенно другую комнату, а напротив сидит знакомая женщина с темными волосами.

Черноликая.

Подтверждаются мои худшие опасения.

Думай, думай, авгур! Решайся...

Она тоже видит меня и, похоже, удивлена не меньше:

- Ты? Как ты там оказался?

- Решил проведать, - стараюсь, чтобы мой голос звучал небрежно, - соскучился со вчерашнего дня.

Ее глаза сужаются, и я всерьез опасаюсь, что она сейчас зашипит как кошка и прямо сквозь зеркало схватит меня за горло. Но, похоже, таких высот они еще не достигли. Что ж, и на том спасибо...

- Значит, соскучился? - она уже улыбается. Поняла, что правила изменились, но все равно готова играть. Такой уж характер. - Ну, что же, можешь заехать в гости.

- С удовольствием, - говорю светским тоном. - Адрес подскажешь?

Она называет улицу и даже объясняет, как туда ехать. Оказывается, это недалеко. Еще один особняк в квартале для местной знати. Да, черноликие умеют устраиваться с комфортом.

Выхожу через черный ход в переулок. Зову скакуна особым сигналом. Зверь прибегает, довольно скалясь. От него почему-то воняет рыбой, а на морде блестят чешуйки. Не знаю, чем он занимался в последние пятнадцать минут, но это время явно не пропало для него даром. Скакуны - неприхотливые твари. Строго говоря, их вообще можно не кормить - просто отпусти на ночь, и они найдут себе пищу. Проблема в том, что питаются они не травой, а, желательно, свежим мясом. Ну, и рыбой тоже не брезгают. Поэтому выпускать их запрещено. Но меня это сейчас не волнует.

Подъезжаю к нужному дому. Ворота открывает слуга. Моя знакомая ждет меня на пороге. Конечно, знатной даме не положено проявлять нетерпение. Она должна сидеть в гостиной и ждать, пока посетителя к ней проводят. Но черноликие плевать хотели на этикет - соблюдают его только в том случае, если это сулит им выгоду.

Одета она в том же стиле, что и вчера. Штаны, сапоги - наверно, платья не любит. Или не хочет путаться в юбках, когда в следующий раз придется от кого-нибудь убежать или, наоборот, за кем-нибудь гнаться...

- Таинственный спаситель, добро пожаловать! - она улыбается хищно, не хуже моего скакуна. Любой другой на моем месте подумал бы десять раз, прежде чем входить в ее логово. Но я плыву по течению, надеясь, что меня не затянет в омут. Почему-то мне кажется, что по-другому сейчас нельзя.

Мы проходим в гостиную. Там я вижу молодого человека с горящим взором, бледной кожей и длинными темными волосами. Темно-синий камзол расшит серебром. Сразу видно - аристократ до мозга костей. Он нервно ходит из угла в угол. Впивается в меня взглядом и хватается за рукоятку меча.

- Кто это, миледи? - спрашивает сквозь зубы. Будь я тоже аристократ, почувствовал бы себя оскорбленным.

- Ах, барон, - говорит черноликая чарующим голосом, - умоляю вас, успокойтесь. Этот господин привез мне срочные вести. Нам с ним нужно поговорить, это не займет много времени. Сугубо деловой разговор, вам совершенно не о чем волноваться. Верьте мне, мой рыцарь, и не ревнуйте. Я не хочу, чтобы мужчины ссорились в этом доме...

Врет, конечно. На самом деле, она бы с радостью посмотрела,

как два идиота машут из-за нее клинками. Но я ей такого удовольствия не доставлю.

Аристократ, пылая от злости, смотрит мне в спину, когда мы с черноликой покидаем гостиную. Она ведет меня по широкому коридору, отпирает дальнюю дверь и делает приглашающий жест. Помещение похоже на кабинет, но при этом не лишено уюта. Имеются глубокие кресла, а на полу лежит толстая звериная шкура. В углу - довольно большое зеркало, а перед ним туалетный столик. Что-то привлекает мое внимание, но я не сразу понимаю, в чем дело. Если взглянуть под определенным углом, то на поверхности зеркала виден сложный узор. Это не краска, а словно бы вышивка - хотя, какая может быть вышивка на стекле?

- Это оно? - спрашиваю у дамы.

- Оно самое, - с ухмылкой отвечает она. - Итак, я удовлетворила твоё любопытство? Может быть, теперь, наконец, расскажешь, кто ты такой?

Черноликие отнюдь не глупы, и рано или поздно все выяснят. К тому же, моя пресловутая интуиция говорит мне, что надо идти ва-банк. Сыграть в игру, которая так нравится этим бессовестным интриганкам.

- Я авгур.

Она смотрит на меня недоверчиво:

- Насколько я помню, авгуры всегда относились к нам, мягко говоря, без симпатии. Неужели что-то переменилось?

- А я и не утверждал, что вдруг воспылал любовью. Мой долг - разобраться, чего от вас ожидать.

- Вот как? - она выгибает бровь. - Значит, это долг заставил тебя резать ищек? Ну, что ж, если авгуры так понимают свою задачу, мы ничего не имеем против.

- Давай не будем играть словами. Кстати, ты мне так и не сказала тогда, кого искала на постоялом дворе.

- Какая разница? - пожимает она плечами. - Получила записку от одного человека. Надо, мол, срочно встретиться. Я еще удивилась - почему вдруг в этом свинарнике? Приехала, а дальше - сам видел.

- Ладно, уже не важно. Есть более насущный вопрос. Зачем вы крадете женщин из замка?

- Крадем?

- Хорошо, скажем так - зачем вам нужно, чтобы они исчезали?

- А почему я должна тебе отвечать?

- Хотя бы из благодарности за спасение.

- Я не просила меня спасать! И без тебя бы справилась.

- Да, конечно. Кляп во рту и мешок - это была военная хитрость, чтобы ввести противника в заблуждение. Я просто не

сообразил, извини.

К моему удивлению, она смеется. Потом говорит:

- Авгуры шутят? Ну, надо же. Похоже, за четверть века, что я спала, мир действительно стал другим.

- Я рад, что тебе понравилось.

Она шагает ко мне:

- Хорошо, ты узнаешь то, что хотел. Бедная невинная девушка расскажет, как на духу. Но ждет за это награду. Ты ведь помнишь

- мы с тобой не закончили?..

И она впивается в мои губы - как тогда, на постоялом дворе.

Секунды густеют, как горький мед.

- Авгур... - черноликая отступает на шаг и смотрит на меня пристально. - Да, такого со мной еще не случалось...

Она сбрасывает тонкую кружевную рубашку. Я не в силах отвести взгляд от ее высокой груди, которая словно игнорирует закон тяготения. Мы сходимся снова, как два корабля, готовые взять друг друга на бордаж.

Колышутся ветви яблони за окном.

Горячий воздух.

Мягкая звериная шкура.

Вопросы после...

- ...И все же - зачем исчезают люди?

Она усмехается:

- Эти клуши? Невелика потеря.

- Не уходи от ответа. Что вы здесь затеваете?

Солнечный луч, прорвавшись сквозь густую листву, наискосок ложится на стену.

- Мы ищем тех, кто нам подойдет, - говорит она. - Тех, кто способен выйти из стада. Кому можно доверить кнут.

- Подбираете соратниц?

- Да, подбираем. Распознать бывает довольно трудно. Надо долго смотреть в глаза. Лучше, конечно, при личной встрече, но сейчас вот решили попробовать по-другому.

- Через это? - киваю на туалетный столик в углу.

- Да, через это. Рунное зеркало.

- Ну, и как, получается?

- Пока не очень, сам видел. Если не рассчитать, то люди просто сгорают. А если воздействовать постепенно - как будто впадают в спячку.

- Так, может, хватит с ним баловаться?

Она хохочет.

- Ишь, какой хитрый! Нет, авгур, мы найдем ему применение. Была тут у меня одна мысль... - черноликая подмигивает мне заговорщицки. - Сейчас я могу отсюда соединиться с любым

обычным зеркалом в городе. Но только с одним. А вот если б сразу со всеми? Представляешь, сгорят все жители! Или станут вдруг как сонные мухи. И делай с ними, что хочешь...

Я сначала пугаюсь, но потом понимаю, что она меня просто дразнит.

- Не выйдет, - отвечаю я лениво. - Во-первых, сгорят не все, а только те, что в этот момент окажутся перед зеркалом. А во-вторых, сама ты свой артефакт настроить не сможешь. Откуда он у тебя вообще?

- Был один сумасшедший. Сделал и помер.

- Вот так вот, ни с того, ни с сего?

- Люди иногда умирают.

- Глубокая мысль, - соглашаюсь я. - Меня, если честно, удивляет другое. Почему вдруг вы, черноликие, начали доверять артефактам? Ведь раньше такого не было.

- Во-первых, - сообщает она, копируя мою интонацию, - данный артефакт - особого рода. Что может быть приятнее для красавицы, чем лишний раз посмотреться в зеркало? Я ведь красивая, ты согласен?

- Безусловно, - соглашаюсь, ведя рукой по ее бедру.

- А во-вторых, - говорит она, - времена меняются. И мы тоже стали другими.

Черноликая уже не смеется. Приподнявшись на локте, она заглядывает мне прямо в глаза, и вот теперь мне по-настоящему страшно...

...Я возвращаюсь в замок, и мысли мои скачут как блохи. Я перестал понимать мотивы своих поступков. Почему я не разбил проклятое зеркало? Исчезновения бы закончились. Но я этого не сделал. И не собираюсь никому говорить, где находится логово черноликих. На чьей ты вообще стороне, авгур?..

Да, в замке я принял меры, и оттуда уже никто не исчезнет. Но ведь, как я сегодня узнал, жертвы появились и в городе. Шесть аристократок сгорели, потому что черноликая немного перестаралась. И ведь владелица артефакта не успокоится. Уже сейчас в очередном богатом особняке кто-то наверняка сидит, уставившись в зеркало затуманенным взглядом.

Тут, кстати, возможны дополнительные проблемы. У многих раззолоченных куриц глаза пустые без всякого колдовства. Как выяснить - они от природы сонные куклы или под воздействием артефакта?

Так, секунду. Кажется, в архивах что-то об этом было. Значит, рунное зеркало порождает мертвый огонь. И тот, исходя из алхимических свойств, не может сосуществовать с живым пламенем.

Это надо проверить.

Во дворе замка я слезаю со скакуна и сразу отправляюсь в подвал. Там вместо дорогих ламп горят обычные факелы. Я снимаю один из них со стены и быстро иду наверх.

Глава 11

Машина подпрыгнула на ухабе, и Андрей оторвался от манускрипта. Пейзаж за окном был - скучнее некуда. Деревья вдоль дороги стояли сплошной стеной. Андрей подумал, что на юге путешествовать куда интереснее - там степь и запах полыни, и обзор открывается на многие километры вокруг.

Ладно, что он узнал из рукописи? Во-первых, башня-скелет - это храм авгуров. И прорастает она в том месте, где назревает нечто исторически важное. Во-вторых, появились гончие, которые ныряют сквозь пространство и время. И эти твари, по описанию, подозрительно напоминают мурен. Да, все это, без сомнения, любопытно. Непонятно только одно - при чем здесь Андрей Сорокин?..

Микроавтобус катил вперед. Попутчики молчали. Если бы Андрея не было рядом, они наверняка обсудили бы московский разгром и то, чем он обернется для бизнеса. Было бы интересно послушать, какими словами контрабандисты обложат того, кто заварил всю кашу. Но, поскольку виновник сидел на соседнем кресле, беседа не задалась. Михалыч хмуро глядел в окно, а лысый раскрыл журнал с пышногрудыми девицами на обложке. Статья называлась: 'Талка, где твоя палка?' Прибалт за рулем меланхолично слушал Земфиру. Молчание продолжалось довольно долго, потом водитель вдруг притормозил и позвал:

- Михалыч...

- Ну?

Прибалт показал вперед. Дорога уходила под мост.

- Первая отсечка, похоже.

- Не слишком рано? А ну, дай карту.

- Бери, - спокойно сказал шофер. - Только я и без карты тебе скажу - нет здесь никаких мостов. Ну, то есть, не должно быть.

- Знаю, - буркнул седой, - это я так, для очистки совести.

Лысый привстал и, опершись на спинку водительского сиденья, внимательно посмотрел на дорогу. Наконец, сказал:

- По-моему, нейтралка.

- А ты что думаешь, Юргис?

Прибалт, прежде чем ответить, зачем-то взглянул на небо.

- Неохота объезд искать. А на нейтралку похоже, точно.

- А если с уклоном в минус?

- Я бы рискнул, - опять подал голос лысый. - Тем более, с нами вон, перспективный кадр... молодой, да ранний, ядрена

копоть...

Все трое уставились на Андрея. Потом Михалыч сказал ему:

- А пойдём-ка мы с тобой прогуляемся. Если не возражаешь, конечно.

Андрей, пожав плечами, полез наружу. Михалыч выбрался следом. Не спеша, они двинулись вперед по обочине. Было тихо, только в лесу размеренно гукала какая-то птица. Ни одна машина до сих пор не проехала по мосту, хотя трасса там, вроде, была серьезная. Так, по крайней мере, казалось снизу.

Михалыч с Андреем зашли под мост. Бетонные опоры, стоящие вдоль дороги двумя рядами, глубоко утопали в насыпи. Толстые, круглые, желтоватые - они напоминали крепкие зубы, а кляксы граффити чернели, как кариозные пятна. Андрей представил себе картину - парочка великанов легла на землю голова к голове, оскалилась на прощание друг другу, и околела. А по их спинам проложили шоссе...

Трава между столбами пожухла, было темно, и Андрей на миг ощутил себя в тусклом мире. Он улыбнулся, шагнул к ближайшей колонне и провел ладонью по шершавой поверхности.

Лысый выпрыгнул из машины и радостно заорал:

- Плюсовая, Михалыч! Только что проявилась! Стойте там, мы вас подберем!

Микроавтобус подкатил ближе, и седой, залезая внутрь, спросил у Андрея:

- Как ты это сделал?

- Что сделал?

Михалыч посмотрел на него внимательно, но продолжать не стал.

- Поехали, Юргис.

Шофер с готовностью газанул. И, едва микроавтобус проскочил под мостом, в глаза ударил солнечный свет. Андрей от неожиданности зажмурился.

- Ха, - ухмыльнулся лысый, - а чё, нехило. Плюс три, по моему, как минимум.

- Четыре, - сказал прибалт, взглянув на часы.

- Дуракам везет, - заметил седой.

Андрей с удивлением озибался вокруг. Небо очистилось, солнце висело низко над горизонтом - гораздо ниже, чем ему полагалось, исходя из времени суток. Хотя... Он тоже посмотрел на часы - стрелки показывали без четверти девять. А должно быть в районе пяти, пожалуй. Плюс четыре, вот оно что. Действительно, нехило скакнули. И в километрах, наверно, тоже - иначе, откуда такая радость?

Контрабандисты, и правда, заметно повеселели. Водила

сказал:

- Еще бы так пару раз - и дома. Можно даже по дороге не отдыхать.

Седой скептически хмыкнул. А лысый вытащил сотовый телефон (красивый, очень компактный - даже антенна у него не торчала), и, поглядев на экран, похвастался:

- Прикиньте, есть сигнал! Слабый, правда, но все-таки...

- Ну, а фиг ли, - рассудительно заметил прибалт. - Эти, в МТС, вообще заявляют, что у них от Москвы теперь сплошное покрытие на пятьсот километров. На запад, по крайней мере. До белорусской границы, типа, достанет...

И началось бесконечное обсуждение, из которого Андрей узнал много новых слов вроде 'роуминг' или 'тарифный план', хотя половину из них не понял. Впрочем, по контексту он догадался, что чем дальше уезжаешь от дома, тем дороже базары по телефону. А когда собеседники начали дискутировать, к какому оператору лучше подключаться в Литве и Польше, до него вдруг дошло, что скоро они окажутся вне пределов России.

- Слушайте, - встрял Андрей в разговор, - а на границе документы будут смотреть? Визы там, загранпаспорт? Если что, у меня их нету.

- Опомнился, блин, - покачал головой Михалыч. - Скажи спасибо, что мы через посты не ездим. А то, как раз бы...

- Ну, я же знал, к кому обращаться. Сами говорили - свои маршруты и все такое. Вот я и не парился.

- Умничаешь ты много.

- Ага, стараюсь...

Лес поредел, слева показалось большое поле. Обшарпанный 'пазик', переваливаясь на кочках, пылил по проселку в сторону ближайшей деревни. Дальше был очередной перелесок, потом пустырь, овраг, а за ним - приземистая постройка с провалившейся крышей. Рядом торчал проржавевший трактор с открученными колесами.

- Довели страну коммуняки, - буркнул лысый и снова открыл журнал.

- Коммуняк уже почти десять лет, как нету, - лениво заметил старший.

- Они, мля, так постарались, что и за двадцать не разгребешь.

- Рома, - ласково произнес Михалыч, - ты же сам в партии состоял. А до этого - в комсомоле. Хрена ли ты молчал? Встал бы на собрании и сказал - так, мол, и так, куда страну ведете, козлы?

- Не придуривайся, Михалыч. А то ты не знаешь, как эти собрания проходили. Я помню, иногда бумажки заранее раздавали, а потом в конце говорили, мол - кто еще хочет

высказаться? Ну, чуваки вставляли и херачили по бумажке. Может, не у всех так было, не знаю. Но у нас на заводе я лично видел. И попробуй, не прочитай...

Он матюгнулся, потом продолжил:

- А в институте? Сочинение, мля, по 'Малой земле'. У нас один крендель взял заранее типовой вариант и вызубрил слово в слово. Знал, что тема обязательно будет. Ну, препода поставил пятерку - а фули делать? Сказал: 'Хорошая память'.

- Ну, это еще фигня, - сказал Михалыч небрежно, - с 'Малой землей' истории покруче бывали. Когда первый раз в программу включили, один преподаватель спросил - почему вот так, без предупреждения? Студенты подготовиться не успеют. А ему отвечают - вы, как коммунист, должны были догадаться. Ну, и к парторгу на разговор. У мужика - микроинфаркт в результате.

- Ну вот, видишь. Сам говоришь...

- А я разве утверждал, что маляра не было? Был, да еще какой. Только, Рома, не в этом дело. Точнее, не только в этом. Ты, вон, несмотря на 'Малую землю', в институте пять лет учился и специальность нехилую получил. А государство тебе за это еще и деньги платило. Стипендию. Не ты ему, а оно тебе! А что сейчас? У меня дочка поступала в прошлом году. Половина мест - платные, это официально. Вторая половина - типа, бесплатные, а на самом деле - конкурс, кто больше даст. Тендер, бляха. Это нормально?

- Можно подумать, взяток при Союзе не брали.

- Брали. Но до такого цинизма не доходило.

- Ну, и чё теперь, - лысый пожал плечами. - Мелкий у меня третий класс закончил. Будет поступать, я этот вопрос решу. Бабки отдам, не жалко - главное, что их заработать можно. А в совок я обратно не хочу, по-любому.

- Ты, Рома, подменяешь понятия, - назидательно заметил Михалыч. - Отождествляешь совок с Советским Союзом. А это неверное представление, скажу тебе со всей стройбатовской прямоотой.

- Для меня один хрен. Не вижу особой разницы.

- А я тебе объясню. Совок - это не вся советская жизнь. Это лишь ее составная часть. Значительная часть, к сожалению. И при этом - самая мерзкая. Партсобрания, очереди, дефицит элементарных вещей и прочая подобная хрень, от которой иногда хотелось завить. Это - совок. Опухоль, разросшаяся насколько, что вырезать уже невозможно. Но, повторяю, это был не весь Советский Союз. Кроме совка, имелось и еще кое-что. Хотя, некоторые, наверно, даже и не заметили.

- И что, например? Бесплатные институты?

- Они тоже. Но я сейчас про другое. Эта вещь нематериальна, но она, может быть, способна перевесить все то говно, что произвел совок...

- Опаньки, - сказал вдруг водитель, причем с такой интонацией, что все сразу напряглись и уставились на него.

- Чего ты, Юргис? - спросил Михалыч.

- Сам посмотри.

Седой поглядел вперед и выругался вполголоса. Юргис аккуратно притормозил. Михалыч вылез наружу, лысый за ним. Андрей удивился и последовал их примеру.

Машина стояла перед развилкой. Шоссе уходило дальше на запад, а вправо от него ответвлялась еще одна дорога, похуже. Впрочем, 'похуже' - слишком мягкое выражение в данном случае. Дорога была давно и безнадежно заброшена. В асфальте зияли трещины, сквозь которые прорастала трава. Похоже, никто здесь не ездил уже лет сорок.

- Сглазили, - Михалыч сплюнул и зажег сигарету. - А нефиг было губу раскатывать раньше времени. Думали, скакнем пару раз - и дома? Ага, конечно...

- Что, думаешь, совсем отмерла?

- Хрена тут думать? Глаза разуй. Я здесь в апреле ехал - асфальт был новый, почти не единой кочки.

- Может, все же попробуем? Если аккуратненько, по обочине...

- Какие пробы, Рома? Окстись! Детский сад, блин, младшая группа. Отсохла ветка, неужели не ясно? Никуда уже не ведет. Через пару километров в тупик упрусь. Или, наоборот, заедем в такие дебри, что никакое МЧС не поможет.

- И чё теперь?

- Через плечо... На шоссе остаемся, смотрим по сторонам. Знаки ищем, что еще делать? Юргис, я к тебе сяду.

Седой открыл переднюю дверь и угнездился рядом с шофером. Андрей и Рома опять полезли назад. Микроавтобус покатиł на шоссе. Минут двадцать прошло в молчании. Андрей хотел спросить про знаки, но потом передумал - они тут профи, без него разберутся. Его клонило ко сну. Солнце скатилось за горизонт, на прощание окрасив краешек неба в бледно-абрикосовый цвет.

...Резкий звук заставил всех вздрогнуть - словно лопнула натянутая струна. Еще не утихло неприятное звенящее эхо, а Андрей уже ощутил, как оживает 'татуировка'.

- Что за?.. - пробормотал лысый Рома. - С машиной что-то?

- Нет, - сказал Юргис, - это явно где-то снаружи.

- Твою ж мать, - процедил Михалыч, - этих нам еще не хватало.

Андрей увидел, как впереди на обочину выходит гаишник и поднимает полосатую палку. Юргис со вздохом остановился. Товарищ в форме лениво двинулся к ним. Милицейская машина были искусно спрятана за кустом. Там же приткнулась обшарпанная 'копейка' желтого цвета.

- Не нравятся мне этот 'жигуль', - хмуро заметил Рома. - Какого хрена они с ментами стоят? Думаешь, по нашу душу, Михалыч?

- Конкретно по нашу - вряд ли, - пробормотал седой. - Не могли они знать маршрут. Не могли, ты понял? Я сам его утром еще не знал.

Он быстро повернулся к Андрею.

- Ты, если что, свой фокус повторить сможешь? Ну, как там, на автовокзале?

- По обстоятельствам, - буркнул в ответ Андрей. Но узор на руке уже чесался от нетерпения - скорее, скорее! Словно торчок в предвкушении новой дозы...

Гаишник заглянул в окошко к водителю и обвел внимательным взглядом всех, кто сидел внутри. Андрей ожидал, что мент потребует документы, но тот вдруг сказал:

- Всем выйти из машины. Пассажиров тоже касается.

- А в чем дело, простите? - очень вежливо поинтересовался Михалыч.

- Проверка. Не задерживаемся, выходим.

Спрыгнув на землю, Андрей заметил и другого мента - этот имел при себе 'калаш'. А из 'копейки' вышли трое гражданских. Один из них, несмотря на жару, был в мешковатой куртке и что-то придерживал под полкой.

- Откуда едете?

- Из Москвы.

- И куда?

- В Могилев, - не моргнув глазом, сказал прибалт. 'Почему в Могилев?' - мельком подумал Андрей. А вообще, хорошее название. В тему...

Тусклый мир уже подмигивал ему сквозь синие сумерки.

'Не спеши', - приказал сам себе Андрей.

- Видите вот его? - мент кивнул на загорелого мужика в простецкой рубашке с короткими рукавами. - Сейчас подходим к нему по очереди и делаем, что он скажет. Остальные стоят спокойно. Давай, ты первый.

Михалыч пожал плечами и приблизился к загорелому. Тот достал из кармана спичечный коробок. Зажег спичку, поднял ее на уровень глаз и потребовал:

- Смотри на огонь.

Пламя слегка дрожало. Текли секунды, ничего не происходило. Наконец, огонек погас. Гаишник быстро переглянулся с коллегами.

- Следующий.

Процедура повторилась с Юргисом, потом с Ромой.

- Теперь ты.

Андрей почувствовал интерес. Он подошел поближе, и оранжевый бутон расцвел перед ним. Сразу возникла мысль, что примерно так же горят глаза у мурены, и Андрей невольно поморщился. И, словно чувствуя его недовольство, пламя изменило оттенок. Оно стало синеватым, потом сиреневым и, наконец, гранатово-красным. У мужика, что стоял напротив, глаза полезли на лоб. Андрей усмехнулся, и спичка вспыхнула ярче, как бенгальский огонь. Мужик испуганно матюгнулся, уронил ее и подул на пальцы.

- Ах, вот даже как, - гаишник снял фуражку и вытер лоб. - Вот, значит, почему сигналка сработала... Ладно, парни, вопросов нету. Извините за задержку, сами понимаете - служба.

- И что это за пионерские опыты? - начал было Рома, но под взглядом Михалыча замолчал и полез в машину. Андрей и Юргис тоже вернулись на свое место.

Пару минут они наблюдали, как старший беседует о чем-то с гаишником. Наконец, махнув рукой на прощание, Михалыч сел впереди. Прежде чем дверь захлопнулась, мент сказал ему:

- Короче, ты понял - живой огонь. Давай, счастливо!

- Поехали, - сказал Михалыч прибалту.

Машина тронулась. Лысый оглянулся на ментов и спросил:

- Что он тебе втирал?

- Погоди, Рома. Подумать надо.

Сумерки становились все гуще, и фары встречных машин выстраивались в цепочку, которая тянулась за горизонт. Полоса заката в той стороне сменила цвет на мясисто-розовый и продолжала темнеть, словно кусок говядины, который заветрелся на прилавке. Пологая возвышенность, поросшая лесом, тянулась слева, как будто там устроилось на ночлег косматое, но мирное чудище. Справа деревья то подбирались прямо к дороге, то отступали дальше; потом между ними открылось поле, за которым мерцали далекие огоньки. Небо, если не считать полосы над горизонтом, было джинсово-синим, и на нем загорались первые звезды.

Андрей чувствовал, как возбуждение понемногу уходит, и рука уже почти не зудит. Глядя в окно, он улыбался неизвестно чему, и готов был даже поверить, что дорога, идущая вслед за солнцем, в плохое место не заведет...

Тут ему снова вспомнилась засада с ментами.

- Слушай, - сказал Андрей, - вы все напряглись реально, когда эти басмачи появились. Вас что, вот так на дорогах грабят?

- А ты думал! - Рома, кажется, хотел сплунуть, но вовремя сообразил, где находится. - Мы же в Москву с товаром, а оттуда - с баблом. Только перехватить стараются до первой отсечки, где-нибудь в Подмоскovie. Иначе мы потом прыгнем, а там уже маршрут не предскажешь. Ну, или, наоборот, на финише ждут, в Эксклаве. Я помню, однажды машина у нас сломалась, совсем чуть-чуть не доехали. Прикинь, километра два осталось до города, а она, сука, стала и не заводится. Стоим как последние мудаки - подходи, бери голыми руками. Ну, собрали все бабки, отдали мне. Я сразу в лес слинял. Так и добрались - они машину толкают, а я параллельным курсом, козьими тропами. Спасибо, в тот раз никто не перехватил...

- Да уж, - сказал Андрей.

- И вообще, - продолжил Рома, - ты думаешь, мы тут миллионеры? Ага, щас. Ну, понятно, если сотню шариков привезти, то нехило выйдет. Только где ее ж возьмешь, эту сотню? За месяц - от силы, пару десятков. Одна надежда, что активный найдешь...

- Активный?..

Но расспросить подробнее Андрей не успел. Юргис, все это время руливший молча, вдруг сказал напряженным голосом:

- Знак, Михалыч.

- Где? - вскинулся седой. - Ага, тормози.

Андрей разглядел впереди очертания автобусной остановки. Конструкция была еще советской постройки - массивная, с дурацкой мозаикой. На боковой стенке был нарисован круг, а внутри него - буква V. Или, может быть, галочка - из тех, что ставят в бюллетене на выборах. Словно кто-то пришел и проголосовал на стене. Только за кого, непонятно. Может быть, против всех, как делали многие в последнее время...

В свете фар рисунок слегка поблескивал и казался объемным - круг с галочкой как будто выпирал из плиты.

- Ох, не люблю я такие, - тоскливо сказал Михалыч. - Хрен знает, кто там сидит...

- Может, мимо проскочим?

- Ага, блин, мимо. Один пропустишь, а другой потом не проявится. И куда мы без них приедем? К погранпереходу? Оно нам надо?

- Ну, так что? Подбираем?

- Давай, чего уж.

Юргис аккуратно подкатил к остановке. На лавке сидела

девочка лет тринадцати - худая, нескладная, с жидкими светлыми волосами. Да к тому же, кажется, конопатая. Может, конечно, из утенка вырастет лебедь, но пока это было не очевидно. Наряд у пейзажника тоже был явно не от кутюр - дешевые джинсы, простая белая майка и стоптанные кроссовки.

Увидев микроавтобус, она радостно вскочила на ноги и спросила:

- Вы в Гуняево едете?

- Вообще-то, мы дальше, - сказал Михалыч. - Но тебя подбросим, если хочешь. Дорогу знаешь?

- А то ж! Сто раз тут каталась.

- Ладно, садись впереди тогда. Шоферу будешь показывать.

Михалыч с кряхтением вылез наружу, а девочка заняла его место. Сомнений насчет того, можно ли садиться в машину с незнакомыми мужиками, у нее, похоже, не возникало. Дикий народ, глубокомысленно подумал Андрей.

Рома вопросительно посмотрел на Михалыча, который перебрался назад. Тот развел руками. Мол - а что еще было делать? Километра через два девушка сказала:

- Теперь налево.

Дорога петляла между деревьев, потом пошла через поле. Михалыч спросил:

- Далеко ты забралась, я смотрю. Как тебя родители отпускают?

- Я здесь всю местность знаю. А родители... - девочка пренебрежительно махнула рукой.

- Понятно. Как тебя зовут, путешественница?

- Настя.

- Долго еще ехать?

- Не, вон за тем пригорком.

За поворотом, действительно, обнаружился городок. Или поселок городского типа - Андрей не разбирался в подобных тонкостях. Сначала попадались одноэтажные домики с аккуратным штакетником, потом мелькнула пара пятиэтажек - куда ж без них. На площади понуро стоял Ильич с неизменной кепкой. Горели фонари, но было почти безлюдно. Андрей подивился этому обстоятельству. Вроде бы, лето, вечер - самое время для гуляний и посиделок. Впрочем, мало ли - может, все тусовки на другом конце города?

- Ну, где тебя высаживать, Настя?

- А вот там, хотя бы, на перекрестке. Мне тут недалеко.

- Ладно уж, подбросим прямо до места. Повезло тебе сегодня. Давай, говори куда.

Дом, где жила девочка, был, на взгляд Андрея, если не

богатым, то уж точно зажиточным - с широким фасадом из белого кирпича и с красной черепицей на крыше. Из-за забора не доносилось ни звука. Юргис посигналил. Настя, тем временем, выбралась из машины и зататорила:

- Ой, спасибо! А то я уже думала, пешком придется идти. Так классно получилось, вообще!..

Ворота открылись, и вышел хозяин - небольшого роста, в очках, с холеным лицом. Чем-то он напомнил Андрею последнего докризисного премьера, прозванного в народе киндер-сюрпризом.

- Папа, - сказала Настя, - меня до дому довезли, представляешь?

- Да? Спасибо, мужики, - степенно сказал отец. Не похоже было, чтобы он испытывал особое беспокойство.

- Ой, а давай на ужин всех пригласим? Они аж из Москвы едут!

- Из Москвы? Действительно, заходите. Жена на стол собирает.

- Ну, если приглашаете... - сразу согласился Михалыч. У Андрея возникло стойкое ощущение, что именно ради этого они сюда и заехали.

Девчонка ускакала во двор. Юргис, дождавшись, пока все вылезут, запер машину и теперь с сомнением озирался вокруг. Хозяин правильно истолковал его взгляд:

- Не волнуйтесь, у нас спокойно. Я бы во двор предложил заехать, но там сейчас места мало.

- Нет, нет, не стоит, - сказал Михалыч. - Пускай здесь побудет, на улице. Тем более, сигнализация включена.

Они зашли во двор. Из конуры выбрался крупный лохматый пес, подошел к Михалычу, обнюхал его ботинки и задумчиво сказал:

- Гав.

После чего вернулся обратно в будку.

- Сторож - зверь, ёпта, - поделился Рома с Андреем.

На пороге их встретила миловидная женщина в шортах и легкой маечке. Она улыбнулась (как показалось Андрею, слегка устало) и показала в сторону кухни:

- Проходите. Вы как раз вовремя.

Они расселись за широким столом. В углу работал маленький телевизор. С камеры, установленной, похоже, на вертолете, показывали Щелковское шоссе. Скелеты машин тянулись нескончаемой вереницей. Диктор что-то трещал с пулеметной скоростью, но звук был приглушен почти до нуля, и Андрей ничего не смог разобрать.

- Ужас, что в Москве творится, - заметил хозяин спокойным

тоном. - Вы на этой улице не были?

- Нет, - сказал Михалыч, - и вообще, мы раньше уехали. Уже потом, по радио все услышали. Действительно, ужас.

Хозяйка поставила на стол огромное блюдо с ломтями розовой ветчины, потом копченую курицу. Сказала извиняющимся тоном:

- Только все холодное, к сожалению. С газом перебои, ничего приготовить нельзя. Паштет вот еще берите.

- Ничего страшного, - бодро произнес Рома. - А мясо вкусное - объеденье.

Возникла пауза. Могли бы и налить по полтинничку, укоризненно подумал Андрей. Люди с дороги, хотя бы расслабиться...

Но хозяину это в голову не пришло. Похоже, он был не склонен к излишним увеселениям. И вообще, производил впечатление флегматичного человека. Задумчиво прожевал кусочек куриной грудки, потом спросил о ценах на бензин и солянку. Михалыч принялся объяснять.

Андрей, тем временем, искоса разглядывал женщину. Она к еде вообще не притронулась и сейчас сидела с отрешенной улыбкой, уставившись в телевизор и поглаживая бледно-зеленый, словно выцветший узор на предплечье. При этом он готов был поспорить, что кадры на экране проходят мимо ее сознания - с таким выражением люди глядят на огонь в камине.

Настя что-то спросила у матери, но та явно ответила невпопад. Конопатая надулась было, но, поймав взгляд Андрея, снова заулыбалась. Похоже, новые лица в доме очень ее порадовали. Андрей позавидовал подобному жизнелюбию. Сам он чувствовал, как наваливается усталость. Потер глаза, потом спросил у девчонки:

- Слушай, где у вас тут умыться можно?

- Пойдем, покажу, - ответила та с готовностью.

Андрей сполоснул лицо и поглядел на отражение в зеркале. Там торчал мрачноватый тип, совсем не похожий на развеселого хорошиста с выпускной фотографии. Вертикальная морщина появилась над переносицей, словно Андрей в последние полгода только и делал, что хмурил брови. Он вздохнул и вышел из ванной комнаты. Настя дожидалась под дверью.

- Ты сюда? - он посторонился.

- Нет, я тебя ждала.

- Да? А что такое?

- Ничего. Так просто. А куда вы едете?

- В Могилев, - без запинки сказал Андрей.

- Врешь ты все, - неожиданно грустно сказала Настя. - Я же

вижу. Сейчас, только что придумал. И остальные врут...

Он несколько растерялся. Слева вдруг раздался приглушенный хлопок, потом треск и нечто похожее на сдвленный визг. Андрей напрягся:

- Это что было?

- Что? А, это брат мой, Костик. В приставку режется.

Она прошла по коридору, открыла дальнюю дверь и махнула ему рукой - подходи, мол, сам посмотри. Андрей машинально повиновался. В комнате сидел пацан на пару лет младше Насти. На их появление он никак не отреагировал, продолжая давить на пульт. Перед ним на экране ворочалось нечто рогатое и покрытое чешуей, разлетались красные брызги. Андрей подумал, что таких крутых игр он еще не видел - даже у Пашки были попроще. Девчонка снова прикрыла дверь.

- Понятно, - сказал Андрей. - А чего он ужинать не пришел?

- Звали, не хочет. Он уже, по-моему, дня три из комнаты не выходит.

- Хоть бы окно открыл. А то духота, как в консервной банке.

- Да ну его, - поморщилась Настя. - А мы, если душно, на улицу можем выйти.

- Ну, пошли, - пожал плечами Андрей. Ему было все равно.

Едва они спустились с крыльца, девчонка опять полезла с расспросами, но тут появились Михалыч с Ромой, достали сигареты и закурили. Выпустив длинную струйку дыма, Михалыч задумчиво произнес:

- Так что, Настя, говоришь, всю округу знаешь?

- Ага, а что?

- А вот скажи мне...

Дверь отворилась снова, и с крыльца спустился хозяин. Лысый предложил ему сигарету. Тот посмотрел с сомнением, но все-таки взял. Рома вежливо поднес зажигалку. Чиркнул раз, другой, но пламя не появлялось.

- Что, - сказал Михалыч, - сломался твой ширпотреб?

Достал свою - металлическую, блестящую, со стильной откидной крышкой. Взметнулся оранжевый язычок, но едва хозяин дома наклонился к нему, пламя дернулось и погасло.

- Ха, - злорадно произнес Рома.

- Не понял, - сказал Михалыч.

- Да ладно, - хозяин махнул рукой, - не судьба, наверно. Я все равно бросаю. Спасибо, мужики.

Он снова вернулся в дом.

- А вообще, странно, - заметил лысый. - Я свою только позавчера купил.

Рома еще раз чиркнул колесиком, и огонь с готовностью

разгорелся. Даже, кажется, сильнее, чем ему полагалось, - словно извинялся за предыдущую неудачу. Михалыч нахмурился - какая-то мысль не давала ему покоя. Снова откинул крышку на своей блестящей игрушке, и та сработала безотказно.

- Ёрш твою медь, - прошипел Михалыч. - Ну, конечно. Живой огонь... И газ у них не горит, эта баба сама сказала...

Посмотрел на Андрея, потом на Рома.

- Вы, двое. К машине, быстро.

- А что такое?

- Быстро, я говорю!

Они, переглянувшись, пошли к воротам.

Живой огонь...

Теперь Андрей тоже вспомнил фразу, которую бросил на прощание гаишник, и игры со спичками на обочине. Только что это должно означать?..

- А вы что, уже уезжаете? - разочарованно спросила девчонка.

- Пора нам, - сказал Андрей, - спасибо, что проводила.

Они остановились у микроавтобуса. Рома подумал и зажег еще одну сигарету, но докурить ее не успел. Со двора быстрым шагом вышел Михалыч. Юргис спешил за ним и, похоже, дожевывал на ходу.

- Садимся, едем, - сказал седой.

Рома послушно забрался внутрь, но пробурчал:

- Чего вдруг такая спешка? Не гонится никто, вроде.

И, словно в ответ на эту фразу, раздался звук, похожий на чей-то тяжелый вздох - причем он шел, как будто, со всех сторон. И дом, где их только что угощали, неуловимо переменялся.

Андрей не смог бы внятно объяснить, в чем это выражается. Вроде бы, фасад выглядел, как и прежде. Лампы не горели, но в окнах мерцали отсветы от телевизионных экранов - в одной комнате Настин брат продолжал возиться с приставкой, а в другой хозяева, отделившись от гостей, тоже, наверно, включили ящик. В какой-то момент телевизоры синхронно мигнули, а потом свечение усилилось, словно зрители взяли пульты и выставили яркость на максимум. Снаружи это смотрелось так, будто дом проморгался и шире открыл глаза.

- Гони, - сквозь зубы сказал Михалыч.

Но не успела машина тронуться, как дверь отъехала в сторону, и в салон буквально ввалилась Настя. Она упала на ближайшее кресло и пропищала:

- Я с вами!

Михалыч привстал, словно собираясь вышвырнуть ее прочь, но в эту секунду 'вздох' повторился, а окна-глаза, наполненные мертвым огнем, уставились на микроавтобус.

- Быстро! - рывкнул седой.

Взвизгнув, машина рванулась с места. Юргис давил на газ, как Мика Хаккинен на последнем Гран-при Канады, а по обеим сторонам от дороги открывались безжизненные глаза, и под их мерцающим взглядом уличные фонари лопались один за другим, словно понимая, что здесь они уже не нужны.

- По сторонам не смотреть! - заорал Михалыч, но его было почти не слышно, потому что 'вздохи' теперь сливались в один бесконечный стон...

Когда машина, вылетев из города, обогнула пологий холм, Юргис затормозил и обессиленно склонился к рулю. Андрей посмотрел назад. За холмом полыхало исполинское зарево, словно весь город превратился в лилово-белый костер.

Седой повернулся к Насте:

- Ну-ка, погляди на меня.

- Михалыч... - неуверенно начал Рома.

- Заткнись, - сказал ему старший.

Он посадил девочку напротив и достал зажигалку.

- Смотри на огонь.

Михалыч выждал почти минуту, но пламя горело ровно. Настя молчала, давясь слезами. Только когда седой убрал свою железяку, она обиженно пискнула:

- Я нормальная!

И разревелась в голос.

Глава 12

- Ну, и что нам здесь - до утра торчать?

- А ты что предлагаешь, умник?

- Поехали вперед потихоньку. Вдруг новые знаки будут?

- Рома, блин, ты задрал уже! В двадцатый раз объясняю - не будет новых, пока предыдущий не отработаем. А предыдущий у нас - сам видишь...

Михалыч кивнул на микроавтобус, где на заднем сиденье приткнулась Настя. Машина стояла на шоссе у обочины, а члены экипажа вылезли покурить и обсудить ближайшие перспективы.

- Раз девочка до сих пор с нами, значит, тот знак остается в силе. Хочешь, не хочешь, а она нас ведет.

- Какой, ведет, нах?.. Сидит, плачет. В натуре, не позавидуешь - родители какие-то, блин, мутанты, город вообще сгорел. Да еще и ты докопался, спичку чуть ли не в глаз совал. Дознаватель, бляха, ОГПУ отдыхает...

- А что еще оставалось? Что, если б она из этих?..

- Да уж. Откуда вообще эта дрянь полезла? Я про такое ни разу еще не слышал.

Они замолчали, вспоминая подробности. Из сбивчивого

рассказа Насти стало понятно, что первые странности появились примерно месяц назад. Ее родители в июле собирались на море, но потом неожиданно передумали. То есть, даже не передумали, а вообще перестали говорить про поездку, как будто потеряли к ней интерес. А если Настя напоминала, пожимали плечами и рассеянно улыбались. И, наконец, когда пришло время отпуска, просто остались дома. Сидели целыми днями перед телеэкраном, почти не переключая каналы. Так и смотрели сплошным потоком: 'До шестнадцати и старше', потом сериал 'Во имя любви', потом вечерние новости, сериал 'Графиня де Монсоро', детектив про мисс Марпл, программу 'Время'...

Настин брат Костик был только рад такому положению дел - теперь, когда его перестали дергать, он почти не отрывался от своих компьютерных монстров. А с подружками стало скучно - их всех будто подменили. Да и вообще, в городе воцарилась тоска зеленая. Народ, в основном, сидел по домам, и даже алкашей перед пивным ларьком на соседней улице стало заметно меньше. Кажется, только Настя, которую бабушка любила называть егозой, не поддавалась общему настроению. Не желая смотреть на опустевшие улицы, она ежедневно отправлялась за город. Ходила на речку или в совхоз, что лежал в пяти километрах, - жалко, что молодежи там было мало. Иногда выбиралась в деревню к бабушке, но в последнее время с этим возникали проблемы - туда было почти два часа езды, а автобусы ходили все реже, словно маршруты, ведущие из Гуняево, постоянно забывали обслуживать. Или водителям просто надоело выходить на работу...

Такая, в общем, история. Финал все только что наблюдали.

А Михалыч пересказал, наконец, свой разговор с гаишником. Тот в подробности не вдавался, только предупредил, что в окрестностях творится какая-то чертовщина. Сказал, что надо опасаться людей, в присутствии которых гаснет живое пламя. И посоветовал ехать прямо и никуда не сворачивать. Михалыч с удовольствием последовал бы этому пожеланию, но тут появился знак, который нельзя было игнорировать. Вот и пришлось завернуть в Гуняево.

- По ходу, девчонку надо к бабке везти, - подытожил Рома. - Других вариантов нет. А там, может, еще намеки появятся.

- Да, наверно, - со вздохом сказал Михалыч. - Сядьте с ней кто-нибудь, успокойте. От меня она теперь шарахаться будет.

- Вон, пускай Андрей сядет.

- Я?

- Ну, а кто еще? Она за тобой как привязанная ходила.

Андрей забрался в машину и неуверенно позвал:

- Настя?

Она продолжала всхлипывать. У Андрея не было ни младших сестер, ни братьев, поэтому он с трудом представлял, как нужно действовать в таких случаях. Опустился на соседнее кресло и осторожно погладил Настю по голове. Ее лицо сейчас было совсем детским. Она еще раз шмыгнула и уткнулась ему в плечо.

- Ну, ты, это... Не плачь, - промямлил Андрей. - Сейчас к бабушке тебя отвезем. Она заждалась, наверно...

'Блин, что я несу?' - промелькнула мысль.

- Нет, не заждалась, - неожиданно возразили девчонка. - Она строгая, и все время меня ругает. И вообще, я ее боюсь...

Андрей чуть не ляпнул: 'Чего ж тогда в гости ездила?', но вовремя спохватился. Если в родном доме - почти фильм ужасов, то куда угодно сбежишь...

- А почему боишься? Потому что ругает?

- Нет, - она подняла на него заплаканные глазища. - Потому что она колдунья.

Вот только этого еще не хватало, подумал он обреченно. Нострадамус был, цыганка была, черномордые ведьмы были. Для комплекта не хватает только старухи в избушке на курьих ножках.

- Понятно, - сказал он вслух. - Да, колдуньи - они такие.

Рома заглянул внутрь и вопросительно посмотрел на него.

- Так что, - спросил Андрей у Нasti, - дорогу к бабушке помнишь?

- Помню, - подтвердила она. - Это нам развернуться надо.

Когда они снова проезжали поворот на Гуняево, Михалыч сказал Юргису:

- Ну-ка, притормози.

В свете фар было видно, что боковая дорога за последние полчаса совершенно переменилась. Асфальт потрескался, и бурьян разросся просто до неприличия.

- Еще одна отсохла, - с беспокойством заметил Рома. - Если такими темпами, то скоро вообще нигде не проедешь.

- Не каркай, - сказал Михалыч. - Ладно, посмотрели - и хватит...

...Деревенька, где обитала бабушка, явно не процветала. В первый момент вообще показалось, что здесь никто не живет, и только собачий лай убедил в обратном. Мелькали убогие деревянные хаты и покосившиеся заборы. Главная улица (если ее так можно назвать) никогда не знала асфальта. Оставалось только радоваться тому, что дождей в последнее время не было. Осенью же - Андрей готов был поспорить - в любой из ям на дороге без труда утонул бы трактор, не говоря уже про микроавтобус.

Дом, на который указала девчонка, стоял на отшибе и выглядел покрепче, чем остальные. Юргис посигналил, и спустя полминуты на столбе загорелась лампочка. Андрей даже вздрогнул от неожиданности - к тому моменту у него сложилось стойкое впечатление, что электричество здесь еще не открыли.

Хозяйка дома удивила его не меньше. Он ожидал увидеть горбленную старушку в платочке и с ожерельем из сушеных мухоморов на шее. Ну, или что там положено деревенским ведьмам в качестве атрибута? Вместо этого к ним вышла хмурая, крепко сбитая тетка в потертом комбинезоне из синей джинсовой ткани, да еще и со стрижкой 'ежилом'. Так, в его представлении, могла бы выглядеть фермерша из Айовы, но уж никак не бабка-ведунья на белорусской границе. А узор на руке у нее был ярко-зеленый, с добавлением красных и желтых нитей.

- Приехали, значит? - спросила она без особого удивления. - Ну, заходите.

Настя подбежала к хозяйке и обхватила ее руками.

- Ну, ну, - строго сказала 'фермерша'. Приобняла девчонку и повела ее в дом, потеряв интерес к остальным гостям. Героические контрабандисты переглянулись.

- Черт-те что, - заметил Михалыч.

- Ага, - согласился Рома. - Хиппует плесень.

- Ладно, пошли, чего стоять.

Хипповая тетка на кухне поила Настю отваром из большой эмалированной кружки. Заставила выпить все до последней капли, после чего сказала:

- Иди приляг, егоза.

Девчонка послушно поплелась в комнату. Глаза у нее уже закрывались. Ишь ты, подумал Андрей, сильна народная медицина.

- Э-э-э... мадам... - осторожно начал Михалыч. - Тут, в общем, такое дело...

- Отмучилось Гуняево, значит? - спросила тетка.

- Ну, вроде того. А вы, получается, в курсе дела? Может, и нас просветите, что там за хрень творилась?

- Лекций не читаю, - отрубил хозяйка. - Стасю привезли - молодцы. За это на один вопрос, пожалуй, отвечу. Только вы уж подумайте, что вам надо. Про Гуняево или, может, еще чего.

- Прямо в гостях у сказки, - Михалыч хмыкнул. - Ну, что ж, мы правила уважаем. И даже думать не будем - вопрос готов. Подскажите, будьте добры, как нам до Эксклава доехать. А то мы с маршрута сбились.

- Да запросто, - сказала колдунья в комбинезоне. - По М1 до границы, потом мимо Орши, ну и, чтобы не путаться, через

Борисов на Минск. Дальше в Литву - через Вильнюс, Каунас. Ну и через Пагегай, например. Прямо в Эксклав упретесь. Ну, это так, навскидку. Можно и короче, если карта с собой.

- Ценю вашу иронию, - спокойно сказал Михалыч. - Но вы, я думаю, в курсе, что Эксклав - закрытая зона. Из Литвы туда переходов нет. И мы, даже если до границы доедем, то именно что 'упремся'.

- Так ты формулируй, милоч, конкретно, - 'фермерша' усмехнулась. - Сказал 'до Эксклава' - я тебе объяснила. А если не 'до', а 'в', то надо сразу предупреждать. Так что, если по-честному, сгорела твоя попытка. Скажи спасибо, что я крючкотворством не увлекаюсь. И буквоедством тоже.

- Ладно, - согласился седой, - критика принимается. Итак, формулирую. Подскажите, пожалуйста, как нам на машине попасть в Эксклав, минуя государственные границы?

- Трудное это дело...

- Я понимаю, - Михалыч сделал движение, словно собираясь достать бумажник.

- Так сложность не в том, старшой, - тетка мастерски изображала просторечные интонации. - Не мельтеши, сказала же - помогу. Только вот не знаю пока, кто из вас лучше понять способен. С каждым пошептаться придется.

И, строго оглядев всю четверку, добавила:

- В индивидуальном порядке.

- Ну, и с кого начнем?

- Да вот, хоть с него, - она ткнула пальцем в Рому.

Лысый в замешательстве посмотрел на товарищей и прошел вслед за теткой в комнату. Его не было минут десять. За это время Михалыч и Юргис успели выкурить по сигарете и обменяться мнениями на тему того, что шарлатанов в наши дни развелось немерено, и дураят честной народ почему зря. Но послать бабулю по известному адресу, чтобы дальше искать дорогу самостоятельно, никто почему-то не предложил.

Андрей в обсуждение не вступал. Лениво побродил по двору. Возле сарая валялись заплесневелые доски, а за ними - цинковое ведро, сплющенное, словно по нему лупили кувалдой. Еще Андрей наткнулся на помятый картонный ящик, в котором с удивлением опознал коробку от принтера. Попытался представить, какими судьбами она тут, собственно, оказалась, но ничего не придумал и вернулся к попутчикам.

Лысый вышел из комнаты, буркнув:

- Следующий.

Андрею показалось, что морда у Ромы красная, как у двоечника, с которым только что разбирались на педсовете.

Впрочем, возможно, это был обман зрения - лампочка светила довольно тускло, и толком было не разглядеть. В комнату шагнул Юргис, но пробыл там всего минуту. Вышел обратно, пожал плечами и показал - проходите, мол, кто там у нас на очереди.

- Давай ты, - сказал Михалыч Андрею.

В комнате было полутемно, горела только настольная лампа под абажуром. Андрею бросился в глаза шифоньер в углу - высокий, массивный, из тех, что вдвоем не сдвинешь. Телевизор отсутствовал, зато имелся монументальный радиоприемник с круглой рукояткой настройки и с названиями городов на шкале. Деревянный корпус был прикрыт плетеной салфеткой, а сверху стояла ваза.

Хозяйка, устроившись за столом, листала отрывной календарик - с таким видом, словно искала более подходящую дату для разговора. Скажем, где-нибудь в ноябре. Рядом лежала ученическая тетрадь и помятый журнал 'Крестьянка' - с обложки улыбалась упитанная девица с большим венком из ромашек.

- Садись, не маячь.

Андрей опустил на рассохшийся стул напротив. Ножки жалобно скрипнули. Настина бабка посмотрела на него неприветливо и сказала:

- Паспорт давай.

- А справку из военкомата не надо? Или табель с оценками? А то я мигом.

- Умные больно все, - пробурчала тетка. - Ну, и шли бы своей дорогой. Я, вообще-то, никого не держу. Своих дел хватает.

И кивнула почему-то на девицу с ромашками. Андрей вздохнул и вытащил паспорт. Хозяйка пролистала его небрежно и долго вглядывалась Андрею в лицо, словно пыталась отыскать сходство со вклеенной фотографией.

- Семнадцать лет сегодня, значит? Сорокин... Птенчик...

Андрей промолчал. Она, вернув ему документ, добавила:

- И штампа нет. Всех распугал, наверно? А ну, покажи поближе.

Он закатал рукав и положил предплечье на стол, как будто явился к медсестре на прививку. Хозяйка склонилась над узором, который сейчас почти не мерцал. Пару минут изучала сплетенье линий, потом осторожно провела пальцем. Андрей ощутил покалывание - довольно приятное, как тогда, под светом приглушенного солнца. Наконец, она выпрямилась и, глядя куда-то мимо Андрея, побарабанила пальцами по столу.

- Ладно, - сказала 'фермерша', - может, оно и правильно. Если по-другому никак. Что я понимаю, кобыла старая?..

- Загадками говорить изволите? - вежливо поинтересовался

Андрей. - Если честно, надоело уже. Кого не встретишь - у всех секреты, один страшнее другого. И хоть бы кто-нибудь отгадками поделился.

- Я бы, может, и поделилась, - она вздохнула, - да ведь нельзя мне.

- Правила?

- Они самые.

- Вообще-то, можно исключение сделать, - линии на руке у Андрея зашевелились. - Я, знаете, могу по-разному спрашивать...

- Вижу, - подтвердила она, - только все равно не получится.

- Чего вдруг?

- Помру я, хлопчик.

Она сказала это спокойно, и он мгновенно понял - не врет. Узор на предплечье разочарованно затухал.

- Ну, нет, так нет, - Андрей поднялся, - будем считать, что поговорили.

- Погоди секунду, - она взяла календарик и выдрала оттуда листок. - Возьми вот. Твой день сегодня. Может, и пригодится.

На серой бумажке, как и положено, стояла дата - 11 августа. Коротко сообщалось, что в этот день контр-адмирал Ушаков разгромил турок у мыса Калиакрия (1791), открылся международный аэропорт Шереметьево (1959) и родился Сергей Мавроди (1955). На обороте была считалочка: 'Сорока-ворона кашу варила, на порог скакала, гостей созывала'. Стишок сопровождался рисунком. На взгляд Андрея, получилось несколько мрачновато - 'сорока-ворона' недобро сверкала глазом и топорщила перья. И, наконец, имелось изречение на латыни: 'Cantus sinister oscinis'. Что это значит, Андрей не имел понятия.

- И как мне это поможет?

- Не знаю, - сказала тетка. - Но, согласись, забавно - ты у нас Сорокин, и на картинке - сорока.

- Поразительное совпадение.

Он машинально сунул бумажку в паспорт между страницами, положил документ в карман и пошел к двери. Михалыч сунулся было в комнату, но хозяйка встала из-за стола и предупредила:

- Все, закончили на сегодня.

- Ну, и что нам дальше делать?

- Не волнуйся, старшой. Птенчик дорогу знает, - 'фермерша' кивнула на Андрея и подмигнула. Смотрелось это довольно дико.

Видя недоумение Михалыча, Андрей пояснил:

- Товарищ колдунья шутит. Ей моя фамилия нравится.

- А насчет дороги?

- Не в курсе.

- Найдет, найдет, - заверила тетка. - Скромный он, можно

сказать, стеснительный. Но, когда надо будет, подскажет - вы, главное, обращайтесь. А сейчас ступайте, соколики. У меня, вон, внучка еще не кормлена. И корова не доена...

Никаких коров в радиусе ста метров Андрей не заметил, но хозяйка настойчиво теснила их к выходу.

- Но сейчас-то нам куда ехать? - спросил Михалыч.

- А вы езжайте прямо, не ошибетесь.

Едва четверка оказалась на улице, 'фермерша' захлопнула дверь и, суда по звуку, закрылась изнутри на щеколду.

- Зашибись, - сказал Рома. - Проконсультировались.

- А по-моему, не так уж плохо, - неожиданно сказал Юргис. - Подсказка была, а в какой форме - это дело десятое. Сказано - прямо, поедem прямо. Дальше - будем смотреть. Правильно я говорю, Михалыч?

- Фиг его знает, - седой с сомнением почесал подбородок. - Ладно, по коням.

Дорога шла через обширное поле, которое, впрочем, было давно заброшено. Юргис вел аккуратно, и машина мягко переваливалась на кочках. Минут через пять в свете фар возникли две огромные каменюки. Они росли в землю по обеим сторонам от дороги, и было совершенно неясно, какая сила могла их сюда забросить - каждый валун был размером с микроавтобус. Водитель нажал на тормоз и обернулся к товарищам, словно ожидая подсказки.

- Что, думаешь, отсечка? - спросил Рома и посмотрел на Михалыча.

- Она, родимая, - согласился тот. - Причем серьезная, плюсовая. Даже и выходить не надо - отсюда видно. Только вот, блин, куда она нас забросит?

- В смысле?

- Ну, сам подумай. Предыдущую вспомни. Мы тогда на маршруте были, четко знали, куда нам ехать. На маршруте же и остались, просто вперед скакнули. А сейчас что? Ломимся наугад. Соответственно, выскочим тоже хрен знает где.

- Ну, и что теперь? Назад поворачивать? Не смейся.

- Ладно, не умничай. Сам знаю, деваться некуда. Давай уже, Юргис, чего стоишь?

Прибалт направил машину между камнями. Андрей на миг ощутил головокружение, и они провалились в утро.

Сразу стало светло, голубое небо сияло над головой, и до восхода солнца оставалось совсем немного. 'Плюс шесть', ?-сказал Юргис и первым вылез наружу. Воздух приятно холодил кожу, на траве лежала роса. Местность переменялась. Теперь перед ними была небольшая рощица, а справа виднелись домики.

Вроде бы, вполне обычный пейзаж, но что-то было не так. Андрей не сразу сообразил - все вокруг выглядело слишком ухоженно. Поле аккуратно, словно по линейке засажено свеклой, и в промежутках между рядами не видно ни единого сорняка. Роща похожа на подстриженный парк, дома - опрятные просто до неприличия, а заборчики перед ними сверкают так, словно их покрасили час назад. Проселок превратился в асфальтовую дорогу, на которой ярко выделялась белая полоса.

- Польша, что ли? - неуверенно спросил Рома.

- Похоже на то. Хорошо скакнули.

- Ага, нехило. Жалко только, что мимо.

Андрей почувствовал себя неуютно, вспомнив, что у него даже загранпаспорта не имеется. И вообще, путешествие за рубеж он представлял себе несколько по-иному. То есть, не то чтобы 'по-иному', а... как бы это сказать поточнее? Короче, ему даже в голову прежде не приходило, что он может когда-нибудь оказаться вне пределов России. Репортажи по телевизору, где корреспонденты с умным видом бродили под стенами Колизея, сидели в кафе на парижских улицах или наблюдали корриду, Андрей воспринимал примерно так же, как научно-популярные фильмы про полет 'Кассини' к Сатурну. Прикольно, но к реальной жизни отношения не имеет. Умом он, конечно, осознавал, что, если английский язык наличествует в школьной программе, то, значит, где-то действительно имеются люди, которые на нем говорят. Но в глубине души все равно не верил, что сакраментальную фразу 'My name is Andrew' придется хоть раз применить на практике. И вот, пожалуйста - заграница. Руками можно потрогать...

Внимание привлекла приземистая постройка на въезде в рощу. Над дверью была табличка. Прищурившись, он прочел латинские буквы - и облился холодным потом.

На табличке значилось: SKLEP.

Да ёшкин кот, подумал Андрей с отчаянием, когда же все это кончится?

Он толкнул стоящего рядом Рому. Тот, оглядев постройку, спросил:

- Ну, и?

- Надпись видишь? Ничего тебя не смущает?

- Ну, вижу. 'Склеп', и что? 'Магазин' по-польски.

- Тьфу, б...

Андрей с досадой сплюнул на чистенький, почти не запыленный асфальт. Паранойя - страшная сила...

- Может, поехали уже? Чего мы время теряем?

- И то правда. Двинули, мужики.

За рощей дорога пошла под горку. Перед ними расстилались заливные луга. Туман, скопившийся в долине перед рассветом, еще не успел рассеяться. Скорее, наоборот - чем дальше, тем он становился гуще. Молочная пелена окутала машину со всех сторон, и видимость снизилась почти до нуля. Юргис, напряженно вглядываясь вперед, все время сбрасывал скорость и, наконец, затормозил окончательно.

- Переждать придется, - пояснил он. - А иначе в канаву свалимся.

- Правильно, - согласился Михалыч, сидевший рядом.

- Я вот думаю - как мы отсюда на Линзу выскочим?

- Да хрен ее знает, я уже ни в чем не уверен.

- Выяснить надо, где мы сейчас находимся. Чисто географически.

- У местных надо спросить. Чего гадать на кофейной гуще?

Тем не менее, седой достал карту, и они с Юргисом принялись ее изучать. Андрей хотел уточнить про Линзу - что это за штука вообще? Но сначала решил прояснить вопрос, который его давно занимал.

- Слушай, - сказал он Роме, - помнишь, ты про активные шарики говорил? Дескать, если найти активный, то можно хорошо приподняться?

- Есть такое. Только они не каждый день попадают. И даже не каждый месяц...

В Ромином изложении выходило, что камешки бывают трех видов. Самые дешевые (по принципу 'третий сорт - не брак') - это те, которые сразу светиться не начинают. Пустышки. Впрочем, народ их тоже берет - в надежде, что огонек появится позже. Те, что подороже, люминесцируют изначально. Именно они приносят старателям основные доходы. Но есть еще одна категория. Эти не только светятся, но и способны влиять на окружающий мир. Их и называют активными.

Андрей снова вспомнил рукопись, где авгур описывал свои фокусы. Рома тоже привел примеры. Наклонился ближе к Андрею, словно их могли подслушать снаружи, и сообщил - у Юргиса имеется шарик, который отпугивает ментов. Нет, они не разбегаются в диком ужасе, но к владельцу почти не лезут. Не воспринимают его как объект, достойный внимания. Впрочем, твердых гарантий нет - вспомнить, например, эпизод с гаишником. Ну, а уж если менты получают прямой приказ - изловить всех контрабандистов в трехдневный срок, то никакие шарики не спасут. Но мы же все-таки в России живем, и таких приказов не будет...

Само собой, активные шарики стоят в сто раз дороже. Кстати,

свечение у них, в отличие от обычных, не обязательно синеватое. Бывает, например, зеленое или красное.

В этом месте Андрей задумался. Слеза, что ему подарил отец, однажды засветилась багряным. А та, что он экспроприировал у цыганки, была похожа на уголек. Но оба эти шарика изначально были обычными - иначе фиг бы их вот так выставляли на всеобщее обозрение. Значит, что получается - смола в руках у Андрея меняет свойства? Ха, если так, то он за неделю озолотится...

- А вообще, - мечтательно сказал Рома, - найти бы Горючий Зал! Понятно, что байка, но верить хочется.

- Ну, ты прямо сундук со сказками. Бажов Пэ Пэ. Что за Горючий Зал? Давай уже, не томи...

...В девяносто первом, когда Союз доживал последние месяцы, один из ветеранов 3-го Белорусского фронта в беседе с журналисткой поведал удивительную историю. В свое время он, будучи сапером, принимал участие в зачистке Эксклава. И, в частности, обследовал захваченный замок. Так вот, в одном из комнат, якобы, хранилось панно из Горючих Слез, которые мерцали всеми цветами радуги. Кроме того, имелись еще гирлянды на стенах. Зрелище было невероятное - бойцы стояли, разинув рот, пока не прибыли старшие офицеры. Дальше находкой занялись компетентные товарищи с колючими взглядами. Все было засекречено. И только теперь сапер-ветеран решился рассказать об увиденном. Журналистке он объяснил - какой смысл сохранять молчание, если страну уже продали на самом верху?..

Сапер вполне допускал, что драгоценности из Горючего Зала успели вывезти до того, как замок погрузился под землю. Многие, правда, сочли эту историю уткой. А все последующие сенсации, которые возникли в продолжение темы, и вовсе не заслуживали доверия. Писали, например, что убранство из люминофорной смолы действительно имелось в одной из комнат, но его стырили еще до войны. Причем, сделала это экспедиция 'Аненербе', а слухи о ее гибели - не более чем хитрая деза. В одной газете без обиняков утверждали, что Горючий Зал хранится в горах Тюрингии, где в сорок четвертом начали строить новую штаб-квартиру для фюрера. Строительство завершить не успели, но шахты были уже готовы. И вот в одной из них, мол, спрятали мерцающее сокровище. Эту заметку кто-то сдуру перевел на немецкий, и в тюрингском местечке Ордруф на пару месяцев вспыхнул ажиотаж не хуже, чем на Клондайке - бюргеры, зараженные золотой лихорадкой, спускались в шахты чуть ли не на подтяжках...

Когда Рома дошел до этого места, Андрей вспомнил, что и сам в начале девяностых слышал нечто подобное, но, по причине нежного возраста, в подробности не вникал. В конце концов, журналистам тема наскучила и в прессе больше не обсуждалась. Но среди старателей легенда, оказывается, живет до сих пор.

- Ты прикинь, - горячился Рома, - если один-единственный шарик ментов от нас отгоняет, то целая комната - это ж вообще песец!..

Короче, насколько понял Андрей, в местном фольклоре Горючий Зал занимал примерно ту же самую нишу, что Золотой Шар у сталкеров в 'Пикнике на обочине'. Если доля правды имелаась в этих рассказах, то вряд ли она была велика. Попади такая мега-вундервафля к товарищам в Кремль после войны, они бы всю Америку поставили раком. За компанию с Англией...

- Что-то не нравится мне этот туман, - процедил Михалыч. - Уже полчаса торчим, и до сих пор ничего не видно. Предчувствие у меня нехорошее.

- Это да, - согласился Рома. - Сидим, как в сметане. В крынке.

- Я вот думаю, - продолжил седой, - а не пора ли нашему имениннику, так сказать, блеснуть мастерством?

- Я бы с радостью, - пожал плечами Андрей, - только я вижу не больше вашего.

- А ты пораскинь мозгами. Вспомни точно, что бабка тебе сказала. Она хоть и пришибленная слегка, но что-то такое знает. Я бы ее послушал.

- Да не сказала она ничего по делу. Птенчиком обзывала.

- Птенчиком... - повторил Михалыч. - Ну, а что еще говорила?

- Вообще-то, - подал вдруг голос прибалт, - птицы всегда находят дорогу. Даже если с другого материка. Кажется, по магнитному полю.

- Я, если что, магнитных полей не чувствую. И в рентгене тоже не вижу, сразу предупреждаю.

- Стоп, стоп, - перебил Михалыч. - Хрен с ними, с магнитами. Но ведь нас же ты вчера отыскал? Как по пеленгу вышел. А повторить слабо?

Андрей задумался. Тогда, на автовокзале он использовал шарик, чтобы сделать живой локатор. Может, действительно, попробовать еще раз? А Слезу у них требовать - наверняка ведь есть. Хотя, секунду. Шарик он применил потому, что не знал, кого конкретно искать. Не имел ориентира. А сейчас ориентир в наличии, да еще какой - башня-маяк высотой до неба. Просто надо ее сквозь туман увидеть...

- Ладно, - сказал Андрей, - дайте пару минут.

Он сосредоточился, и узор под рукавом запульсировал.

Погружение в тусклый мир прошло почти незаметно, только туман приобрел, как показалось, ржавый оттенок. Словно в молоко добавили каплю кофе. Фигуры людей застыли. Андрей, внимательно оглядевшись вокруг, уловил неяркую вспышку. Потом огонек погас, но через секунду зажегся снова. Казалось, что там включилась мигалка - но не синяя, как у 'скорой', а оранжевая, как у ремонтников. Сигнал мерцал не прямо впереди, а левее. Стараясь не спускать с него глаз, Андрей вынырнул из тусклого мира.

- Направление на Эксклав я засек, - доложил он спутникам.

- Ну, и в какую сторону?

Андрей показал.

- А толку? - проворчал Рома. - Если туда свернем, то просто в канаву съедем.

- Не съедем, - сказал Михалыч. - Я так подозреваю, что никакой канавы там уже нет. И асфальта под нами - тоже. Мы сейчас нигде, понимаешь? Пространство неопределенности или что-то вроде того, я в терминах не силен. Так что давай, Андрей, перебирайся на мое место. Будешь Юргису дорогу показывать.

Михалыч вылез наружу и сразу пропал из виду. Впрочем, в следующую секунду дверь в салон отодвинулась, и седой заскочил в проем. Туман в машину почему-то не заползал. Андрей повторил маневр Михалыча в обратном порядке, не отрывая рук от двери, чтобы не потеряться. Сел рядом с водителем и сделал указующий жест, как Ленин на постаменте:

- Вон туда.

Юргис осторожно повернул руль. Похоже, он все-таки опасался, что передние колеса сейчас угодят в канаву. Но, проехав несколько метров, слегка расслабился. Микроавтобус медленно, со скоростью пешехода, но все же продвигался вперед. Маяк поблескивал оранжевым светом. Минута прошла в молчании.

А потом в тумане мелькнул еще один огонек. Андрей уловил неприятный писк на пределе слышимости и напрягся, вглядываясь вперед. Ему показалось, что вдоль стекла скользнуло длинное тело, но точно утверждать он не мог. Опять стало тихо, только урчал мотор. Андрей подумал, что мурена, если это была она, разминулась с ними в молочной мгле. Будем считать, что на этот раз пронесло...

Машина содрогнулась от мощного толчка в правый борт.

Рома коротко матюгнулся, а Михалыч прошипел:

- Что за черт?..

Андрей не успел ответить, потому что к стеклу напротив него прижался звериный глаз. Он был размером с яблоко или с

елочную игрушку, а черный вертикальный зрачок походил на трещину. И в этом треснутом шаре горел холодный огонь. Дрожащий свет затягивал, завораживал, лишая воли к сопротивлению. Не соображая, что делает, Андрей нащупал ручку двери.

Передние колеса вдруг провалились, и машина ухнула в пустоту. Мурену, наоборот, подбросило вверх, словно невидимый рыбак-великан подсек ее и резко потащил на себя. Андрей почувствовал, что отрывается от сиденья. Невесомость показалась ему нестерпимо долгой, хотя он умом он осознавал, что на самом деле прошли буквально доли секунды.

Колеса ударились о твердую землю, и рессоры жалобно скрипнули.

Туман вокруг стремительно испарялся.

Микроавтобус стоял на обочине автомобильной дороги, которая давно нуждалась в ремонте. Справа тянулся необъятный пустырь, дальше был недостроенный блочный дом. Зияли пустые глазницы окон. Слева торчала опора ЛЭП.

- Home sweet home, - прокомментировал Юргис с неожиданно красивым произношением.

- Яволь, - отозвался Рома.

- Полиглоты, мля, - похвалил Михалыч. - Ну что, Андрей, поздравляю. И произвожу в почетные лоцманы.

- Главное, что не в Кацманы, - пробурчал Андрей.

- Охренеть, - сказал Рома. - Это что, мы даже Линзу не проходили? С большой земли - и сразу сюда?

- Ага, - подтвердил Михалыч, - вместо Линзы туман этот был ползучий.

- Ну, Андрюха, ты монстр!..

Но Андрей уже не слушал. Он вглядывался вперед.

Башня-скелет теперь казалась намного ближе. А перед ней раскинулся город.

Глава 13

Если бы его спросили заранее, как должен выглядеть административный центр Эксклава, то Андрей не сумел бы ответить внятно. Фотографий и кинохроник не существовало в природе - засвеченная пленка стала настоящим проклятьем. Оставались надеяться на художников. Но те, как правило, рисовали погибший замок и древние поселения; новую же столицу, построенную после войны, почему-то обходили вниманием.

В связи с этим, кстати, возникал закономерный вопрос - а каким образом Михалков собирался снимать кино? Да, история с 'Сибирским цирюльником' - это, похоже, все-таки байка. Или,

может, уже придумали выход? Цифровые камеры, например. Они здесь работают? Если даже и так, то снимки Андрею не попадались.

За неимением фактов он во время поездки пытался пофантазировать. Сначала ему представилось нечто образцово-футуристическое, в духе фильма 'Blade Runner' - здания из стекла и бетона, монорельсы высоко над землей, неоновый свет и посадочные площадки на крышах. Потом он, правда, сообразил, что закрытые зоны на советском, да и постсоветском пространстве выглядят несколько по-другому. Воображение скорректировало картинку - бункеры со стальными дверями, надписи 'Стоять!' и 'Предъяви пропуск!', овчарки и пулеметные вышки. Но в реальности все оказалась намного проще.

Это был самый обычный город - побольше чем тот, в котором вырос Андрей, но уж явно не миллионник. На окраинах теснились панельные новостройки, в другой стороне мелькнуло нечто, похожее на промзону - серые унылые корпуса и решетчатые конструкции непонятного назначения. В центре города небоскребов не наблюдалось, и спиральная башня смотрелась на этом фоне особенно вызывающе. Впрочем, оценить это зрелище никто, кроме Андрея, не мог.

Людей на улицах было много. Шагали по тротуарам, сидели в летних кафе, озабоченно перебегали дорогу. Хмурились, улыбались, болтали. Попадались и серьезные дяденьки в пиджаках, и симпатичные барышни в мини-юбках, и бритые амбалы в рубашках, расстегнутых до пупа, и похмельные работяги, и толстые тетki самого что ни на есть совкового вида.

Автомобильное движение тоже оказалось довольно плотным. Причем, иномарок было гораздо больше, чем в городе у Андрея. Интересно, подумал он, как они сюда попадают, если границы закрыты наглухо? Спросил у Ромы. Тот объяснил, что машины везут из Германии на пароме - в основном, конечно, подержанные, но и новые попадают. А всяческий ширпотреб, вплоть до чипсов и прочих сникерсов прибывает тем же путем из Польши. Андрей удивился - а как же секретность и вся фигня? Рома пожал плечами. После распада Союза в Москве всем было не до Эксклава. Снабжать его - тот еще геморрой. Поэтому, когда кто-то заикнулся насчет парома, кремлевские перцы поначалу несколько охренели, но потом махнули рукой. И все последние годы торговля с границей идет исправно. Правда, иностранцам не разрешают сходить на берег. Детский сад, короче...

Слушая Рому, он разглядывал из окна спортивную тачку с открытым верхом, стоящую рядом на светофоре. За рулем сидела девица - по виду, ненамного старше Андрея. Правой рукой она

небрежно держала руль, а в левой дымилась тонкая сигарета. До сих пор Андрей видел такое только в кино.

Через город протекала река, одетая в камень. Юргис остановился перед мостом. Все вылезли из машины. На другом берегу возвышался серый бетонный куб - этажей, наверное, в двадцать. Ровные ряды окон, на фасаде никаких украшений. Даже сейчас, когда ярко светило солнце, эта глыба нагоняла тоску. Рома пояснил мимоходом, что раньше здесь был НИИ, который, по мере сил, пытался разобраться в прошлом Эксклава. Потом из-за недостатка денег его прикрыли, а в здании теперь бизнес-центр.

- Ладно, парни, я побежал, - сообщил Михалыч, взяв свою сумку. - Андрей, если что, как с тобой связаться? Посидим в спокойной обстановке, поговорим. Я так чувствую, без дела ты не останешься.

- Надеюсь, - сказал Андрей. - А как связаться - пока не знаю.

- Ну, жить ты где собираешься?

- Без понятия.

- Ну, ты даешь, блин, - удивился седой. - И чем ты думал?

- У меня одна хата есть на примете, - припомнил Рома. - Кореш женился и к жене переехал, на днях буквально. Я бы тоже, блин, переехал! Живет теперь, как барон. Самый центр, трешка - предки ей подогнали... Ладно, неважно. Главное, что его квартира стоит пустая, он ее сдавать собирался.

- Ну и прекрасно, - сказал Михалыч. - Сразу, как домой доберешься, звякни своему корешу. Или лучше прямо сейчас набери с мобилы. Давай, давай, не разоришься с одного разговора! Если не получится - будем думать...

Лысый достал телефон, потыкал в кнопки и рявкнул:

- Здорово, гоблин!

- Высокие отношения, - заметил Юргис вполголоса.

Рома, тем временем, продолжал:

- Я, а кто же еще? Приехали, да. Вот только что. А в чем проблема? Не понял...

Он нахмурился и, продолжая слушать, прошелся с трубкой туда-сюда. Остальные переглянулись. Наконец, Рома буркнул:

- Ладно, сейчас подъеду.

Опустил мобилу, посмотрел на всех невидящим взглядом и произнес:

- Вот, елки. Копец мне...

- Что такое?

- Знаете, какое число сегодня? Четверг, второе сентября, бляха-муха.

- Чего?!

- Того! Туман этот долбанный...

Михалыч и Юргис схватились за телефоны. Рома тоже начал кому-то еще названивать. Андрей отошел в сторонку. Он решил не распространяться, что виноват, наверно, не столько туман, сколько упражнения с тусклым миром. Уберечься от побочных эффектов не всегда удастся. В Москве, например, прыжка во времени не было, потому что ему помогала лунная тень. Но затмение кончилось - и вот, пожалуйста, скакнули. Спасибо, что только на три недели, а не на шесть, как в поезде. Ну, а что делать? Иначе вообще бы в жизни не выбрались...

- Рома, тебя куда довести? - участливо спросил Юргис.

- До проспекта подбрось, - лысый сел на место и замолчал угрюмо, уставившись в одну точку. Михалыч махнул рукой на прощанье. Они проехали по мосту, свернули на оживленную улицу и через три квартала остановились.

- Может, подождать?

- Андрея подожди, если время есть, а меня не надо. Куда теперь спешить, нах...

Рома с Андреем выбрались из машины и зашли во двор многоэтажного дома. На лавке перед подъездом сидел упитанный мужичок, похожий на солиста 'Руки вверх', постриженного под ноль. Увидев их, он встал и протянул Роме руку:

- Здорово еще раз. Я как раз домой шел, а тут ты звонишь. Решил тебя на улице встретить. Ну, что делать думаешь?

- Прикинем сейчас хрен к носу. Сначала насчет своей однушки скажи...

Через минуту Андрей уже снова сидел в машине, а в кармане лежал ключ от квартиры. К счастью, хозяин ее до сих пор не сдал. Переговоры не затянулись. Мужик посмотрел на Андрея, запросил сорок баксов в месяц, продиктовал адрес и чуть ли не пинком отправил на заселение - так ему не терпелось побеседовать с Ромой.

- И какой адрес? - любопытствовал Юргис.

- Советская, 154. Знаешь, где это?

- Знаю, подброшу. Говно район, если честно. Прямо рядом с 'восьмеркой'.

- Что за 'восьмерка'?

- Режимный объект. Увидишь. Рома ничего больше не сказал?

- Не, только матюкался.

- Ну, еще бы. Он бабки должен конкретные. На счетчик уже поставили...

Дом оказался старый, пятиэтажный. Андрей со вздохом подумал, что эти уродцы хрущевской архитектуры преследуют его по пятам. Переползают по ночам из города в город, чтобы он,

Андрей, на них натыкался...

Стены были даже не серые, а слегка буроватые, словно их старательно подкоптели. Дом стоял наособицу - от ближайших соседей его отделял заброшенный котлован. Еще имелось несколько гаражей, а рядом - мусорный контейнер, размером чуть ли не с кузов от самосвала. Он был заполнен с горкой. Вокруг бродила пестрая кошка.

Распровавшись с водителем, Андрей шагнул в запыленный темный подъезд и поднялся по лестнице на третий этаж. Коридор был длиннее, чем в обычных домах, хоть и не такой бесконечный, как в общежитии. Андрей припомнил, что Юргис назвал такую планировку 'гостинкой'. Отыскал нужную квартиру. Хлипкая деревянная дверь не имела даже обивки. Щелкнул замок, и новое место жительства предстало во всей красе.

Ну, в общем, бывает и хуже, подумал он. В единственной комнате - шкаф, диван, раскладное кресло. В углу телевизор - кстати, не очень древний. На полу бордовый линолеум, на стенах выцветшие обои. В кухне - стол, холодильник 'Саратов' и газовая плита. О, даже балкончик есть - крошечный, правда, с цементным полом, а железные перила шатаются.

Вид с балкона был, скажем прямо, нетривиальный. На противоположной стороне улицы торчал бетонный забор. Он тянулся, насколько хватало глаз, а поверху шла колючая проволока (Андрей подумал, что, похоже, его фантазии все-таки имели под собой основания). Пулеметные вышки, правда, отсутствовали, но приземистые постройки очень напоминали бараки. В глубине территории виднелся ржавый железный купол, от которого расходились толстые трубы. В общем, это, судя по всему, и была загадочная 'восьмерка', о которой говорил Юргис.

Из-за забора донесся металлический скрежет и, кажется, приглушенный вой. По крышам 'бараков' скользнула тень, словно над ними проплыло облако или пролетела плотная стая птиц. Но небо над городом было чистым. Андрей отвернулся и отправился в душ.

И только смыв с себя дорожную пыль, вспомнил, что не купил ничего съестного. Но идти уже никуда не хотелось. В нем яростно боролись голод и лень, и, чтобы отвлечься, Андрей опустил в кресло и включил телевизор.

На экране возник комментатор Сергей Моренко. Андрей удивился - этот чувак, вроде, вел 'Воскресное время', а сейчас будний день, и дело только идет к обеду. Словно в ответ на его сомнения, внизу появилась надпись: 'Повтор программы от 29 августа'. Моренко, недобро прищурившись, произнес:

- Между тем, начальник областного департамента транспорта

и дорожного хозяйства уже допрошен по делу о 'лиловых кострах'. Утверждается также, что карты области содержат фактические ошибки. Казалось бы, при чем здесь Глушков?..

Андрей потянулся к пульту, чтобы сделать погромче, но пока он давил на кнопки, картинка уже сменилась. В кадре возникло здание на Охотном Ряду, перед которым стояло несколько БТРов. Военные в камуфляже что-то обсуждали между собой и время от времени показывали рукой на фасад. Жадно вглядываясь в экран, Андрей пропустил несколько фраз ведущего, а когда спохватился, тот уже завершал программу:

- Таким образом, парламентский кризис, разгоревшийся после досрочного возвращения фракций с летних каникул, продолжает набирать обороты...

В голосе прорезались ядовитые нотки.

- ...тут мы, конечно, поставим плюстик блоку 'Страна отцов', чей учредительный съезд породил лавину, способную навечно погresti под собой нашу трогательно-невинную политическую систему. Впрочем, это такие мелочи - не правда ли, партайгеноссе Глушков? Главное, что осень не будет скучной...

Появилась незнакомая Андрею заставка - черно-белые шестеренки, которые вертелись со смачным лязгом. Полюбовавшись этой картиной, он переключил канал и услышал:

- ...только звезды, и только самые яркие! Певица Аглая! Стилист Сергей Зверобоев! Светская львица Дарья Катценберг - вот, она как раз прибывает!.. - репортерша подпрыгнула от восторга и бросилась к лимузину, который подрулил к тротуару. - Дарья, почему вы сегодня здесь?

Блондинка лет восемнадцати, выбравшись из машины, блеснула зубами и сказала противным голосом:

- Ну, знаете, новый телеканал открывается - такое не пропускают. Причем, не обычный телеканал, а с совершенно оригинальной концепцией. Хотите, поспорим - все будут смотреть, и рейтинги через месяц зашкалят? Кстати, признаюсь вам по секрету, мне уже предложили работу. Буду вести программу. Да, авторскую программу в прайм-тайм...

Андрей был, мягко выражаясь, далек от светской жизни в Москве. И эту белокурую львицу ни разу еще не видел. Но почему-то ее лицо казалось смутно знакомым. Несколько секунд он пытался сообразить, потом плюнул и снова переключил канал. В самый последний миг, когда Андрей уже надавил на кнопку, ему почудилось, что на шее у блондинки шевельнулась черная нить. Он поспешно вернулся, чтобы присмотреться получше, но Дарья Катценберг уже исчезла из кадра, а репортерша гналась за двухметровым брюнетом в белом плаще.

- Ну, и фиг с ней, - буркнул Андрей и выключил телевизор.

Жрать хотелось просто невыносимо. Он вытряхнул из сумки одежду и почесал в затылке. Чистая рубашка с длинными рукавами осталась только одна. Блин, надо что-то придумать. И вообще, пора бы уже сделать 'татуировку' более управляемой. Чисто внешне, хотя бы. Он же чувствует - после затмения возможностей стало больше. Ну-ка...

Он усталился на руку. Искры замерцали сильнее, но четкой картины не было.

- А вот хрен, - произнес Андрей. - Буду упражняться до посинения. Или до покраснения, как получится.

Прикрыл глаза и попытался расслабиться. Надо подумать о чем-нибудь знакомом, приятном. Вспомнился вид из окна квартиры, где он провел все детство. Шоссе среди далеких холмов. Солнце зашло, оставив розоватое зарево, и склоны, поросшие травой, потемнели. Прохладный ветер...

Он открыл глаза и посмотрел на предплечье. Узор был темно-зеленый и только ближе к локтю в него вплетались несколько красноватых волокон. словно цветовая гамма из памяти отпечаталась на руке. Но самое главное - 'паутина' была стабильна и не мерцала.

Вот и чудненько, подумал Андрей. Сойду за интеллигента...

Притока ума от позеленения, вроде, не ощущалось. Впрочем, он изначально планировал только внешнюю маскировку. В этом смысле - получилось неплохо.

Он натянул футболку, вышел за дверь и бодро двинулся к лестничному пролету.

- Ой!..

Барышня, только что свернувшая в коридор, врезалась в него и чуть не упала. Андрей едва успел ее удержать. Она уронила пластиковый пакет, и несколько картофелин весело поскакали по лестнице.

- Извините, я подберу, - пробормотал Андрей.

Он спустился за клубнями и положил их в сумку. Потом поднял глаза на девицу.

Она не была красавицей. Андрей не знал, корректно ли употреблять слово 'щуплая' для описания женской внешности, но здесь оно подходило лучше всего. Не то чтобы девушка выглядела изможденной от голода, просто от природы такая вот хворостинка. Тонкие плечики, едва заметная грудь, мелкие черты лица - и при этом огромные, прямо-таки неестественные глазищи. На ней была майка без рукавов, кроссовки и широкие мешковатые джинсы. Стрижка короткая, волосы покрашены хитро - Андрей затруднился бы описать, запомнилась только красная челка.

И при этом - ярчайший алый узор чуть пониже локтя.

Заметив его, Андрей немного напрягся, но сразу же устыдился - он не встречал еще никого, кто выглядел бы менее агрессивно, чем эта незнакомка с картошкой. К тому же, его собственная 'татуировка' не подавала никаких тревожных сигналов.

Девчонка смотрела него с любопытством.

- Ты не к нам приходил?

- Н-нет, - отчего-то Андрей смутился. - Я вообще-то к себе.

- А ты из какой квартиры?

- Из тридцать третьей.

- А я из тридцать седьмой.

- Ну, давай, это... помогу тебе донести... - он подхватил пакет.

- И вообще, извини, что я тебя так...

- Фигня! - она улыбнулась и хлопнула его по плечу - как будто коснулась мягкой травинкой. Бедная, подумал Андрей, как же она эту сумку перла? В пакете было от силы три килограмма, но при взгляде на барышню даже этот груз казался кошунством.

- Я Инга, - сообщила она, отпирая дверь.

Оказалось, что квартиру она снимает вдвоем с подругой. Учатся в местном универе на втором курсе. Факультет иностранных языков, английское отделение (да, подумал Андрей, здесь поумничать не удастся).

- А ты? - спросила она.

- А я... э-э-э... уже отучился, - соврал он, вспомнив, что выглядит старше, чем указано в паспорте. - Я не местный. Приехал по распределению, только что.

- По распределению? А что, такое еще бывает?

- Ох, бывает...

Он оглядел квартиру. Если бы Инга не сказала заранее, то Андрей, пожалуй, не сразу бы догадался, что здесь обитают юные дамы. Ну, то есть, было чисто, но никаких салфеточек-занавесочек. Зато на стене висел громадный плакат - лохматый тип с пронзительным взглядом. Порывшись в памяти, Андрей пришел к выводу, что, кажется, это фронтмен группы 'Doors'. 'Неформалки, по ходу', - подытожил он для себя, еще раз взглянув на разноцветную стрижку новой знакомой.

- Ты есть хочешь? - спросила она. Видимо, ответ отразился у него на лице, поскольку Инга, ни слова больше не говоря, набрала в кастрюлю воды и поставила ее на плиту. Потом выложила картошку на стол, взяла нож, а другой такой же протянула Андрею. Они устроились напротив друг друга.

- А чего ты не на занятиях? - поинтересовался Андрей.

- Да ну, - она махнула рукой. - Я вчера была. А потом мы

первое сентября отмечали. Я недавно только проснулась. А Наташка вообще дома не ночевала.

- Соседка твоя?

- Ага.

- Железная у вас дисциплина.

- Ну, у нас же все-таки не питомник.

- Чего? Ты извини, я не местный, вашего жаргона не знаю.

- Питомник. Ну, это так, народное творчество. А вообще, учебное заведение такое, только режимное.

- В смысле - режимное? Военное? ФСБ?

- Нет, еще какая-то контора, по ходу. Мало их у нас, что ли...

- И чему там учат?

- Шавок дрессируют, - она скривилась.

- Кого дрессируют?

- Ну, этих... Собирают девчонок по всей стране, чтобы узор был красный и яркость не ниже пятой.

- А почему именно девчонок?

- Фиг знает. Как мне объяснили, девки с таким узором попадают редко, все больше парни. Но парней обычно ФСБ забирает или вояки. А девчонок не берут почему-то. Одна дорога - в питомник...

- А ты сама... - Андрей кивнул на ее предплечье, алевшее, словно мак.

- Что - я? - она возмущенно уставилась на него. - Думаешь, я из этих? Ну и что, если у меня такой цвет? Сразу туда бежать? Достали уже! Весь мозг мне вынесли после школы: 'Подумайте, Инга, не спешите с ответом - мы ведь на вас не давим...' Ага, не давят они. На следующий день после выпускного ко мне приперлись. Я их послала, а они мне: 'Мы еще вернемся к этому разговору'. Потом отстали, правда. Поняли, видно, что толку от меня все равно не будет. В универе надо мной до сих пор прикалываются. Теперь вот ты еще. Блин, ну, сколько же можно?..

Ее глазищи сверкали, щеки порозовели, и непонятно было - то ли она хочет взглядом испепелить Андрея, то ли сейчас заплачет.

- Ну, прости, прости, - он выставил руки перед собой. - У меня ничего такого и в мыслях не было. Инга, только не плачь!..

- Не дожدهшься, - процедила Инга и взяла очередной клубень. От злости она вместе с кожурой срезала толстые ломти. А Андрей подумал - если 'красных' девчонок сюда привозят со всей страны, то нет ли среди них и юной особы по имени Ксюша Стрельченко? Это была бы неожиданная коллизия. Впрочем, какая разница? Даже если она и здесь - вряд ли будет счастлива его видеть. Да и сам он после памятной беседы в подъезде тоже не горит желанием, если честно...

Инга побросала картошку в воду, вытерла руки и включила магнитола, стоящую на столе. Покрутила настройку. Зазвучала гитара, и Чиграков запел хрипловатым голосом.

- Что за радио?

- Наше, местное. 'Экс FM'. От слова 'эксклав'.

- Я понял. А что, хорошее.
- Ага, попсы почти нет. И ди-джеи не тарахтят... Сало будешь?
- Давай.
- Наташка всегда из дома привозит. Ну, и точит его сама.
- А ты?
- А я вегетарианка.
- Это заметно, - сказал Андрей.

Едва они успели доесть, как в дверь постучали, и ввалилась компания из пяти человек с объемистыми пакетами - загулявшая любительница сала вернулась и притащила с собой друзей. Сразу стало шумно и тесно. В пакетах что-то интригующе звякало.

Наташа оказалась полноватой девицей с длинными светлыми волосами и простым (так и хотелось сказать - крестьянским) лицом. С ней была еще одна барышня - имя Андрей прослушал, заглядевшись на загорелые ножки. Ну, и трое парней до кучи. Один - одноклассник из универа, другой - вообще первокурсник. Третий явно постарше, коротко стриженный и прикинут солидно - в костюме, хоть и без галстука. На Андрея он почему-то посмотрел с неприязнью.

...Сigaretный дым висел над столом, не желая уползать в распахнутое окно, солнечный луч рисовал на обоях незатейливые геометрические фигуры, и стрелки на часах, что стояли на тумбочке у кровати, весело бежали по кругу. Лохматый рокер ухмылялся с плаката и подмигивал поощрительно. Бутылки блестели, и голова приятно кружилась; хмельная волна, подогретая сентябрьским солнцем, уносила сор докучливых мыслей и подтачивала рифы воспоминаний. Андрей улыбался, откинувшись на спинку дивана, Земфира кричала из динамиков про гавань и корабли, а безымянная девчонка с загорелыми ножками что-то ему рассказывала, заливаясь от смеха, и он согласно кивал, хотя слова проходили мимо его сознания.

Потом он обнаружил, что стоит на тесном балкончике с сигаретой в руке, хотя никогда до этого не курил, а пацан-первокурсник объясняет ему, что универ - это, может, и замечательно, но вообще-то в Эксклаве есть только одно достойное дело, и уж, конечно, оно состоит не в том, чтобы торчать на лекциях. И он, первокурсник, обязательно прибьется к старателям, потому что все задатки у него есть, и узор хорошо подходит. И пока пацан демонстрировал сложную - зеленую с красным - 'татуировку', по крышам 'бараков', что теснились за бетонным забором, бежали быстрые тени...

И опять Андрей сидел за столом - на этот раз с другой стороны, на расшатанной табуретке, а место на диване заняла Инга. Рядом с ней пристроился чувак в пиджаке. Точнее, пиджак

он только что снял, закатал рукава рубашки и теперь, кивая на плакат с волосатым Джимом, втирал что-то своей собеседнице - кажется, натужно пересказывал эпизоды из фильма Стоуна. Инга скучающе глядела в окно, иногда невпопад говоря: 'Ага'. Потом, словно забыв о существовании парня, поднялась и вышла из комнаты. Андрей со своей позиции видел, как она свернула на кухню. Он тоже встал и, не совсем понимая, почему вдруг возникла такая мысль, отправился за девчонкой.

Она сидела за столом, спрятав лицо в ладони. Он тронул ее за плечо.

- Ты чего? Случилось что-то?

Инга подняла на него глаза:

- Нет, все нормально. Просто устала. Видеть никого не хочу.

- А, ну тогда я, это... - он повернулся, чтобы уйти.

- Не уходи. Я не тебя имела в виду.

Она взяла его за руку, и это простое прикосновение вдруг показалось ему невыразимо приятным. Он присел перед ней на корточки.

- Инга, - сказал он, - а хочешь, ко мне пойдем? Там тихо, никого нету...

- Да, - ответила она просто.

Выбравшись в коридор, они подошли к квартире Андрея. Он отпер дверь и сказал: 'Ladies first', гордясь, что не ударил в грязь лицом перед студенткой иняза. Она шагнула через порог. Ключ застрял в замочной скважине, и вытащить его удалось не сразу. Пока Андрей возился, в коридоре нарисовался тот самый тип, от которого смылась Инга.

- Слышь, земляк, погоди, - сказал он Андрею.

- Чего?

- Разговор есть. Пошли, отойдем что ли.

'Паутина' на руке слегка зачесалась.

- Ну, пошли.

Андрей заглянул в квартиру и крикнул Инге: 'Я на минуту'. Прикрыл дверь и свернул на лестничный пролет вслед за парнем. Они остановились на площадке между двумя этажами.

- Ну, и?

- Инга со мной. Не лезь к ней, - парень говорил довольно спокойно, не пытаясь гнуть пальцы или рвать на груди рубаху. И Андрей подумал, что этот крендель формально, пожалуй, прав, но вслух произнес другое:

- По-моему, она пока не с тобой.

- Тебя не касается. Просто отвали от нее.

- А если нет? - 'паутина' зудела в радостном предвкушении.

- Можешь головой удариться. Сильно. Так, что номер ее

квартиры забудешь.

- Даже так? - он усмехнулся, ощущая, как воздух вокруг густеет, а секунды замедляют свой бег. - Забуду, значит? А это, пожалуй, мысль...

Андрей толкнул своего визави плечом, прижимая к грязной стене. Тот стал неуклюжим как манекен. Андрей перехватил его руку, притянул к своему предплечью, и мерцающие волокна впились в чужую плоть. У парня узор был желтый, с примесью красного и зеленого, из-за чего Андрею, заглянувшему в чужой разум, почудилось, что они оказались в осеннем парке - и эта картинка сразу же начала обретать объем и заполняться деталями.

Они стояли по щиколотку в опавшей листве, и спутник Андрея растерянно озирался. Потом его внимание привлекла асфальтовая дорожка, что виднелась среди деревьев. Там торчала скамейка, и на ней сидела хрупкая девушка. Она обернулась, словно что-то услышав, и стало понятно, что это Инга. Парень, узнав ее, замахал руками и попытался окликнуть, но резкий ветер поднял с земли целый ворох кленовых листьев, и они закружились, словно метель, скрывая тоненькую фигурку. А когда этот вихрь улегся, скамейка была пуста. Парень потряс головой, пытаясь вспомнить, что он только что видел, а листья, устилающие асфальт, съеживались и теряли золотисто-красный оттенок. И когда на гниющий скелет скамейки опустились первые сухие снежинки, Андрей разорвал контакт.

Снова осознав себя на лестничной клетке, он посмотрел на парня, который стоял, тяжело дыша и опершись спиной о стену. Узор на его руке, кажется, слегка потускнел. Андрей потряс собеседника за плечо.

- Ау, земляк, слышишь меня?

- А? Чего?

- Все нормально? Ты на ногах еле держишься.

- Блин, башка кружится... и тошнит...

- Может, водка паленая?

- Наверно... А что мы тут?..

- Ты вроде за сигаретами вышел. А мне уже домой надо.

- Да, мне тоже, по ходу...

- Ну, как знаешь. Пиджак только не забудь.

Обладатель желтой 'татуировки' неуверенно зашагал по ступенькам, а Андрей постоял еще с полминуты, пока его собственный узор не перестал мерцать. Голова была ясной, хмель практически испарился. Надо же, какой побочный эффект от копания в чужих мозгах... Он подумал, что, по идее, должен сейчас испытывать угрызения совести, но ничего подобного не

было. А что он такого сделал, в конце концов? Инга только спасибо скажет. Пора уже, кстати, и возвращаться, а то бросил девушку в одиночестве...

Она лежала посреди комнаты на полу.

Скрючилась в положении эмбриона и тихо постанывала - словно от мучительной боли. Он бухнулся на колени и легонько потормошил ее за плечо:

- Инга! Инга! Что с тобой?..

Она с трудом разлепила губы:

- Андрей... У нас в кухне, в шкафчике... Принеси...

- Что, что принести?!

- На руку надеть... Ты увидишь...

Он вскочил и, пулей пронесшись по коридору, влетел в квартиру к девчонкам. В комнате дым стоял коромыслом, орали колонки, и слышались пьяные голоса. Кухня была пуста. Андрей открыл шкафчик и сразу увидел нечто вроде манжеты от аппарата, которым измеряют давление. Схватив ее, он выскочил вон.

- Дальше что?

- Надень мне... Чтобы узор закрыла...

Инга протянула левую руку. Он кое-как насадил манжету ей на предплечье. Внутренняя поверхность у этой штуковины была покрыта щетинками - мягкими и короткими, не больше двух миллиметров. И еще был горьковатый запах, словно в комнату вдруг залетел ветерок с холмов, поросших степной полынью.

Оказавшись поверх узора, 'нарукавник' заметно съезжился и плотно прижался к коже. Инга тоненько всхлипнула, зажмурилась и на несколько секунд замерла. Потом открыла глаза и слабо улыбнулась Андрею.

- Что, испугался?

- А ты как думаешь?..

Он осторожно поднял ее с пола и переложил на диван.

- Инга, - сказал он, присев рядом с ней, - признайся честно - ты сколько вешишь? Сорок хоть наберется? Сквозняком тебя не сдувает?

Она захихикала:

- Не скажу...

- Ну, елки... Тайна двух океанов...

- Андрей, - сказала она, - ты лучше меня домой отнеси, сама я не доползу. А то я засну минут через десять и спать буду долго - может, целые сутки...

- Никуда ты не пойдешь. В смысле, никуда я не понесу. Спи здесь, хоть до конца недели. А я, вон, кресло раздвину.

- Смотри, не жалуйся потом...

- Ты лучше скажи, что мы тебе сейчас нацепили? И что вообще с тобой было?

- Со мной случается иногда...

...Когда Инга наотрез отказалась отправляться в 'питомник', строгая дамочка из непонятной конторы, пришедшая ее агитировать, вздохнула даже, кажется, с некоторым сочувствием. И объяснила, что в жизни не все так просто. Да, узор еще не является приговором. То есть, если, к примеру, рисунок синий, то это еще не значит, что его обладатель не может стать хорошим ученым. Может. Но для этого ему понадобится железная воля и выдающееся терпение, чтобы переломить свою собственную натуру. Такое случается крайне редко. Или, скажем, руководители высокого ранга не всегда имеют желтую 'паутину'. Бывает, что жизнь забрасывает на вершину людей, которые для этого приспособлены мало. Печальный пример тому - последний российский царь со скромной зеленой 'татуировкой'.

И, кстати, чем ярче цвет, тем труднее соскочить с колеи, на которую человека направляет природа. Особенно это касается 'красных'. И даже если волкодав по недоразумению получил характер болонки, все равно инстинкты рано или поздно себя проявят. А красный пятого уровня - это совсем уж особый случай. Если эти задатки вовремя не развить, то последствия будут на соматическом уровне. Слово 'ломка' вполне уместно. 'Так что, готовься, девочка. Узор о себе напомним', - сказала на прощание строгая дама...

- А ты что? - спросил Андрей.

- А я не хочу волкодавом, - тихо сказала Инга. - Пусть я подохну лучше...

- И что ты сделала?

- Подсказали мне адрес одной бабульки...

...Знахарка посмотрела на ее 'паутину', покачала головой и приказала прийти через две недели. А потом посадила на стул, завернула левую руку в шкурку, пропитанную липким, горько пахнущим соком, и предупредила: 'Терпи, сейчас будет больно'. И ведь не обманула... Но главное, что шкурка все-таки прижилась. И отныне, как только узор начинает причинять дискомфорт, манжета всегда выручает Ингу. Вот только в сон после этого клонит неудержимо...

- Но такого, как сейчас еще, не было, - призналась она ему. - Обычно просто руку крутит. А тут - прямо с ног свалило. И главное - непонятно, из-за чего...

- А вообще, эти приступы когда происходят?

- Ну, если разозлюсь, например. Если вдруг ситуация, когда нормальная шавка... ну, то есть, волкодав уже бы в горло

вцепился...

Андрей улыбнулся.

- Чего ты? - спросила Инга.

- Попытался представить, как ты вцепляешься. Смешно получается, извини.

- Не подкалывай, - глаза у нее уже закрывались. - В гневе я очень страшная...

- Спи, ужас, летящий на крыльях ночи...

И только когда она провалилась в сон, до него дошло, на что мог среагировать волкодав - даже такой смешной и ненастоящий. На оборотня, который буквально в нескольких метрах терзал обычного человека.

Глава 14

'Требуется водитель с личным автотранспортом. Категория В. Стаж от 5 лет. ИСИ II, III (желательно), 03+ (строго). 3/п по результатам собеседования'.

'Торговый представитель. Жен./муж. В/о. ИСИ II-03+. 3/п 50 у.е. плюс премии'.

'Охранник. Муж., отслуживший в ВС. ИСИ III-02+. 3/п от 45 у.е.'

'Личный помощник директора. Жен. 18-25 лет. Приятная внешность. ИСИ I, II от 01 до 03. 3/п обсуждается при встрече'.

'Специалист широкого профиля. Муж., от 25 лет. ИСИ III/IV-04+. 3/п высокая'...

Андрей отложил газету и, выйдя на балкон, осторожно оперся на разболтанные перила. Кучевые облака натужно ползли по небу. Легкий ветерок теребил крону чахлой березы, что приткнулась на обочине автомобильной дороги.

Он вздохнул, перебирая в памяти объявления, которые только что прочитал. Нет у него ни личного автотранспорта, ни 'приятной внешности', ни даже в/о для получения высокой 3/п. Вот, разве что, 'специалист широкого профиля' звучит интригующе (узор не проблема, Андрей себе любой нарисует), но там он по возрасту не подходит. Что остается? 'Работа для школьников и студентов', от 15 у.е. в месяц. Ага, блин, замечательный вариант. Даже на квартиру не хватит, не говоря уже про еду. Ну, и классика жанра - грузчик и разнорабочий на стройке. Тоже как-то не тянет...

Мысль о том, что надо бы поискать нормальную работу для нормальных людей, возникла у Андрей вчера, когда он смотрел на спящую Ингу. Он и сам не ожидал, что так испугается за эту недокормленную поклонницу 'Doors'. И понял, что не решится больше ни на какие фокусы с 'паутиной', пока не отойдет от девочки как минимум на два километра. Чертовы узоры, зла не

хватает...

Ему до судорог захотелось, чтобы проклятые цветные пятна исчезли, и чтобы не было больше ни мерцающего, ни красного 'волкодава', а остались бы просто пацан с девчонкой в комнате с немытым окном, куда утром заглянет солнце...

Инга, несмотря на вчерашнее обещание, проспала не сутки, а всего лишь часов пятнадцать. Проснувшись утром в неожиданно бодром расположении духа и заявила, что, раз уж такое дело, можно и на пары сходить. После чего ускакала. А он купил газету с информативным названием 'Работа. Авто. Квартиры' и битый час сидел, уставившись в объявления.

Но, похоже, все это без толку. Сойти за нормального человека у него уже не получится. А значит, как это ни прискорбно, вернемся к нашим баранам - то есть, к муринам, с учетом местного колорита.

Рассудим логически. Андрей приехал, ориентируясь на башню-скелет. Теперь она торчит совсем рядом - так, во всяком случае, кажется. Но все же не в двух шагах, пешком не дойдешь. То есть, надо выяснить, как можно подъехать ближе. Другой вопрос - стоит ли торопиться? Чует сердце - туда если сунешься, то обратно можно и не вернуться. Нет, сначала нужно оглядеться, изучить ситуацию.

Объявления про работу на стройке откладываем подальше - будем считать, что это была минутная слабость. Для мерцающего найдутся и другие дела. В городе, расположенном посреди аномальной зоны, наверняка имеется куча мест, где происходят интересные вещи. Вон, хотя бы, 'восьмерка' через дорогу. Там ведь явно не удобрения производят. И не варежки шьют. Чем может заниматься такой объект?

Помнится, товарищ из ФСБ, так ловко сплавивший его из родного города, на эту тему тоже обмолвился. Дескать, в Эксклаве добывают сырье для 'специфических отраслей'. И что это за сырье, хотелось бы знать? Кроме Горючих Слез ничего на ум не приходит. Но какой от них прок? Безделушки - они и есть безделушки...

Хотя, стоп - кроме простых, как выяснилось, существуют еще активные. Способные влиять на окружающий мир. И, если задать им нужные свойства, то это будет не хуже волшебной палочки. Вояки, например, от счастья с ума сойдут. Поставить шарик на баллистическую ракету, и она любую ПРО обойдет в два счета. Впрочем, это, пожалуй, чересчур примитивно. А если так: наш очередной Штирлиц достал из кармана шарик где-нибудь в Вашингтоне, дунул, плюнул - и в радиусе двухсот километров сгорела вся электроника? Уже интереснее...

Андрей понимал, что его слегка занесло, и эти фантазии вряд ли соотносятся с тем, чем занята 'восьмерка' на самом деле. Но воображение уже распалилось, игнорируя разумные доводы.

Судя по рассказам лысого Ромы, активный шарик - явление почти уникальное. Но если чего-то не хватает в природе, следует логический вывод - наладить производство искусственно. Как, например, с алмазами. Взять за основу обычные, неактивные Слезы и что-нибудь с ними такое сделать... В промышленных масштабах, ага...

Андрею представился необъятный цех, залитый электрическим светом, где на конвейер кладут кусочек смолы, и линия приходит в движение. Застывшая капля исчезает в недрах жутковатого механизма с торчащими во все стороны железяками, лампочки на пульте мигают, и стрелки на приборах прыгают, как безумные. А когда шарик, наконец, выползает из железной утробы, к нему уже тянет лапы следующий агрегат, буквально подвывая от нетерпения. Но вот, пройдя все стадии пыток, облученный и обжаренный шарик падает в приемную нишу; внутри него вспыхивает багряная искорка, и в тот же момент по куполу, что скрывает всю эту машинную жуть от внешнего мира, пробегает быстрая тень...

Нет, ерунда.

Машины, скорее всего, ничем не помогут. Если бы волшебные камешки можно было делать технически, то мы бы уже, наверно, построили коммунизм и слетали к Альфе Центавра. И к Бете Лебеда тоже...

Хотя, блин, какая Альфа, какая Бета? Господа-товарищи, которые ездят на черных лимузинах с мигалками, найдут эффекту лучшее применение. Ну, скажем, бросил шарик в землю, как семечко, и из него вырастает красивая вилла в три этажа с пристройкой.

Ладно, отвлекаться не будем.

Но раз уж проскочило слово 'волшебные', то версию с техническим производством, действительно, придется отбросить. Механизмы колдовать не умеют, этим занимаются люди. И здесь мы плавно возвращаемся к мысли, которая уже возникала во время поездки с контрабандистами. А именно: Андрей, используя свою мерцающую натуру, может превратить обычный шарик в активный.

Шаман, блин.

Вопрос - как теперь этот талант использовать? Не объявление же в газету давать? Так, мол, и так - изготовлю на дому философский камень.

Даже любопытно, что дальше будет. Скорее всего, никто не

поверит. А если поверят, то наперегонки примчатся братки с вояками, чтобы взять талантливого парня под крылышко. Посадят на цепь в подвале или в бетонный бункер (в зависимости от того, кто первым успеет) и будут давать задания. Во всяком случае, попытаются. Ни в какой подвал его, естественно, не загонишь. Попробуют силой - появится еще одно пепелище. И какая после этого нормальная жизнь?

А если братков не ждать, а самому обратиться, например, к губернатору? Сразу предупредить, что в бункер - ни-ни, но на благо Родины, так сказать, готов поработать... Ну да, губернатор, конечно, только об этом благе и думает. Денно и ночью, забыв про виллы. Сразу отсыплет Андрею мешок драгоценных камешков и попросит синтезировать топливо для межзвездных полетов...

Так, стоп еще раз. Не рановато ли товарищ Сорокин начал задумываться о судьбах цивилизации? Не закатать ли ему губу и не начать ли с чего-нибудь поскромнее? А то, ишь ты - звезды, полеты...

И, кстати, с чего он взял, что возможности у шариков безграничны? Годаются ли они вообще на что-то серьезное? На что-то большее, чем отогнать ментов или подсказать дорогу? То есть, неплохо бы пару Горючих Слез получить для экспериментов. Желательно, конечно, бесплатно. Кто может помочь? Михалыч с компанией, кто ж еще - больше Андрей никого не знает. Позвонить ему, что ли? Седой ведь номер оставил. Жаль только, телефона в квартире нет. И у девчонок, кажется, тоже - впрочем, они все равно сейчас на учебе. Придется идти, автомат искать - или на почту, на узел связи...

В дверь постучали.

Андрей удивился и пошел открывать. За дверью обнаружился Рома. 'На ловца и зверь', - подумал Андрей и пригласил:

- Заходи.
- Здоров. Ну что, устроился?
- Ага, твоими заботами.
- Как два пальца... Чем собираешься заниматься?
- Пока не решил еще. А что, имеются предложения?
- Ну, в общем, типа того.
- Seriously? Ну, давай, излагай.
- В загон не хочешь пойти?
- Чего?

Рома огляделся по сторонам, словно проверяя, нет ли шпионов за холодильником, и быстро проговорил:

- Мурену попробуем подстрелить. Сейчас загонщиков собираем.

- Ни хрена себе, предложение, - Андрей прошелся из угла в

угол. - Как-то несколько неожиданно, честно тебе признаюсь... Да, резко у вас тут. Из рейса не успели вернуться - и сразу в этот... в загон...

- У меня, мля, выбора нет, - Рома скривился и добавил фразу из тех, что на ТВ предпочитают запикивать. - Меня и так вчера чуть не грохнули. Спасибо еще, что чуваки специфику знают. Все, кому надо, в курсе, что из Москвы я вовремя выехал и три недели не по девкам ходил. Дали мне отсрочку до завтра. Сегодня вечером выходим, короче.

- Вот, блин. А кто еще будет? Михалыч, Юргис?

- Нет, они не идут, - глазки у Ромы почему-то забежали. - У Михалыча своя группа. А Юргис извозчик, он в таких делах не участвует...

- А как это делается вообще? Я конкретно для чего нужен? Ты имей в виду, я голыми руками пасти не рву.

- Не надо голыми руками... то есть, рвать вообще не придется. Нужно ее позвать. Они сейчас, суки, появляются редко, иногда две недели надо бродить, прежде чем она выскочит. Или вообще не появляется, понимаешь? А ты ведь их как-то чувствуешь - я помню, как эта тварюга тогда к стеклу прилепилась, и вы в гляделки играли... Короче, посвисти как-нибудь или, там, 'гули-гули' скажи - фиг знает, тебе виднее. Пусть только вылезет, а мы ее замочим, я тебе отвечаю...

Андрей, продолжая охреневать, прошелся по тесной кухне. Пожалуй, отказаться будет не по-пацански - все-таки он косвенно виноват в Роминых злключениях. Опять же, лысый помог ему квартиру найти. Ну и, в конце концов, раз уж Андрей приперся в Эксклав, то поздно прятаться под кровать.

- Ладно, - сказал он, - уговорил. А как вы ее мочить собираетесь? За этой тварью ведь, если она ускорится, глазом не уследишь?

- Круг нужен, в кругу они замедляются. Ну, как бы объяснить побыстрее... Четыре охотника, и чтобы узоры у них... закольцованы, скажем там. Один красно-желтый, как у меня, другой желто-синий, третий сине-зеленый, ну и зеленый с красным. Кольцо получается, понимаешь? И эта хрень мурену гипнотизирует, не знаю уж почему. Тварюга зависает секунд на десять. Вот, пока не очухалась, и надо ее валить.

- Надо же, какие подробности... И как, ты уже четверых набрал?

- Трое есть, мы с ними раньше ходили. Еще один нужен, зеленый с красным. Ну, до вечера успею найти. Надеюсь...

- Стажера не хочешь взять? - в шутку спросил Андрей. - А то мне вчера один парнишка втирал - мол, хочу на мурен охотиться.

И узор как раз такой, как ты говоришь.

- Серьезно? - Рома быстро что-то прикинул. - Слушай, а что - вариант реальный... Как его найти, знаешь?

- Погоди, погоди, - Андрей слегка испугался. - Это же студент, первокурсник. Какой из него охотник? Стрелять он из чего будет?

- Блин, да не надо ему стрелять! Главное, круг замкнуть, дальше мы разберемся. Я с ним поговорю, объясню. Ну, так что?

- Ну, не знаю... У Наташки надо спросить, у соседки - он вчера с ней пришел. Только она сейчас на занятиях...

Но, еще не успев договорить до конца, Андрей из окна увидел, как Наташа переходит дорогу и направляется к дому.

- Куда ты уставился? - любопытствовал Рома.

- Да вон, соседка как раз вернулись.

- Ну, видишь - судьба.

- Ага... - с недавних пор совпадений в его жизни было с избытком, и фразочки про судьбу уже не казались обычным сотрясанием воздуха. - Ладно, сейчас расспросим...

...Студента, которого звали Игорь, Наташка знала давно. Раньше они жили в одном селе (чуть ли не в соседних домах), и когда парнишка поступил в институт, девушка взяла над ним шефство. Ну, а как же? Он ведь еще молодой совсем, несмышленный...

Хранительница сала выложила все это охотно, с кучей живописных подробностей. Причем, выложила не Андрею, а Роме - тот ее, похоже, совершенно очаровал. Андрей и не подозревал, что лысый матерщинник такая многогранная личность. Рома, вроде, и не заигрывал совершенно, не сыпал остротами и не расточал комплименты, но Наташка под его взглядом буквально млела. Через минуту после знакомства она уже затащила лысого (ну, и Андрея за компанию) в кухню, и теперь метала на стол, причем ассортимент явно выходил за рамки того, что, по идее, может быть в студенческом холодильнике. Оставалось только чесать в затылке и мотать на ус, наблюдая этот неожиданный мастер-класс.

Рома так и не объяснил хозяйке, какая работа ждет пацана, но Наташка совершенно уверилась, что это нечто очень увлекательное, доходное и, главное, нисколько не опасное. Она начала рассказывать, в каком общежитии живет Игорек, и на каком этаже, и даже как зовут комендантшу - короче, кончилось тем, что Наташа и лысый договорились сгонять туда вместе, поскольку так будет проще. Да и вообще, почему бы в такую замечательную погоду лишний раз не прокатиться по городу?..

Хозяйка вышла в комнату, сказав, что переоденется - и готова. Рома, проводив ее взглядом, достал из кармана сотовый

телефон и протянул Андрею.

- На, возьми. На время, потом вернешь.

- Свой, что ли, отдаешь?

- Нет, у меня другой, ты же видел. А этот старый, вроде как запасной.

- Ну, ты буржуй, блин.

- Не умничай. Пользоваться умеешь?

- Откуда?

- Смотри - это вызов, это отбой... Вот мой номер в памяти, понял? Бабки я положил, но звонки, сука, дорогие, как что имей в виду. Сегодня вечером будь готов. Часов в семь за тобой заеду.

- Мне что с собой брать?

- Ничего не надо, мы не в поход идем. Разве что куртку - к ночи, вроде, похолодание обещали. Ну, а если за ночь не управимся, тогда я уж и не знаю...

Рома махнул рукой и, помрачнев, о чем-то задумался. Наташка наконец-то навела красоту, и они всей компанией выбрались из квартиры. Лысый с девицей двинулись вниз по лестнице, а Андрей вернулся к себе. Достал телефон и минут двадцать увлеченно давил на кнопки, листая меню и любуясь аккуратными цифрами, которые появляются на зеленом экране. Потом не утерпел и, припомнив код родного райцентра, быстро дозвонился до мамы. Послушав ее охи и вздохи, сказал, что у него все отлично (даже сотовый номер есть!), и быстро закруглил разговор, опасаясь, что закончатся деньги. Вышел на балкон и задумался.

И каким же образом, интересно, он вечером приманит мурену? То есть, приманить-то нетрудно - надо заглянуть в тусклый мир и устроить там легкий кипиш. Сразу, сволочи, приползут. Проблема в том, как бы они его жрать не начали...

Длинный 'ЛиАЗ' с 'гармошкой' подрулил к автобусной остановке, и с подножки прыгнула Инга. Заметив Андрея, она помахала ему рукой и подошла поближе.

- Бездельничаешь?

- Стараюсь, - скромно ответил он. - Заходи, присоединяйся.

- Ну, вам разве откажешь...

Через минуту она постучала в дверь. Вошла, сняла рюкзачок и, бросив его на кресло, сказала: 'Уф!' Потом спросила:

- Нет, правда, а чего ты тут делаешь? На работу тебе не надо ходить? Ты мне, кстати, вчера толком не объяснил. Сказал - по распределению, но куда конкретно? Ты какой институт закончил?

- На работу - сегодня вечером, - ответил он на первый вопрос, жалея, что, в отличие от лысого Ромы, не может экспромтом наврать с три короба. - А как у тебя дела? Ну, в смысле

самочувствия?

- Да нормально, вроде, - она пожалала плечами. - Как будто и не было ничего... О, прикольный мобильник. Можно?

- Угу.

- Да ты крутой чувак, я смотрю. Давай, колись - где работаешь?

- Работа моя трудна и опасна, - зловеще сказал Андрей.

- Ой, боюсь, боюсь, - согласилась Инга и прошла на балкон.

- Слушай, - сказал он, выходя следом, - а что там, через дорогу? Чем эта 'восьмерка', собственно, занимается?

Она скривилась, как будто нечаянно разгрызла лимон.

- Не знаю! Сам пойд и спроси у них, если надо...

- Инга, - сказал Андрей осторожно, - ты, это... не обижайся. Я же говорю - я нездешний. Если ляпну какую глупость, ты мне выговор сделай. Врежь правду-матку - сурово, невзирая на лица...

Она улыбнулась.

- Ладно, забыли.

Потом уселась на перила в углу и потянулась, как кошка, опасно перегнувшись назад. Перила скрипнули и слегка зашатались. Андрей инстинктивно схватил ее за бока и облегченно перевел дух. Сама же Инга, похоже, ни капли не испугалась.

- Экий вы нервный, Андрей... э-э-э... Батькович, - сказала она ему.

- Зато ты у нас смелая - дальше некуда.

- А куда деваться? - она покрутила у него рукой перед носом, демонстрируя красную 'паутину'. - Против природы-матушки не попрешь.

- Будешь умничать - сдам в 'питомник'.

- Ой, за что ж вы так? Пожалейте бедную девушку...

Он продолжал держать ее, поражаясь, какая же она все-таки тонкая. А глазищи стали, казалось, еще громаднее. Как у инопланетянки с Альфы Центавра. Из сказки, которую никто уже не напишет, потому что сказки сегодня - совсем на другие темы...

- Глупый ты, - тихо сказала Инга и положила руки ему на плечи.

...Рома объявился без двадцати семь. Позвонил по мобильнику и проквалал: 'Выходи на остановку, мы сейчас будем'. После чего отключился, не вдаваясь в дальнейшие пояснения. Едва Андрей выскочил из подъезда на улицу, у обочины тормознул внедорожник - угловатый, слегка побитый и явно не первой молодости, но зато с мерседесовской эмблемой на радиаторе.

- Лезь назад, - сказал Рома, сидевший рядом с водителем. -

Знакомся - Леха, Димон. Ну, Игорька ты знаешь.

На водительском кресле развалился здоровенный мужик с сине-зеленой 'татуировкой'. Физиономия у него была широкая, добродушная и сразу вызывала симпатию. А вот чувак, который пристроился у него за спиной, Андрею не понравился совершенно - маленький, худощавый, с цепким настороженным взглядом. И даже сочетание цветов у него на узоре резало глаз - грязно-желтый с синими полосами. Игорь, тоже сидевший сзади, подвинулся, давая Андрею место.

Они минут десять петляли по городским окраинам, пока не выбрались на шоссе, ведущее через поле. Вечернее солнце светило ярко, было тепло - короче, погода стояла летняя, что бы там ни обещали синоптики. Игорек вертел головой и довольно лыбился. Потом толкнул Андрея в бок и сказал:

- Слушай, спасибо! Я реально не ожидал. Не думал, что ты... ну, это...

- Я тоже, - вздохнул Андрей.

Ему опять вспомнился 'Пикник на обочине'. Игорь со своими восторгами походил на молодого энтузиаста, который приперся в кабак, где собираются сталкеры, и уговорил-таки взять его на работу. Глазки горят, от радости распирает, а Зона представляется бесплатным аттракционом...

Кстати, братья, когда книжку писали, наверняка ведь Эксклав имели в виду. Прямой текстом они, естественно, сказать не могли. Понятно, режим секретности, да и вообще - какая может быть чертовщина на родной советской земле? Вот и появился заграничный городок Хармонт, кишачий асоциальными элементами. Впрочем, это не помогло - печатать все равно запрещали, пока перестройка не началась...

Машина свернула на проселочную дорогу. Похоже, они направлялись к приземистым бетонным постройкам, торчащим посреди пустыря. Присмотревшись, Андрей решил, что это недостроенные заводские цеха - стены возвели, а потом махнули рукой и бросили. Денег не хватило, наверно.

Оконные проемы слепо чернели, под стенами уютно разрастался бурьян, а вокруг была россыпь строительных артефактов - куски арматуры, сгнившие доски, носилки с дырявым дном, деревянные катушки в человеческий рост и даже бульдозер, в последнем припадке ярости вонзивший нож в засохшую глину. Черный пластиковый пакет - изодранный и грязный до невозможности - зацепился за торчащую проволоку и уныло обвис, как флаг пиратского брига, попавшего в мертвый штиль.

Леха объехал ближайший корпус и заглушил мотор. Теперь

машину нельзя было увидеть с дороги. Все вылезли и осмотрелись по сторонам.

- Ну, что - пошли, глянем?

- Да, пошли.

Рома и неприятный Димон побрели к огромному проему в стене - там, наверно, планировались ворота для тяжелых грузовиков. Леха флегматично закурил сигарету.

- А дальше что? - спросил у Андрея Игорь.

- Увидишь, - многозначительно ответил Андрей, хотя сам задавался тем же вопросом. Тишина слегка раздражала.

- Вроде, чисто, - доложил вернувшийся Рома.

Леха молча кивнул и достал из задней части машины длинную потертую сумку. Расстегнул молнию и спокойно извлек 'калаш'.

- Ох, блин, - сказал Игорек.

Ни хрена себе, подумал Андрей, а если бы нас менты тормознули?

С другой стороны - чего он, собственно, ожидал? Не из рогаток же по муренам стрелять? И все равно стало как-то не по себе.

- Не ссы, студент, - сказал Леха Игорю. - Всех порвем.

Юный сталкер нервно хихикнул. Только теперь до него, похоже, начало доходить, во что он, собственно, вляпался.

Рома тоже взял автомат, а Димон вооружился фиговиной, которую Андрей неуверенно опознал как охотничий дробовик (хотя мог, конечно, и ошибиться - ничего подобного он вблизи никогда не видел).

Димон и Леха двинулись в цех. Рома слегка приотстал, и Андрей спросил его:

- Может, снаружи лучше? А то стрельба в помещении как-то, знаешь... Хоть оно и большое...

- Эти твари закрытое пространство не любят. Нам еще один козырь.

- Ну, тебе, конечно, виднее... - Андрей припомнил, как мурена резвилась в пассажирском вагоне. И не похоже было, чтобы закрытое пространство ее смущало. Скорее, дополнительно раззадорило...

Цех был квадратный - от стены до стены, наверное, метров сто. Без станков и приборов он смотрелся странно и сиротливо. Имелись окна под потолком, но их не хватало для полноценного освещения - мрак скапливался в углах. Пол был усеян цементной пылью. Под ноги попала пластиковая бутылка, потом засохший огрызок. В общем, люди сюда периодически забредали.

К этому обширному залу примыкало еще несколько

помещений. Одно из них, куда заглянул Андрей, предназначалось, похоже, для совещаний. Во всяком случае, здесь очень уместно смотрелся бы длинный стол со множеством стульев. Но стола, естественно, не было, зато в центре чернело огромное пятно от костра.

Поняв, что больше ничего интересного не увидит, Андрей спросил у Ромы:

- Ну, что, будем начинать?

- Ага, только перекурим.

Все отошли к проему в стене. Андрей чувствовал, как нарастает мандраж - сердце билось все чаще. Он несколько раз глубоко вздохнул, потом опять обратился к лысому:

- Слушай, я все-таки не пойму. Ладно, сейчас мурену я позову. По крайней мере, попробую. А если бы меня не было? Вы бы вот так сидели и ждали до посинения?

- Ну, не совсем. Шарик есть специальный - типа, приманка. Если мурена где-то поблизости, она на него идет. Шарик загорается ярче, предупреждает. Но в том-то и проблема - заранее не известно, где эти твари прячутся. Если далеко, то они приманку не чувят. Иногда, говорю же, неделями бродишь - и никакого толку.

- Да, весело у вас тут. Куда ни плюнь - сплошные сюрпризы... О, кстати! У тебя я, вроде, еще не спрашивал. Не знаешь, что в 'восьмерке' находится? Ну, возле дома, где я живу?

- Мутное место, - лысый сплюнул на землю. - Спроси лучше у Михалыча - может, расскажет. Он дядя со связями, высоко летал в свое время.

- В смысле?

Рома постучал себя по плечу, изображая погоны.

- Ах, вот даже как, - протянул Андрей. - И где же именно он?..

- Все, парни, хватит трепаться, - сказал Димон, выбрасывая бычок. - Пора приступать, а то внутри уже темновато.

Игорек, как показалось Андрею, клацнул зубами.

Они опять вошли в цех, и Рома кивнул на ближайший угол.

- Здесь можно. Не стойте толпой, расходимся - пусть круг побольше будет.

- Мне тоже в круг? - спросил Андрей.

- Нет, ты отдельно стой. Твоя задача - позвать. Ну, что, готовы?

- Готовы, - буркнул Димон. Леха перехватил 'калаш' поудобнее.

- Давай, Андрюха.

Зажмурившись, Андрей постарался унять волнение и аккуратно, чтобы не случилось скачка по времени, переключился

на тусклый мир.

Снова открыл глаза и огляделся по сторонам. Получилось нормально, без дешевых эффектов - даже узор на руке почти не мерцал и сохранил зеленоватый оттенок.

Пустой цех напомнил ему сейчас гигантский аквариум - и это повлияло на дальнейшее восприятие. Люди, чьи движения стали плавными и тягучими, были теперь похожи на водолазов. И даже дробовик в руках у Димона можно было издали принять за ружье, которое используют для подводной охоты. А кровь из раны на предплечье у Ромы вместо того, чтобы пролиться на землю, расплывалась облачком и поднималась вверх, к потолку...

Кровь?

Андрей, приглядевшись, сообразил, что никакая это не рана. Скорее, можно было подумать, что с узора смывает краску. Красно-желтое облачко разбухало, и его словно бы сносило течением. То же самое происходило с 'паутиной' у остальных, стоящих в кругу. И к центру этого круга стягивались четыре размытых шлейфа. Соприкоснувшись друг с другом, они закручивались в спираль - как будто попали в невидимую воронку.

Андрей сморгнул и вытер соленый пот, стекавший по переносице. Перевел дыхание и снова глянул туда, где пересекались потоки 'краски'.

Примерно метрах в трех над землей колыхалась объемная разноцветная клякса. Ее отростки шевелились, как щупальца громадной медузы. Зрелище было неаппетитное, и Андрей непроизвольно скривился. Ему захотелось проткнуть 'медузу' чем-нибудь острым - сразу представилось, как она лопнет с противным звуком. И, словно уловив эту мысль, клякса беспокойно задергалась.

По цеху-аквариуму прошла тугая волна.

Секунды тянулись, застревая в густом пропыленном воздухе.

Мелькнула тень за окном.

В проем скользнуло гибкое тело. Сверкнул оранжевый глаз, и мурена, даже не взглянув на людей, метнулась в сторону кляксы.

Щупальца 'медузы', стремительно уплотняясь, обвили тело зубастой твари. Удерживая мурену, отростки меняли цвет - словно чернели от напряжения. И еще был визг - нестерпимо тонкий, как будто тысячи комаров, сговорившись, начали пищать в унисон.

На какой-то миг противники замерли, словно собираясь для решающего удара, и Андрей отчетливо понял, что лучшего момента для стрельбы не придумать. Трое охотников уже подняли стволы и взяли зубастую гадину на прицел. Но почему-то

никто еще не нажал на спуск.

- Стреляйте, дебилы! - заорал Андрей что есть мочи.

Рома хищно оскалился, Лехина добродушная ряха превратилась в неподвижную маску, а лица Димона не было видно, потому что он стоял к Андрею спиной. Зато Игорек, позабыв свой страх, разглядывал мурену с детским восторгом, и Андрей подумал, что парнишка - прирожденный охотник, мать его за ногу, юное дарование...

Дробовик и автоматы молчали.

Мурена рванулась, и ее пасть захлопнулась на теле 'медузы'. Казалось, над землей взорвался бурдюк, наполненный мерзкой жижей, и темные брызги разлетелись по сторонам.

Как только клякса исчезла, движения мурены ускорились, и она, развернувшись вокруг оси, разом охватила взглядом всех, кто пришел за ней. Андрей готов был поклясться - тварь понимает, что означают железки у них в руках. И уже решила, кто будет первым.

Когда мурина метнулась к Игорю, тот даже не успел закричать - только хрустнули кости. Челюсти сомкнулись, перекусив его пополам; звериный глаз полыхнул оранжевым светом, мурина стремительно извернулась и снова впиалась клыками в мягкую плоть. И так продолжалось еще несколько бесконечных секунд, пока не грянули выстрелы.

Андрей согнулся, и его стошнило на пол. Спазмы следовали один за другим. Наконец, когда в желудке не осталось ни крошки, он медленно распрямился. Посмотрел в темный угол, где только что стоял Игорь, и сразу же отвел взгляд. Но все же успел заметить, что возле бесформенной груды, в которой уже нельзя было опознать человека, сверкают несколько ярких камешков - с десяток синих и один оранжево-красный.

Андрей почувствовал, как кружится голова, и опустил на корточки, опершись рукой о землю. Сидел так пару минут, пока не подошел Рома.

- Ты как, Андрюха?

- Какого хера вы ждали? - спросил Андрей. - Почему не стреляли сразу?

- Не успели, - промямлил лысый.

- Не звезды, Рома. Секунд десять у вас было, как минимум. Ты понимаешь, сука, что это вы пацана угробили?

В голове слегка прояснилось, и теперь нарастала злость. Андрей поднялся на ноги.

- Что за базар? - Димон приблизился, небрежно поигрывая стволом.

- Я спрашиваю, какого хрена вы не стреляли?

- Я не понял - это предьява?

- Да, - ответил Андрей, ощущая знакомый зуд. - Да, предьява.

Ко всем троим.

- Слышь, Ромыч, - сказал Димон, - откуда он такой борзый?

- Из Первопрестольной, - сказал Андрей. - А что, тебе Рома не говорил? Есть там такая улочка, со МКАДом пересекается. Тихая, почти без движения...

- Андрюха, не надо, - глухо произнес лысый.

- Надо, Рома. И давай ближе к делу. Я больше вопрос повторять не буду.

- Блин, да пойми - если б мы ее сразу грохнули, были бы только синие. А мне активный нужен, иначе не вариант...

- Так, стоп. То есть, чтобы получился активный шарик?..

- Да! Да, мля! Она должна сожрать кого-то, иначе только синие будут!

- И вы, значит, Игоря?..

- А что было делать, нах?.. Если к тебе приходят и говорят - или завтра шарик приносишь, или сын по дороге в школу споткнется и голову расшибет? Ты бы что выбрал, бляха?..

Андрей еще раз взглянул туда, где лежал пацан, открывший для них ларец с самоцветами. 'Говорящая отмычка' - так, кажется, в 'Пикнике' выражались? А ведь там хорошо описано, зачем юных сталкеров тащат в Зону. Мог бы, наверно, и догадаться...

Тошнота прошла. Голова уже не кружилась.

Зеленый узор на предплечье менялся на гранатово-красный.

- Ладно, Рома, - сказал Андрей. - Я так понял, активный тебе достался? А синие вы уже поделили? Молодцы. А прикиньте, если б они все вдруг... ну, это... активизировались? Вот бы бабла срубили...

Рома дернулся и сунул руку в карман. Зашипел от боли, но все же сумел достать оттуда трофейный шарик, превратившийся в уголек. Рома попытался его отбросить, но шарик словно прирос к ладони. Запахло горелым мясом. Лысый заорал, а следом за ним завопили двое других охотников. Одежда у всех дымилась, а потом появилось пламя.

Когда три факела догорели в пустом заброшенном цехе, Андрей вернулся к машине. Взял с заднего сиденья бутылку с водой. Прополоскал рот, чтобы избавиться от мерзкого привкуса, потом сделал пару жадных глотков. Глянул на небо - с севера наползали низкие тучи. Упали первые капли. Андрей вздохнул и натянул куртку.

Синоптики, похоже, не обманули.

Только что закончилось лето.

Глава 15

Андрей добрался домой к полуночи. И сразу напрягся, увидев машину скорой помощи во дворе. Водительская дверца была открыта, и шофер лениво курил. Рядом стоял еще один фургон - без всяких надписей, но с мигалкой. Из подъезда вышли двое врачей. Один из них, поставив чемоданчик в кабину, тоже вытащил сигарету.

- Ну, что? - спросил водитель.

- Ничего. Не наш случай. Сейчас поедem.

Чувствуя, как холодеет в груди, Андрей бросился вверх по лестнице. Дверь в квартиру девчонок была приоткрыта. Он вошел и заглянул в комнату. На диване лежала Инга, а рядом стояли трое в темных комбинезонах. Наташка, сидящая за столом, вытирала слезы.

- Что случилось? - спросил Андрей.

Наташка подняла на него глаза и несколько секунд смотрела, словно не узнавая. Потом, наконец, сказала:

- Она... она без сознания. Лежит вот так и почти не дышит...

- Давно?

- Не знаю. Я пришла полчаса назад, а она уже... Я от соседей скорую вызвала...

- Молодой человек, вы родственник? - вмешался парень в комбинезоне.

- Друг, - ответил Андрей, - а вы кто такие?

Незнакомцы переглянулись.

- Будьте добры, пройдите на кухню. У нас к вам будет пара вопросов.

- У меня к вам тоже. А сейчас отвалите.

Сказал и шагнул к дивану. Один из мужиков преградил ему путь, а двое других мгновенно сказались справа и слева. Скрипнув зубами, Андрей задрал рукав куртки.

- Слушайте, вы, уроды, - прошипел он, стараясь не сорваться на крик, - я за себя сейчас не ручаюсь. Знаете, что это такое?

Да, они знали. Старший предостерегающе мотнул головой, и его напарники отошли на пару шагов. Андрей склонился над Ингой. Она лежала, закрыв глаза, и лицо ее было молочно-белым. Левое предплечье прикрывала манжета - но сидела не плотно, а болталась свободно, и сразу становилось понятно, что толку от нее сейчас нет. Андрей осторожно сдвинул ее и замер от удивления. Алый узор исчез. Точнее, сама 'татуировка' была на месте, но совершенно выцвела.

Андрей попытался снова прижать манжету, но щетинки не желали присасываться к узору. Матерясь от бессилия, он отбросил бесполезную шкурку. Не зная, что еще предпринять, поднес к предплечью Инги свою 'паутину'. Нити зашевелились,

предвкушая контакт, но секунд через пять разочарованно улеглись. На руке у девчонки больше не было ничего, с чем они могли бы соединиться.

Он поднялся и окинул взглядом всех троих незнакомцев.

- Кто вы? Почему вы сюда приехали?

- Врачи нас вызвали. Это стандартная процедура. Увидели, что сами помочь не могут, и позвонили нам.

- А вы, значит, можете?

- Не знаю, - старший пожал плечами. - Я еще ни разу не видел, чтобы было так сильно выжжено. С другой стороны, если у нее друзья вроде вас...

Андрей с трудом подавил желание сломать собеседнику пару-тройку костей. Несколько раз глубоко вздохнул и спросил:

- Что дальше?

- Мы ее забираем.

- Куда забираете?

- Здесь рядом, - мужик кивнул за окно. Андрей машинально перевел взгляд. Через дорогу мерцали огни 'восьмерки'.

- Я с вами поеду.

- Извините, это запрещено.

- Меня это не колышет.

Старший вздохнул.

- Хорошо, поехали. Но вы ничем не можете. Будете только путаться под ногами. Подумайте хорошенько...

- Уже подумал.

- Как знаете. Я вас предупредил.

Ингу положили на носилки и вынесли в коридор. Прежде чем выйти следом, Андрей взглянул на Наташку, но так и не смог подобрать подходящих слов. К счастью, про Игоря она не спросила.

В фургоне не было окон, но это не имело значения - поездка закончилась очень быстро. Вырулив со двора на дорогу, машина через полминуты свернула влево, притормозила и посигналила. Послышался скрип ворот. Старший спросил Андрея:

- Паспорт у вас с собой?

Твою ж мать, подумал Андрей, ты лучше молись, чтобы я не сорвался. Мужик словно бы прочел его мысли:

- Поймите, это будет быстрее. Вам сделают одноразовый пропуск.

Андрей вылез вслед за ним из машины и сунул паспорт в окошко. Хмурый тип в фуражке долго сличал его лицо с фотографией и недоверчиво кривил рот. Потом у него зазвонил телефон. Цербер выслушал, неприязненно посмотрел на Андрея и, наконец, выдал ему бумажку с печатью.

Машина проехала еще метров сто и снова остановилась - на этот раз, кажется, окончательно. Вокруг не было ничего необычного - внутренний двор с безликими бетонными корпусами. Они подошли к одной из дверей; за ней обнаружился еще один пост охраны. Товарищ в комбинезоне что-то тихо сказал мужику, который сидел за стойкой. Тот кивнул, ответил (так же тихо и неразборчиво) и проверил у Андрея бумажку.

...Коридор, залитый мертвенно-белым светом. Трехзначные номера на дверях. Гулкое эхо шагов. И запах - но не больничный, не химический, а горьковато-полынный, как будто ветер из степи, лежащей за тысячу километров, прорвался сквозь бетонные стены...

- Сюда.

Ингу внесли в просторную палату без окон. У кровати уже ждали трое в белых халатах. Девчонку быстро и сноровисто раздели, потом накрыли блестящей тканью - оставили только руку с 'татуировкой'. Воткнули иглу в предплечье и подключили капельницу. Инга лежала, не подавая признаков жизни.

- Вот и все, - сказал старший.

- Что значит - все? - не понял Андрей.

- Сейчас мы больше помочь не можем. От нас уже ничего не зависит. Единственный выход - ждать. Будем надеяться, что она сумеет вернуться.

- Когда?

- Через час, через сутки, через неделю - никто не знает.

Андрею хотелось сесть рядом с Ингой и сидеть до тех пор, пока она не откроет глаза и не улыбнется - как вчера в его комнатухе. Но сначала он должен закончить дела снаружи.

Он вышел в коридор. Мужик в комбинезоне - за ним.

- Что это за контора? - спросил Андрей. - Чем вы здесь занимаетесь?

- Вы же видели - работаем с теми, у кого возникли проблемы.

- Просто так, из альтруизма? Не верю. Для чего вам эти люди? - Андрей шагнул к соседней двери. - Ну-ка, давайте глянем.

Дверь была заперта. Андрей ощутил, как шевельнулась 'татуировка', и замок под его ладонью рассыпался ржавой пылью. Переступив порог, он увидел женщину, сидящую за столом. Левое предплечье у нее было забинтовано. Она не испугалась, не вскрикнула - лишь повернула голову и посмотрела на гостей равнодушным взглядом. Глаза были потухшие и пустые.

- Что вы с ними делаете? - спросил Андрей у своего провожатого.

- Не мы - они сами. Не желают быть теми, кто они от

природы.

Несколько секунд Андрей и сотрудник 'восьмерки' стояли, буравя друг друга взглядом.

- Я еще вернусь, - сказал, наконец, Андрей.

- Не сомневаюсь. Мы будем ждать...

Выйдя из железных ворот, он минут через десять добрел до дома. Поднялся в квартиру. Сел в кресло и устало прикрыл глаза. Хватит играть в игрушки - пора узнать, наконец, для чего он здесь. Если ответы в башне - он их получит. Но, прежде чем он туда доберется, надо кое с кем побеседовать. Расставить точки над 'ё'. Значит, Михалыч у нас погоны носил? Причем, с немалыми звездами? Какое интересное совпадение. И не одно, а почти на каждом шагу. К примеру, майор из ФСБ намекает, где искать попутку в Эксклав. Андрей приходит по адресу - и вуаля, машина стоит и ждет. Садись, дорогой, поехали...

Но даже это - не главное. Во время поездки Михалыч сказал однажды нечто такое, что показалось Андрею чрезвычайно важным. Но их перебили, и мысль тогда ускользнула. Ничего, мы выясним. Спросим...

Андрей открыл глаза и встряхнулся. За окном было пасмурно, но светло - уже наступило утро. Может, опять случился прыжок во времени, а может, он просто задремал в кресле. Ладно, пора идти.

Он встал и огляделся. Возникло чувство, что в эту квартиру он больше никогда не вернется. Андрей достал из сумки конверт, сложил его вдвое и сунул во внутренний карман куртки. Что еще? Доллары, паспорт. Шарик, что подарил отец. Мобильник, доставшийся от Ромы в наследство. Бумажка с адресом и телефоном Михалыча. Ну, и все, пожалуй...

Седой жил в центре, в шестнадцатизэтажном панельном доме, стоявшем недалеко от реки. Пока Андрей добирался, в памяти снова и снова всплывали сцены из вчерашней охоты - разорванное тело в углу, гильзы на бетонном полу, визжащие двуногие факелы. Потом перед глазами встало белое лицо Инги. Хитрый прищур майора. Зеленые глаза ведьмы. Черные лозы...

Его наполняла ярость. Нажимая кнопку звонка, он готов был прямо с порога начать допрос и уже заготовил первую фразу - поэтому, когда дверь открыл не Михалыч, а девочка лет восьми-девяти, Андрей от неожиданности завис.

- Здравствуйте. Вы к кому? - вежливо спросила малявка.

- Здравствуй, - сказал Андрей, выходя из ступора. Ярость испарилась, пришла усталость. - А взрослые дома есть?

- Дедушка! - позвала она.

- Иду! - Михалыч вышел в прихожую. - Андрей? Заходи.

Светочка, это ко мне пришли. А ты беги в комнату, там мультики начинаются.

- Я что-то не въехал, - недоуменно спросил Андрей. - Ты ж вроде говорил, что у тебя дочка только в институт поступила? Откуда внуки?

- Так то младшая - в институт. А у меня еще и старшая есть.

- А, ну да. Это я не подумал.

- Бывает. Ну-ка, погоди, - Михалыч взгляделся в его лицо. - Андрей, а ты повзрослел. Даже постарел, пожалуй, я бы сказал. Лет на тридцать выглядишь, с гаком...

- Да? - Андрей глянул на себя в зеркало. Морщина на лбу стало глубже, а лицо казалось чужим. - Жизнь такая. Много вопросов, мало ответов.

- Случилось что-то?

- Можно и так сказать.

- Ну, пошли чайку выпьем. Расскажешь все по порядку.

Михалыч поставил чайник, достал из холодильника сыр и копченую колбасу. Со вздохом посмотрел за окно, где над рекой повисли низкие тучи, и извлек на свет божий початую бутылку коньяка.

- Рановато, конечно, но тебе, я вижу, не помешает.

Звякнули рюмки. Андрей опрокинул в себя янтарную жидкость. Взял кружок колбасы и медленно прожевал. Помолчал, собираясь с мыслями.

- Знаешь, Михалыч, я сейчас, когда к тебе поднимался, целый список вопросов в уме составил. Например, в какой ты, собственно, конторе служил? Или, может, не в конторе, а в армии? В каком звании? И как же это вдруг получилось, что такой человек, как ты, теперь гоняет с контрабандистами? И почему вас всерьез не ловят? И случайно ли вы мне подвернулись?

- Да, интересный список, - Михалыч усмехнулся и разлил еще по одной. - Ничего не упустил?

- Ну, что ты. Это так, для затравки. Очень хотелось бы узнать, например, что это за стратегическое сырье добывают у нас в Эксклаве? И какое отношение к этому имеет 'восьмерка'? И что это за 'питомник', куда свозят девчонок со всей страны? Короче, вопросов море. Но теперь вот сижу и думаю, что это вещи второстепенные. То есть, нет, не так. Они, конечно, очень важны и сверхактуальны. Аллюр три креста, top secret, перед прочтением сжечь... Но размышлять о них мне сейчас не хочется. А волнует меня другое. Например, почему девчонка, с которой я познакомился только позавчера, сейчас находится в коме. А пацан, которого я знаю примерно столько же...

Андрей, не договорив, опрокинул вторую рюмку.

- Только я школу закончил, сразу эта хрень началась. На выпускном - прикинь, Михалыч, на выпускном! - пропал одноклассник, и никто даже не заметил. А сосед мой, Пашка, превратился то ли в куклу, то ли в мумию, хрен поймешь. Нормально взрослая жизнь пошла, ничего не скажешь...

- Знаешь, Андрей, - задумчиво заметил Михалыч, - я вот тоже недавно встретил школьных друзей. Это сколько же лет прошло? Даже подумать страшно. Ну, вот, поговорили мы, пообщались. И вижу я, что мужики эти мне, собственно, незнакомы. Я помню совершенно других людей. С другими интересами, мыслями, устремлениями. А эти, нынешние - лишь оболочки. Они для меня мертвы, понимаешь? Куклы, мумии, как ты говоришь. Так что разница, если подумать, невелика. Просто я это умом осознал, а ты увидел воочию. Дар у тебя такой, что поделаешь...

- И на хрена мне такое счастье? Дар, да еще и миссия. Да, вот так, все по-взрослому. Только это - тсс! - строжайший секрет. Коллега мне твой рассказал из чувства личной приязни... Слушай, Михалыч, мне правда пофиг, какое у тебя звание...

- Я в отставке, вообще-то.

- Сказал же - пофиг. Но ты ведь наверняка что-то знаешь. Вот скажи мне - почему ФСБ меня до сих пор не грохнуло? После поезда, после автовокзала? Меня, конечно, прибить не просто, но если бы захотели - нашли бы способ. Да, я помню, мне объясняли - опасно, дескать, прерывать мою миссию (которая, замечу в скобках, неизвестно в чем заключается). Но, по-моему, еще опаснее, если я, ходячая бомба, буду бродить по улицам, оставляя за собой выжженные кварталы. Как ты считаешь?

- Андрей, пойми меня правильно - я не имею доступа к нынешним государственным тайнам...

- Слушай, давай без этого! Если есть догадки - скажи, если нет - ну и хрен с тобой. Пытать я тебя не буду. Надоело уже, сил нет...

- Ладно, не хнычь. Ответь мне лучше - ты в курсе, с какой частотой появляются люди с узором, как у тебя?

- Майор сказал - один на сто миллионов.

- Ну, это они округлил, конечно. Для красоты звучания. Впрочем, дело не в этом, точные подсчеты ничего не дадут. Я бы сформулировал так - мерцающий появляется, в среднем, раз в поколение. Иногда чаще, иногда реже. Ну, если в цифрах, то с интервалом от пятнадцати до тридцати лет.

- Ага. Ну, и что?

- А то. Предыдущий был в середине восьмидесятых. Забавное было время...

Михалыч встал, прошелся по кухне. Посмотрел в окно и снова

наполнил рюмки.

- Еще раз подчеркиваю, - сказал он, когда они выпили и закусили сыром. - Я тем делом не занимался. Все, что я тебе говорю, это только слухи, а может быть, просто глупые байки...

- Давай, давай, не томи.

- В общем, появился мерцающий. Какая у него была миссия - я, естественно, без понятия. Да он и сам, наверно, не знал. Но чем-то он наших товарищей напугал. И, якобы, решили они его... гм... аннулировать.

- Грохнуть, что ли?

- Ага. Такие слухи ходили. Способы нашлись, тут ты верно заметил. В общем, мерцающего не стало. А через пару месяцев началась перестройка. И чем это для страны обернулось, ты, я думаю, в курсе.

- То есть, из-за того, что он?..

- Я не буду гадать о причинно-следственной связи. Но по времени два события совпадают. Факт первый - миссия мерцающего была насильственно прервана. Факт второй - страна покатила в тартарары.

- Если так, то с меня пылинки должны сдвуть...

- Ну, зачем же? Если ты случайно (я подчеркиваю - случайно, тут судьбу не обманешь) споткнешься на лестнице и свернешь себе шею, то обойдется без глобальных последствий. Товарищи только рады будут, извини уж за откровенность. И если бы ты по собственной воле поехал в Сибирь охотиться на медведей, никто бы тоже не возражал. Но в Сибирь тебя не заманишь, зато в Эксклав - без проблем. Романтика ведь, запретная зона. Вот ты и прибыл.

- То есть, они рассчитывают, что я здесь по-быстрому сверну шею?

- Ну, это в лучшем случае... В лучшем для них, конечно, не для тебя. А вообще, вспомни вот о чем - у Эксклава есть некие, скажем так, магические границы. Вдруг они удержат тот негатив, который может возникнуть в результате твоих свершений? Так, наверно, в кабинетах решили. Это мои догадки. Верить или не верить - сам думай.

- Версия интересная.

- Старался. Но кое-что она все же не объясняет. Например, какая сволочь вертолет против нас послала - там, на автовокзале. Уж явно не ФСБ.

- Ну, кто послал, я знаю.

- Знаешь? А ну-ка.

- Ты историю Эксклава читал? Впрочем, глупый вопрос. Помнишь - болота, черные лозы? Ну, или черные змеи - кому как

нравится? В общем, здесь мы, похоже, схлестнулись с теми, кому эти змеи служат.

- Ведьмы, что ли, из сказок? С чего ты взял?

- Не сказки это, Михалыч. Сам с одной разговаривал - в поезде, перед тем, как он развалился. И еще по телевизору видел. Прямо по морде нити ползут чернильные. Что, не встречал?

- Бог миловал.

- А другая - знаешь, где ошивалась? В доме правительства, на каких-то переговорах. Бродила вокруг стола, как у себя дома. Только ее там не замечали. И зрители по ТВ, которые передачу смотрели, тоже бабу не видели - такое у меня впечатление. А если и видели, то без черных знаков на лбу. Как тебе такой поворот?

- Ты уверен?

- На сто процентов. Наверно, поэтому и хотят меня завалить - я единственный, кто их наблюдает во всей красе. А вот чего им надо в глобальном смысле - это уже вопрос посложнее. Кстати, раз они в такую силу вошли, то, по идее, и базы у них должны быть. Ну, то есть, логова. Болота эти черные, например, в Эксклаве еще остались?

- Да ну, ты что. Все выжгли после войны. А потом бетоном залили. До сих пор стоят пустые площадки. Одну только и застроили - лет семь-восемь назад, пожалуй.

- И что там теперь?

- 'Питомник'. Ну, этот...

- В который девчонок свозят?

- Угу.

- А чей он? Что за контора?

- Да не знаю я! Мне, думаешь, докладывают? Я ушел, когда Союз развалился. А про нынешний бардак мне даже думать противно. Конторы новые появились - хрен знает, чем занимаются. Каждый сам за себя - феодалы, бляха. А этим, наверху, похоже, насрать. Не люблю я ныть, Андрюха, одно скажу - в наше время все по-другому было...

Михалыч махнул рукой и снова потянулся к бутылке. А Андрей пытался выстроить логическую цепочку. Итак, еще раз. Были болота. При Союзе их выжгли, и больше туда никто не совался. Потом Союза не стало. И сразу на одном из бывших болот построили непонятный 'питомник'. И кто же там рулит? Инга рассказывала, что вербовать ее приходила молодая строгая тетка. Даже гадать не надо, кто это был. Значит, ведьмы (будем их так называть для краткости), которые раньше встречались только в легендах, да еще в манускрипте, что получил Андрей, теперь выходят на сцену. Нагло выходят, на мелочи не размениваются. И им зачем-то нужны девчонки с красным узором.

Мутные дела завертелись, мутные. Как там выразился Михалыч? Дескать, времена изменились...

Андрей потер виски, чтобы лучше соображать. Что-то было в этой последней фразе седого - что-то очень знакомое, словно осколок, застрявший в памяти. Точно, точно... На эту тему был незаконченный разговор, когда они ехали из Москвы. Рома жаловался тогда на мерзость советской жизни, а в ответ услышал...

- Михалыч, - сказал Андрей, - помнишь, Рома про совок рассуждал? А ты ему возразил - имелась, дескать, в Союзе такая вещь... Она нематериальна, но перевесит все то дерьмо, что произвел совок... Вот как-то так примерно. Потом отвлеклись, и ты не договорил. Что ты имел в виду?

- А почему ты вспомнил?

- Не знаю, просто чувствую, что это мне сейчас нужно. Такое ощущение вдруг возникло, что именно за этим к тебе пришел. Как будто я сейчас услышу ответ, от которого все зависит...

- Ну, это ты загнул. Никаких философских тайн я тебе не открою.

- И тем не менее.

- Все очень просто, на самом деле. Вот скажи, ты бы хотел жить в будущем?

- Чего? - Андрей даже подавился от неожиданности.

- В будущее, говорю, тебе хочется? Как оно тебе представляется, исходя из сегодняшней ситуации?

Андрей задумался, и узор на его руке замерцал, словно подгоняя воображение. Исходя из сегодняшней ситуации? Ну, ладно, что у нас там сейчас с научным прогрессом? Компьютеры, интернет - это, пожалуй, главное. Через пару лет совсем дешевые станут. Каждый сможет купить. Все будут сидеть, прилипнув к экрану. Мобильники, опять же, с функциями компьютера. Ладно, еще что? Геном человека, по идее, скоро окончательно расшифруют. Клоны, овечка Долли... И, наконец, биология в сочетании с микросхемами - сразу 'матрица' вспоминается, не зря же фильмы снимают. С космосом что? На Марс в ближайшие лет двадцать не замахнемся. А то и вообще про него забудем. На небо перестанем смотреть - станцию 'Мир' вот только затопим. А лет через сто? Фиг знает. Но как-то не очень верится, что пресловутая Альфа Центавра будет в центре внимания...

- Нет, знаешь, - сказал Андрей, - в будущее я не хочу. Во всяком случае, в то, которое мне видится из нынешнего момента.

- А в какое хочешь?

- В какое? Ну, в то, про которое в книжках писали - лет тридцать назад, примерно. Чтобы звезды и вся фигня. И

коммунизм до кучи... Блин, самому смешно. Но мечта была красивая, согласись.

- Соглашаюсь, - сказал Михалыч. - Я про это и говорил. Была мечта - эфемерная, но многим она казалась реальной. Но Западе, кстати, тоже про это книжки писали - Саймак, хотя бы. Но там это было отклонение от стандарта. А у нас хватало людей, которые совершенно искренне верили, что настанет такое будущее. Песню про 'прекрасное далёко' все-таки у нас сочинили, а не у них. Другое дело, что наличие прекрасной мечты совершенно не означает, что сейчас, в текущий момент ты должен жить в нищете. Тут мы могли бы у Америки поучиться. Но это, повторяю, другой вопрос.

М-да, подумал Андрей, все это интересно, конечно, но ясности не прибавилось. Посидели, выпили коньяку. По ходу дела удостоверились, что страна, занимающая одну шестую часть суши, незаметно потеряла мечту. Блин, да у нас каждый третий кухонный разговор приводит к глобальным выводам. Толку-то что? В паре километров отсюда Инга по-прежнему лежит без сознания, потому что по глупости связалась с Андреем. Точный момент, когда она впала в кому, ему, правда, не известен, но можно поспорить - за пару секунд до этого зажглись три факела в заброшенном цехе.

А еще рядом есть болото, которое, похоже, выжгли не до конца. И сейчас там стоит 'питомник', где, с большой долей вероятности, содержится небезызвестная Ксюша. С одной стороны, так ей и надо, чтобы меньше выпендривалась, а с другой - не мешало бы, все-таки, ее оттуда извлечь. Можно пинками - в память о старой дружбе. А потом уже в башню - чего тянуть...

- Ладно, пойду я, - Андрей поднялся. - Спасибо за угощение.

- Что делать думаешь?

- Навещу одно заведение. Пансион благородных девиц, так скажем.

- Может, с тобой поехать?

- Не надо. Но спасибо за предложение.

Они вышли в прихожую, и Андрей уже хотел попрощаться, когда из комнаты вдруг долетели звуки, похожие на грохот орудий. Он даже не сразу сообразил, что там работает телевизор.

- Ни фиги себе. Что за мультики она смотрит?

- Не знаю, - Михалыч, похоже, тоже был удивлен.

Он зашел в комнату, Андрей из любопытства шагнул за ним. Да, кадры, мелькавшие на экране, мало напоминали мультфильмы.

Андрей узнал Манежную площадь. И по ней сейчас ползли

танки.

- Светочка, - сказал Михалыч, - что это здесь показывают?

- Не знаю, деда! Я 'Том и Джерри' смотрела, потом их вдруг отключили, а теперь вот это идет.

Она взяла пульт, желая сменить канал, но Михалыч попросил:

- Ты пойди пока в другую комнату. Поиграй там немножко, ладно?

Седой сделал звук погромче и подошел к экрану.

Один из Т-90 слегка повернул башню, и камера проследила, куда теперь направлена пушка. На Охотном Ряду была баррикада - перевернутый автобус, несколько легковушек и даже, кажется, вырванный с корнем фонарный столб. Вся эта куча перекрывала подход к парадным дверям Госдумы.

Т-90 плюнул огнем, камера вздрогнула, и снаряд ударил в одно из окон. Сноп грязного дыма вырвался из проема, и в этом дыму порхали листы бумаги - как будто Думу стошнило чудовищным конфетти. Репортер зачастил за кадром:

- Срок ультиматума истек, и президент намерен выполнить обещание. Судя по всему, дана команда на штурм. Кстати, по неподтвержденным данным, отряды 'Альфа' и 'Вымпел' отказались принимать в нем участие. Как бы то ни было, кризис перешел в горячую фазу. После того, как Дума объявила президенту импичмент...

Михалыч стоял в напряженной позе, впившись глазами в телеэкран. Андрей же почти не слушал корреспондента, ощущая странное равнодушие. Как будто движения на Охотном Ряду были дурацкой пьесой, разыгранной актерами провинциального ТЮЗа, чтобы отвлечь внимание от чего-то по-настоящему значимого.

Картинка сменилась, теперь показали Ельцина. Он сидел за столом - белые волосы уложены волосок к волоску, а брови грозно нахмурены. Освещение было выставлено искусно - от человека в кадре словно исходило сияние, и просто не верилось, что он способен поступить плохо. Андрей, не особо вникая в смысл, улавливал отдельные фразы: 'Конституционный порядок... красно-коричневая чума... остановим любой ценой...'

Обращение закончилось, и снова показали Госдуму. В окнах верхнего этажа бесновалось пламя. Раздался грохот, изображение дернулось и пропало, после чего на экране появилась заставка. Прошла минута, но ничего не менялось.

- Вот черт, - процедил Михалыч.

- Ага, - подтвердил Андрей. - Ну, раз больше ничего не показывают...

Он развернулся, чтобы выйти из комнаты, но зацепился

взглядом за что-то на книжной полке. Подошел ближе. Так стоял серый невзрачный томик - латинско-русский словарь. Андрей протянул к нему руку.

- Можно?

- Что? Да, бери, конечно, - Михалыч ожесточенно давил на пульт, но по другим каналам не было прямых репортажей - шли сериалы, и выступали эстрадные юмористы, словно ничего не случилось.

Андрей вернулся на кухню и, прежде чем сесть за стол, достал из кармана паспорт. Вытащил листок отрывного календаря, зажатый между страницами, - тот самый, что дала ему 'фермерша' после приключений в Гуняево. Полюбовался на 'сороку-ворону' и еще раз прочел латинскую фразу: 'Cantus sinister oscinis'. Ну-ка, посмотрим, что это значит.

Cantus - звук или песня; заклинание, заговор.

Sinister - левый, дурной, испорченный... Ну, кто бы сомневался... Хотя, стоп, последнее значение отличается. Читаем: 'У римских авгуров - благоприятный, счастливый'. Да, странные люди - авгуры... Блин! А ведь автор манускрипта - тоже из них. К чему все это? Ладно, одно слово осталось.

Oscinis - происходит от oscip. Значение: 'Вещая птица (ворон, сова, ворона), по крику которой авгуры делали предсказания'. Опять авгуры, ёрш твою медь.

То есть, вся фраза переводится... Как бы это сказать поточнее? Пение вещей птицы, звучащее благоприятно. Что-то вроде того. Правда, это для авгуров - благоприятно, а с точки зрения нормальных людей - 'левый, дурной, испорченный'...

И вот еще что любопытно. Вещая птица - это, как здесь написано, ворон, сова, ворона. То есть, соответствует иллюстрации. Ну, почти соответствует - на рисунке у нас 'сорока-ворона', так в считалочке говорится.

'Ты у нас Сорокин, и на картинке - сорока...'

Бредятина, детский сад.

Если следовать этой логике, то он, Андрей, вопит, как вещая птица, а авгур доволен. С чего бы это?

Короче, ясно одно - пора дочитать эту хрень в конверте.

Он вышел в прихожую и достал манускрипт из кармана куртки.

Рукопись из конверта. Окончание

И снова я гляжу с высоты на живописные окрестности замка. Легкий ветерок приятно овеивает лицо. Дочь лорда-наместника стоит рядом. Мы продолжаем прерванный вчера разговор.

- Я счастлива, что здесь родилась, - говорит она. - Да, провинция, задворки империи. Ну, и что? Зато здесь море и

корабли. Сердце щемит каждый раз, как я вижу парус. Особенно на закате. Вы не представляете, как это красиво.

- Я вас понимаю. Сам в детстве мечтал посмотреть на море. Но там, где я вырос - лишь бескрайние степи. А дальше на юг - пустыня.

- А в столице вы были?

- Был, конечно. Дворец огромен, подавляет своим величием. Но даже у самого императора вид из окна вряд ли лучше чем здесь, у вас.

Она улыбается:

- Я в этом нисколько не сомневаюсь! И вообще, наш край - волшебный. В самом, что ни на есть, прямом смысле!

- Это вы, наверно, о том, что он соседствует с другим миром?

- Ага. Когда учитель в детстве рассказывал, я прямо прыгала от восторга! Жалела только, что в тот мир нельзя путешествовать. Или все-таки можно? Ну-ка, признавайтесь немедленно - вы ведь авгур, знаете все секреты!

- Нет, - говорю с улыбкой, - учитель вас не обманывал. Уроженцу нашего мира туда попасть невозможно. Оттуда к нам - иногда бывает. У вас тут, наверно, пришельцев ловят периодически?

- Ловят. Не каждый день, конечно, и даже не каждый год. Одного я даже видела - одежда странная, озирается диким взглядом. Как будто привидение увидел. Неужели мы тут такие страшные?

- Нет, конечно. Просто, насколько я понимаю, переход влияет на разум. Многие просто сходят с ума.

- А почему они к нам могут, а мы к ним - нет? Я учителя спрашивала, и он мне объяснял очень долго. Но такими словами, что я не поняла ничего.

- Почему - я тоже не знаю. Хотя, в каком-то смысле, модель вселенной очень проста. Вот, предположим, вы налепили зимой снежков. Они все большие, круглые. Вы их положили в ряд. Плотно, один к другому. Соседние снежки смерзлись. Теперь представьте, что эти снежки - миры. Там, где они соприкоснулись боками, можно перебраться с одного на другой. В окрестностях вашего замка - такое место. Люди из соседнего мира приходят к нам и, если повезет, возвращаются. Но эта дверь - лишь для них. Мы ее, к сожалению, просто не видим.

- Обидно!

- Что делать. Наша дверь - в противоположной точке планеты. Оттуда мы можем шагнуть на другой 'снежок'. На следующий в ряду.

Она задумчиво кивает. Ветер тербит ее волосы. Огромное

белоснежное облако лениво уползает в сторону Седого Хребта. Наконец моя собеседница прерывает молчание:

- Значит, здесь, - она обводит рукой окрестности, - смерзаются два 'снежка'. То есть, по сути, это ничейная территория?

- По сути - да, - подтверждаю я. - Более того, она скорее принадлежит им, чем нам. Ведь это их дверь, не наша. Просто они этого, к нашему счастью, еще не поняли.

- А если поймут и... придут?

- Тогда нам придется уйти отсюда, - говорю и пожимаю плечами. - Это будет справедливо, хоть и не очень весело. Но вряд ли это случится скоро.

- Почему?

- Осознать, что это их территория, должны не отдельные люди и не правители, а целый народ. Понимаете? И прийти сюда не поодиночке, а огромной человеческой массой. Только тогда они при переходе не потеряют рассудок. Сто тысяч, не меньше - так, по крайней мере, утверждают наши алхимики. Сто тысяч! Вы представляете это людское море? Я лично - не очень. Поэтому думаю, что опасаться нечего. Меня, если честно, волнуют не чужаки, а наши местные... гм... беспокойные личности...

Вспомнив о черноликих, я мрачнею и хмурюсь. Девушка, заметив это, спрашивает с тревогой:

- Вы знаете, кто устроил фокусы с зеркалами? Не молчите, пожалуйста! Что нам еще грозит? Вы заглянули в будущее?

- Пока еще нет, - отвечаю, тщательно подбирая слова. - Вчера я выпустил гончих. Сегодня они вернутся, и кое-что прояснится.

- Гончие вам расскажут?

Улыбаюсь помимо воли:

- Они ничего рассказать не могут. Это тупые кровожадные твари. Их единственное достоинство в том, что пространство и время им не помеха. Гончие находят в будущем человека, который играет там ключевую роль. Они навещают его в такие моменты жизни, когда он меняет привычное течение событий. В эти моменты я вижу его глазами. Он, в свою очередь, получает что-то от моих ощущений. Не знаю, что именно - да меня это, в общем, и не волнует. Такая вот процедура. Ее и называют прозрением. Согласитесь, довольно просто.

- Да уж, просто... Как бы я хотела тоже узнать, что будет!

- Поверьте, это далеко не всегда приятно. Перемены редко бывают к лучшему.

- Наверно, вы правы. И все равно, я бы за это многое отдала...

Резкий приступ головокружения заставляет меня вцепиться в перила. Темнеет в глазах; мне не хватает воздуха.

- Что с вами?! - голос девушки звенит от испуга.

- Все в порядке, - в голове слегка проясняется, но я чувствую, что времени уже мало. - Гончие возвращаются. Вам лучше уйти отсюда...

- Разрешите мне остаться! Я так хочу посмотреть!

- Лучше не надо. В моем присутствии напасть они не посмеют, но ваш отец не простит, если узнает, что вы глядели этим тварям в глаза...

Дурнота подступает снова. Очертания перил расплываются. Стражник, чуя неладное, обнажает меч и подходит ближе.

- Прошу вас, - обращаюсь к нему, - уведите юную леди. И не пускайте никого на площадку, пока я отсюда не выйду...

Дверь за ними захлопывается. Воздух вокруг дрожит. Тонкий писк мешает сосредоточиться, но сейчас я действую на рефлексах. Достая амулет-трилистник. Три шарика в платиновой оправе наполняются кроваво-красным огнем. Сжимаю амулет в кулаке. Передо мной густеет жаркое марево. Три длинные тени, уплотняясь, подплывают ко мне. Оранжевые глаза сверкают яростным светом. Твари окружают меня, ощерив мерзкие пасти. Белеют клыки.

Пора.

Трилистник раскаляется, обжигая кожу ладони, но я заранее готов к этому и не разжимаю кулак. И когда боль становится нестерпимой, пространство вокруг меня содрогается. Гончие дергаются, но им уже не спастись. Длинные тела неестественно выгибаются - кажется, что невидимый великан выжимает их, как мокрую тряпку. Отвратительно хрустят кости.

Я чувствую отголоски их боли. Всего лишь эхо - но мое сознание почти отключается. Ноги не держат, и я падаю на колени.

Глаза застилает кровавая пелена. Я ничего не вижу, но слышу, как гончие шлепаются на каменный пол. Их выжали досуха - забрали все, что они смогли принести. И теперь это достанется мне.

Огненный шар взрывается в голове.

Меня накрывает волной чужих, незнакомых образов. Эта река несет меня, будто щепку; разум инстинктивно сопротивляется, но я знаю, что должен полностью отдаться течению. Это моя последняя мысль - судорога не дает мне вздохнуть, сознание окончательно гаснет, и меня глотает черный водоворот...

...Я открываю глаза и поднимаю голову. Площадка вокруг усеяна сухим пеплом - это все, что осталось от призванных мною гончих. В серой пыли мерцают синеватые шарики. Я машинально их подбираю. Но мысли мои заняты совершенно другим.

Я видел будущее.

Гончие, конечно, не подвели. Прозрение состоялось. Пожалуй, я даже могу гордиться собой - мое мастерство растет, и мало кто из авгуров сработал бы так же чисто. Но радости я не чувствую.

Мне хочется завить от бессилия.

Человек, которого я увидел, придет из другого мира.

И он придет не один.

То, о чем я снисходительно рассказывал девочке, теперь не просто страшная сказка. Это может начаться в любой момент.

Люди из соседнего мира поняли - место, где смерзаются два 'снежка', по праву принадлежит им. И они уже на пороге.

Я видел колоссальную армию, которую раньше не смог бы даже представить. Я видел солдат, которые ничего не боятся. Солдат, которых не остановишь. Они побеждают, потому что история на их стороне.

До сих пор я думал, что главная опасность - это черноликие с зеркалами. Я ошибался. Зеркала - всего лишь игрушки по сравнению с тем оружием, что имеется в распоряжении чужаков.

Ничего нельзя изменить.

...Я покидаю смотровую площадку. Спускаюсь к лорд-наместнику. Рассказываю ему о том, что случится. Конечно же, он не верит. Я его понимаю. Сам бы ни за что не поверил, если бы не видел собственными глазами.

Ну, что ж, я знаю, как его убедить. Выбираю в своем арсенале прозрачный шарик и сжимаю его в ладони. Потом отдаю хозяину замка. Взяв шарик, лорд-наместник на несколько минут застывает. Мне чудится, что я вижу в его глазах отблески багрового пламени.

Костер истории. А мы - лишь сухие ветки, которые в нем сгорают.

Наместник разжимает кулак, и шарик с веселым стуком падает на каменный пол. Несколько секунд мы смотрим в глаза друг другу.

- Сколько у нас времени?

- Его уже нет, - отвечаю. - Может быть, сутки. Но, скорее всего, часы. Я чувствую - лавина уже идет. Милорд, на этой земле нельзя оставаться. Скажите людям. Я надеюсь, они поверят...

В комнате вдруг темнеет. Мы подходим к окну. Свинцово-черная туча, возникшая неизвестно откуда, наползает на солнце. Она кажется плотной и неестественно симметричной, словно чье-то уродливое лицо хмурится в вышине. Потом два пятна, похожие на глазницы, наливаются изнутри тяжелым мертвенным светом. Во дворе кто-то вскрикивает от ужаса.

Знамение. Мы молчим, не зная, что говорить - просто смотрим на небо. Наконец, наместник отводит взгляд и вдруг усмехается:

- Люди поверят, авгур. Можешь не сомневаться...

...Закончился день. Наступает ночь. Серебряный глаз луны удивленно таращится на вереницу повозок, ползущую по дороге. Мерно ступают волы, кивая огромными головами. Грязная тряпка цепляется за копыта - не то полотенце, не то косынка, принадлежавшая знатной даме. Скрип колес, чья-то ругань; детский плач и женские причитания. Дрожащий свет факелов. Запах пыли и страха.

Исход.

Стою на обочине у развилки. Мой скакун хрипит недовольно. Ему не нравится то, что здесь происходит. Я с ним согласен.

Я, вроде бы, сделал все, что от меня зависело. Предупредил наместника, и люди успевают уйти, не встретившись с чужаками. Но почему меня гложет чувство, что упущено нечто важное?

Трогаю поводья и отъезжаю в сторону от дороги. Закрываю глаза, вспоминая свое видение. Главное - это, конечно же, прибытие чужой армии. На нем я сконцентрировался с первых секунд, отбросив второстепенное. Это было правильное решение, но сейчас пришло время обдумать и другие детали.

Да, меня кое-что смущает. Человек, чьими глазами я смотрел во время прозрения, жил спустя полвека после того, как армия его соплеменников пересекла границу нашего мира. То, что происходит сейчас, для него - далекое прошлое. Почему же именно к нему пришли мои гонимые? Ответ один - при его участии на этих землях произойдет еще что-то, способное изменить ход истории.

Вспоминай, авгур, вспоминай...

Итак, окрестности замка станут частью другого мира. Здесь появятся странные города с уродливыми домами, похожими на многоэтажные муравейники. По улицам будут сновать кареты без скакунов. На одной из таких карет сюда и приедет юноша, чьими глазами я видел будущее.

Он поселится в убогой каморке на третьем, кажется, этаже. Впрочем, там будут весьма диковинные предметы. Белый ящик, в котором живет мороз. Железный стол, на котором распускаются бутоны огня. И еще один ящик - черный; передняя стенка у него зеркально блестит, а временами начинает светиться и показывать живые картинки...

Светящееся зеркало. Такие там есть повсюду. И в одном из них юноша однажды увидит женщину с чернильными нитями на лице.

Женщину, которая мне знакома...

Развернув скакуна, направляюсь в сторону города. У ворот наблюдаю жуткую сцену. Люди рвутся наружу, но телеги застревают в проеме. Волы ревут как безумные, заглушая крики возниц. Одна из повозок, чудом прорвавшись через ворота, теряет колесо, накреняется, и скарб рассыпается по дороге. Хозяин хватается за голову, его жена истошно визжит; кто-то, изрыгая проклятья, пытается их объехать. Двое легионеров на скакунах выныривают откуда-то сбоку и перерубают постромки. Вола отгоняют, телегу оттаскивают на обочину; людская масса снова прет из проема, и черепки разбитых горшков жалобно хрустят под колесами.

Понятно, что здесь я в город не попаду. К счастью, недалеко имеется еще один вход, который использует для своих нужд городская стража. Телега там заведомо не пройдет, поэтому желающих будет меньше. Скачу вдоль стены, нахожу заветную дверь. Несколько стражников стоят рядом. Давки здесь нет. Из двери выходит аристократ, ведет скакуна, навьюченного поклажей. Верхом бы он не проехал - проем слишком низкий. Следом появляется дама, за ней - мальчик лет десяти. Их сопровождают несколько слуг. Я мельком замечаю кованный сундучок, явно очень тяжелый. Эта семейка не будет бедствовать, даже если остальное имущество потеряется по дороге.

Я показываю свой амулет, стражники пожимают плечами. Меня, наверно, никто не стал бы удерживать, будь я даже разбойник с клеймом на лбу и вырванным ноздрями. Сейчас все озабочены тем, как быстрее покинуть город, а если кому-то хочется внутрь, то это его проблемы.

Спешившись, ныряю в проход. Скакуна тяну за собой. Стражники на той стороне смотрят на меня удивленно, но тоже не произносят ни слова. Проулок, ведущий к двери, перекрыт - сюда пускают не всех. Мне навстречу проезжает еще одна группа на скакунах. Я встречаюсь взглядом с юной аристократкой. Она испуганно вцепилась в поводья, глаза широко раскрыты, а лицо даже в свете факелов кажется неестественно белым.

Выбираюсь на очередной перекресток. Слева слышится рев толпы - там по-прежнему штурмуют ворота. Я поворачиваю и еду в другую сторону. Скакун бежит по каменной мостовой, а я опять пытаюсь понять - почему подсказки так настойчиво ведут меня к черноликой?

Странное это дело - логически размышлять, когда люди вокруг спасаются бегством. Но выбора нет, и я вспоминаю, что узнал за эти два дня.

Итак, черноликие изменились. Они нашли артефакт,

который, наконец, их устроил. С его помощью воздействуют на людей и без колебаний полезли в замок.

Глупая мелочь на фоне вторжения чужаков...

Или не мелочь? Сравним последствия. Люди из соседнего мира отберут у нас окрестности замка. Место, где соприкасаются два 'снежка'. Империя теряет провинцию - крохотную, но все же часть своей территории.

А что будет, если не остановить черноликих? Они расползутся по всей стране - прецеденты уже бывали. Доберутся и до столицы. И когда люди из окружения императора начнут сгорать лиловым огнем или превращаться в кукол с потухшим взглядом, это уже не покажется ерундой.

Можно ли этому помешать?

Из всех черноликих я знаю только одну. Да и с ней занялся совсем не тем, чем положено в таких случаях...

Но, предположим, я бы поступил по всем правилам. Отвез бы черноликую на допрос. Что произойдет дальше? Мы узнаем ее сообщниц и устроим на них облаву. Не только в этой, но и в соседних провинциях. И, как обычно, выловим почти всех, но самые умные успеют залечь на дно. Заснут, как они умеют, чтобы проснуться лет через двадцать. И начнется новый виток.

Бесполезно. Мы просто не знаем способа, чтобы избавиться от них навсегда и вычеркнуть их из нашего мира.

Вычеркнуть?..

Мысль, которая приходит мне в голову, заставляет меня вздрогнуть от удивления. Инстинктивно натягиваю поводья, и скакун сердито рычит. Я еще несколько секунд размышляю, а потом пускаю его в галоп.

В доме, где хранится рунное зеркало, горит свет. Но во дворе - ни единого человека. Никто не бежит в панике, не грузит имущество на повозки и не седлает скакунов, чтобы отправиться в дорогу. Как будто происходящее в городе вообще не волнует тех, кто здесь поселился.

Стучу в ворота. Жду минуту, другую. Прикидываю, как лучше перебраться через ограду, но тут мне, наконец, открывают. Чистенькая служанка вежливо улыбается и, не задавая вопросов, приглашает войти. Она выглядит слегка заспанной, словно ее только что разбудили. Удивляясь, иду за ней. Мы пересекаем обширный холл и, поднявшись по лестнице, вступаем в гостиную.

Черноликая сидит в кресле, закинув ногу за ногу, и ухмыляется в своей обычной манере. В комнате горят алхимические светильники, а на столе я замечаю несколько гадальных свечей. Это просто игрушка, модная среди аристократов в этом сезоне. Гадание, да еще таким идиотским

способом, в будущее заглянуть не поможет - кому, как не авгуру об этом знать? Но дело сейчас не в этом. Я хочу проверить одну догадку.

Останавливаю служанку, которая уже собралась уйти. Она подчиняется без особого удивления. Черноликая наблюдает насмешливо. Зажигаю одну свечу и, подняв ее на уровень глаз, приказываю служанке:

- Смотри на огонь.

Она смотрит, и пламя под ее взглядом сначала дергается, а потом угасает вовсе. Ладно, больше вопросов нет.

- Ступай.

Девчонка уходит. Черноликая спрашивает меня:

- Развлекаешься?

- По мере сил, - сажусь напротив нее. - Слуги тоже в зеркало посмотрели?

- Не все, а только двое. Зато, сам видишь - спокойные, как морские коровы. Собирают тихонько вещи, без всякой спешки. И даже, кажется, не заметили, что соседи уже сбежали.

- А ты, значит, не спешишь?

- Я успею, - говорит она безмятежно. - Или ты хочешь, чтобы я в толпе спотыкалась? Нет уж, спасибо, я подожду.

- А мародеров не боишься? Сторожевых волков я у тебя не видел.

- Зачем мне волки? Вон, погляди.

Она щелкает пальцами, и светильники гаснут. Когда глаза привыкают, я замечаю во тьме за окном движение. На дереве кто-то есть, но это не человек. Лунный свет блестит на черном смолистом теле. Существо, которое притаилось среди ветвей, сплетено из толстых жгутов - так мне, во всяком случае, кажется. Глаз я не вижу, но чувствую, что это создание тоже на меня смотрит.

- Достаточно? - лампы загораются снова. - Как видишь, я стала несколько осторожнее. Но мне приятно, что ты за меня волнуешься.

- Мне тоже приятно, что чувство юмора у тебя сохранилось.

- А ты приехал, чтобы составить компанию? Хорошая мысль. Представь, как это романтично - мы на рассвете уезжаем последними...

- Представляю. Но вообще-то у меня была другая идея.

- И какая же?

- Я уеду. А тебе предложу остаться. Вместе с твоими сестрами.

Секунду она смотрит на меня недоверчиво, потом начинает заливисто хохотать.

- Ну, ты даешь, авгур! Хочешь отдать меня чужакам? Чтобы я покорно их дожидалась? Коварный план, ничего не скажешь. Я что, по-твоему, сумасшедшая?

- Нет, - отвечаю, - я знаю, что ты умна. И сумеешь оценить свою выгоду.

- Какая выгода в том, чтобы меня сожрали чудовища?

- Они не чудовища. Они обычные люди, просто не такие, как мы. Не забывай, я - авгур, и я уже видел будущее.

- И что же там интересного?

- Я расскажу тебе. Но сначала хочу кое-что спросить. Помнишь, ты пугала меня своим артефактом? Говорила - если через него связаться не с одним, а со всеми зеркалами в пределах города, то жители окажутся в твоей власти. А я тогда возразил - не выйдет, потому что все сразу не сидят перед зеркалом. Помнишь?

- Да, ну и что?

- У чужаков есть свои, особые зеркала. Они показывают живые картинки. Одно и то же видят во всех домах. Одновременно, понимаешь? Если картинки хорошо удаются, то вся страна садится и смотрит. В этот момент с ними можно делать, что хочешь. Это ведь то, о чем ты мечтала?

Черноликая слушает с интересом. Разумеется, это не означает, что она уже мне поверила и готова ждать чужаков. Мои слова она воспринимает как сказку. Но эта сказка весьма ее забавляет.

- Но это еще не все, - продолжаю я, - дальше будет самое главное. Ты мне рассказывала, как вы, черноликие, ищите себе неофитов. Тех, кто будет вам помогать. И жаловалась, что это - довольно сложная процедура. Дескать, с каждой претенденткой надо сидеть подолгу, вглядываясь в глаза. Правильно?

- У тебя хорошая память.

- Так вот, представь страну, где все видно с первого взгляда. Где у каждого на руке - клеймо, выдающее, на что человек способен.

- Клеймо?

- Да. Пятна разного цвета. И в любой толпе ты сразу узнаешь потенциальных помощниц. Достаточно просто посмотреть на запястье. И вообще, в том мире тебе понравится, я уверен.

- Авгур, - говорит она почти восхищенно, - да у тебя талант. Ты все это выдумал специально, чтобы меня развлечь? Честное слово, я польщена.

Я усмехаюсь.

- Понимаю, ты мне не веришь. А если я докажу?

- Каким же образом, интересно?

- Ты знаешь, что такое клятва авгура?

Ее глаза сужаются. Подавшись вперед, она разглядывает меня, пытаясь найти подвох. Знает, что мы такими вещами не шутим.

- Ты хочешь сказать, что готов поклясться?

Я достаю амулет-трилистник. Привычно сжимаю его в ладони. Произношу отчетливо и размеренно:

- Я, авгур старшего круга, клянусь, что сказанное мной - правда. Если же я солгал, то пусть Изначальный Огонь возьмет мое тело.

Амулет раскаляется, воздух вокруг течет, как над огромным костром. Алхимические камни в светильниках лопаются с отчетливым треском. Комната погружается в темноту. Черноликая сидит, не дыша. Я знаю, что она видит - в моих глазах сейчас пляшут языки багрового пламени.

Спустя полминуты я чувствую, как напряжение отступает. Амулет уже не жжет руку. Я прячу его в карман и спрашиваю:

- Ну, теперь ты мне веришь?

- Ты все лампы разбил, - говорит она невпопад.

- Купишь другие. У чужаков они очень яркие.

У меня ощущение, что она улыбается в темноте. Спрашивает:

- Почему ты мне это рассказал?

- Я знаю, что мы не в силах вас уничтожить. Единственный шанс - чтобы вы ушли добровольно.

- Хвастаешься своей откровенностью? Ладно, считай, что я оценила. Расскажи мне еще о соседнем мире.

- Чужаки не сразу привыкнут, что земля вокруг замка теперь принадлежит им. Здесь будет много солдат. Тебе и твоим подругам лучше до поры затаиться. Заснуть на полвека, вы же умеете. Потом будет проще. За это время, кстати, зеркала с картинками появятся в каждом доме. Как вы этим воспользуетесь, зависит уже от вашей фантазии.

- Тебе их не жалко? Этих, которые с клеймом на руке?

- Они мне чужие. Играйте лучше с ними, чем с нами.

- Знаешь, авгур, - она подходит и садится на подлокотник моего кресла, - я позову сестер. Мы обсудим то, что ты сообщил. Может, действительно заснем и посмотрим, как здесь устроятся чужаки. А на сегодня разговоров достаточно...

...Я уезжаю, когда уже забрезжил рассвет. Улицы пусты; только однажды дорогу перебегают лунные волки. Видимо, хозяева не стали их запирают. Пожалели милых зверушек. Мой скакун рычит угрожающе. Волки тоже обнажают клыки, но напасть не решаются, правильно оценив свои шансы. Мы расходимся, провожая друг друга взглядами.

Чем ближе к воротам, тем больше следов исхода. Дорога усеяна обрывками ткани, осколками и липкими пятнами крайне неприятного вида. Из канавы торчит разбитый комод - не знаю, кто и зачем додумался тащить его с собой этой ночью. Попадаете брошенная телега - на нее как будто наступил великан. Оси переломаны, борта раскурочены. Еду дальше. Распоротый тюк валяется на обочине; из него, как кишки, торчат несвежие тряпки.

Выбираюсь за городские ворота. Навстречу - всадник из Закатного Легиона. Он в шлеме, лица не видно - но мне почему-то кажется, что именно с ним я столкнулся позавчера, когда впервые подъехал к городу. Кажется, он тоже меня узнал.

- Авгур? Решил задержаться? - его голос звучит устало.

Пожимаю плечами.

- А ты? Здесь уже, кажется, нечего охранять.

- Мы ждем, - он кивает через плечо, где сгрудились другие всадники; наконечники копий светятся, как обычно. - Мы не знаем, с какой стороны появятся чужаки. Но мы их задержим, чтобы все успели уйти.

- Вас тут несколько сотен, - говорю я, - а у чужаков - огромная армия и железные звери, которые плюются огнем. Вряд ли вы их задержите.

Он смеется. Я прежде не знал, что легионеры это умеют.

- Не беспокойся за нас, авгур. У нас тоже найдется пара сюрпризов. Городской алхимик поднимает големов... Впрочем, тебя это не касается. Уезжай. Здесь скоро будет жарко.

Его слова заглушает далекий гром, хотя на небе нет ни единой тучи.

- Это они, - произносит всадник.

- Да, - говорю я. - Это они. Прощай...

...Я сворачиваю с разбитой дороги и еду через поле к спиральной башне. У меня осталось здесь последнее дело. Сейчас я снова позову гончих (мурен, как их называют в том мире). Пусть помогут легионерам. Чтобы пришельцы не чувствовали себя на прогулке.

Но одна из гончих получит задание поважнее.

Я рассказал черноликой правду. Но не всю правду. Я умолчал о том, чем все должно закончиться. А она не догадалась спросить - для этого черноликие слишком самоуверенны. Ну, что ж, тем хуже для них.

Теперь мне ясно, почему я смотрел глазами юного чужака, который будет жить здесь спустя полвека. Точку в этой истории должен поставить именно он.

У всех чужаков на руке клеймо, и у него оно тоже есть. Но не

обычное, а мерцающее. Юноша никак не может понять, что это означает. Пытается разобраться, в чем его миссия. Устал и запутался.

Я ему подскажу.

Гончая доставит ему послание. Не ведаю, в какой форме это произойдет. Может, он услышит голос с небес. Или на стене перед ним появятся горящие письма. Или ему придет обычный конверт по почте.

И тогда ему станет ясно, что он не колдун, не оборотень и не сумасшедший шаман. Он человек, один из своего поколения. Просто он видит то, на что остальные не обращают внимания. Видит, но еще не поверил. А ведь это совсем не сложно, суть можно выразить одной фразой. Всего-то и надо - сказать, что мир...

Глава 16

Рукопись обрывалась на полуслове. Дочитав до конца, Андрей отложил ее и задумался. Значит, что получается? Ведьмы покинули тот мир и перешли в наш. Решили, что здесь больше возможностей. Но кое-что о нашем мире они не знают - иначе вообще бы сюда не сунулись. Это 'кое-что' известно только авгуру, но тот развел конспирацию и ничего конкретно не написал. Разве что, намекнул, что тайна должна открыться Андрею. Он, Андрей, увидит некую суть, и все тогда станет ясно.

И как же ее увидеть?

Похоже, в практическом плане ничего не меняется. Надо идти в спиральную башню и там разбираться. Не зря же она до сих пор торчит на виду.

Михалыч зашел на кухню, сел за стол и сказал:

- Допрыгались...

- Это ты про телевизор? Что там еще?

- Минуты две заставка висела, потом переключились на студию. Сказали, оператора на площади ранили, и камера там разбилась. Потом, еще минут через пять, другой оператор успел подъехать. На Манежной - вообще песец. Из Думы тоже стреляют - хрен поймешь, кто там сейчас засел. Все окна выбиты, фасад закопченный. Толком рассмотреть не успел - опять картинка пропала. Теперь даже из студии в эфир не выходят. Прикрыли, похоже. А по остальным каналам - концерты, фильмы...

Седой открыл форточку и вытащил сигареты. Чиркнул спичкой - она сломалась. Он выругался сквозь зубы и взял другую. Спичка нехотя загорелась, но через полсекунды погасла, так что Михалыч даже не успел прикурить.

- Да что за херня, издеваются они, что ли?.. - хозяин швырнул коробок на стол. - И зажигалку куда-то сунул...

- Ладно, Михалыч, - сказал Андрей, - теперь я точно пошел.
- Бумажки не забудь.
- Эти, что ли? - он кивнул на конверт. - Мне они уже ни к чему. Можешь выбросить. Или почитать на досуге...

...'Питомник' оказался длинным трехэтажным строением, внешне похожим на обычную школу. Но рассмотреть его толком не удалось, вокруг торчали деревья. А подойти ближе было нельзя - территорию окружал железный забор. Возле калитки имелась будка с охранником.

Андрей присел на лавку через дорогу, радуясь, что сегодня обошлось без дождя, и попытался прикинуть, что надо делать дальше. Здание напротив ему не нравилось - в нем словно затаилась угроза. Чтобы окончательно разобраться, следовало, наверно, заглянуть в тусклый мир, но Андрей почему-то медлил. Впрочем, куковать тут до вечера он тоже не собирался. Лавка была хоть и не мокрая, но холодная, да и вообще погода не слишком напоминала курорт - градусов десять, а то и меньше.

Он сосредоточился, и 'татуировка' на руке зачесалась, но тут за забором наметилось оживление. Видимо, началась перемена, а может, занятия и вовсе закончились - во всяком случае, между деревьями появились студентки (или как их там в 'питомнике' называют). Кстати, сегодня, вроде, суббота, а они все равно пришли. Шестидневка у них, что ли? Энтузиастки, блин...

Барышни были, в основном, симпатичные, а некоторые - так и вообще секс-бомбы. Андрей не удивился бы, если бы оказалось, что внешность тоже играла роль при отборе. Кто их знает, этих интриганок с черными лозами.

Потом он увидел Ксюху.

Она шла в компании с двумя другим девчонками и была так увлечена разговором, что не смотрела по сторонам. Троица миновала калитку и, свернув направо, двинулась вдоль забора. Андрей пожалел, что он не фанат программы 'Сам себе режиссер' и по этой причине не имеет видеокамеры. Такую картинку стоило бы заснять. Девицы шли как по подиуму - одна в облегающих джинсах, другие в коротких юбках, - причем походка была такая, что костлявые столичные манекенщицы сдохли бы, наверно, от зависти. Насладившись этим зрелищем, Андрей встал, подошел к дороге и окликнул Ксюху по имени.

Она обернулась и пару секунд присматривалась к нему. Ее брови поползли вверх, но бывшая одноклассница быстро овладела собой и что-то тихо сказала спутницам. Те бегло оглядели Андрея (особого восторга он не заметил), кивнули и зацокали прочь, покачивая упругими бедрами. Оксана подошла ближе.

- Что ты здесь делаешь? - спросила она. - И что у тебя с лицом?

- Ну, вот, блин. Мало того, что меня не любят, так теперь еще и морда не нравится.

- Не паясничай, - Оксана поморщилась. - Зачем ты сюда пришел?

- Может, присядем?

Не дожидаясь ответа, он отошел к скамейке. Она посмотрела с сомнением, но все-таки последовала за ним и, придерживав юбку, аккуратно опустилась на краешек. Андрей ощутил, что его 'татуировка' слегка пульсирует, но внешних эффектов, как в их последнюю встречу, пока что не было. Да и Оксана вела себя в этот раз намного спокойнее. Видно, кое-чему уже научилась.

- Ну, что, - сказал он, - как грызется гранит науки?

Она неожиданно улыбнулась - правда, получилось довольно грустно.

- Андрей, ну зачем ты, а? Ты же не ребенок, все понимаешь...

- Я понимаю? - ему вдруг стало смешно. - Ксюша, ты меня переоценила. С тех пор, как школа закончилась, тыркаюсь как щенок. Может, ты меня просветишь? Ты же теперь продвинутая девчонка. Вот эта штука, хотя бы, что означает?

Он не стал задирать рукав, а просто постучал себя по предплечью.

- Я не знаю, - тихо сказала Ксюха. - Правда, Андрей, не знаю. Я спрашивала, но мне не ответили. Да и с какой радости, собственно говоря? Я тут учусь без года неделю.

- А чему ты учишься, кстати? Какие у вас предметы? Что в дипломе напишут?

Она опять нахмурилась.

- Андрей, прекрати. Я к тебе хорошо отношусь, но детство закончилось, неужели не ясно? Давай на этом поставим точку. Я замерзла, и вообще, меня ждут...

- Ксюша, помнишь, тогда, в подъезде, в последнюю ночь перед выпускным? Последняя фраза, что я от тебя услышал: 'Обещай, Сорокин, что никогда меня не забудешь'. Почему ты это сказала?

- Неважно, - она отвернулась, и он едва расслышал ее ответ. - Это все было в другой жизни. И с другими людьми.

Андрей взглянул на нее в последний раз и поднялся.

- Да, - сказал он, - не буду спорить.

Он опять подошел к автомобильной дороге и посмотрел на здание, стоящее на другой стороне. Пока он разговаривал с Ксюхой, студентки окончательно разбрелись (собственно, их оказалось не так уж много). Сейчас по асфальтовой тропинке, что

вела от крыльца к ограде, шагала дама постарше. Она не спешила, словно давала Андрею время собраться с мыслями. Зеленые глаза смотрели насмешливо, а на губах играла улыбка. Женщина открыла калитку, перешла дорогу и остановилась перед ним, покачиваясь на шпильках.

- Неважно выглядите, Андрей Сергеевич, - доверительно сообщила зеленоглазая ведьма. - Укатали сивку крутые горки?

- Мне наперебой об этом докладывают, можете не стараться. Зато вы, я смотрю, цветете. И студентки за вами тянутся.

- Ушам своим не верю, Андрей! Вы мне комплимент сделали? Это же колоссальный прогресс! Особенно если сравнивать с нашей последней встречей. Меня тогда чуть крышей вагона не придавило. Неужели вам стыдно не было?

- Представьте себе, нисколько. Разве что пожалел, что придавило не до конца. Ну, вас я про совесть даже не спрашиваю. Например, когда вертолет послали к автовокзалу.

- Давайте забудем мелкие разногласия, - она кокетливо провела носком сапога по асфальту, оттолкнув в сторону желтый лист. - А девочку вы за что? Вашу милую одноклассницу?

- Я с ней ничего не делал, - он даже не оглянулся на куклу, застывшую на скамейке. - И вообще, свою одноклассницу я не видел. Ее уже давно нет. А ту, что со мной сейчас говорила, я никогда не знал.

- Ну и ладно, - легко согласилась ведьма. - Знал, не знал - это уже не важно. Главное, что пришел. Или, может, не к ней, а лично ко мне?

Она вдруг шагнула ближе, прижалась бедром и, глядя на него снизу вверх, похлопала невинными глазками. 'Ну, наглая баба', - подумал Андрей с долей восхищения. Потом сказал:

- Послушай, давай не будем ерундой заниматься. Ты прекрасно знаешь, что вашим союзником я не стану. Но, раз ведешь себя настолько уверенно, значит, приготовила мне сюрприз. Причем, он будет посильнее московского вертолета. Я правильно понимаю?

- Ага.

Она и не думала отстраняться - наоборот, пристроилась так, что он, сам того не заметив, слегка ее приобнял. Наверно, со стороны они напоминали сейчас влюбленную пару. Прав был авгур - подобные игры доставляют ведьмочкам удовольствие независимо от конечного результата. То есть, даже если партнеру через минуту открутят голову. Тогда Андрей, чтобы не портить зря мизансцену, обхватил ее левой рукой за плечи и, наклонившись к уху, тихо сказал:

- Крутые вы телки, никто не спорит. Просто в нашем мире

еще не совсем освоились. И не всё успели понять. Поэтому и ошиблись.

- Правда? Вот ты мне и объясни, - с улыбкой промурлыкала ведьма.

- Вы ведь только недавно за пределы Эксклава вышли? Когда Союз развалился, правильно? До этого сидели тихо, как мышки - знали, что если пикните, вас раздавят. А теперь всем всё пофиг, вот вы и развернулись. 'Питомник' на болоте открыли, контору свою пытаетесь забабахать. Только до настоящей Конторы, которая с большой буквы, вам еще, как до Китая вприпрыжку. Те бы шоу с БЖРК не стали устраивать. Увидели бы, что я сотрудничать не хочу, сказали бы вежливо: 'До свидания'. А дальше - элементарно. Дождаться, пока я слегка расслаблюсь, да и пальнуть в затылок с соседней полки. Дешево и сердито. Короче, склонность к театральным эффектам вас подвела...

- Мы быстро учимся, - сказала зеленоглазая.

- Да уж, этого не отнять. Но дело не только в конкретных методах. Общую суть проблемы вы тоже не уловили...

Он говорил уже не столько для нее, сколько для себя самого, ощущая, как в голове все, наконец, раскладывается по полочкам. Словно учитель из анекдота, который так старательно разжевывал тему дебилам-ученикам, что даже сам, в конце концов, разобрался.

- ...вы узнали, что примерно раз в поколение на сцену здесь выходит мерцающий. И решили, опираясь на личный опыт, что это особо страшный колдун - ну, или что-то вроде того, термины ты лучше меня подберешь...

- Ну, почему же, у тебя замечательно получается, - она улыбалась по-прежнему безмятежно. - Сам посуди - деревья вокруг тебя увядают, железо ржавеет, все рассыпается. Колдун и есть, никуда не денешься. В вашем языке - наиболее подходящее слово. Так что не парься, милый.

- Да я и не парюсь, солнце, - сказал он, копируя ее интонацию. - Только не колдун я, уж извини.

- Ну, а кто же?

Она опять подняла на него глаза, и, вглядываясь в эту зеленую глубину, он, наконец, нашел недостающее слово - то самое, что описывало его осточертевшую миссию.

- Я фельдъегерь.

- Чего? - похоже, он сумел-таки ее удивить.

- Фельдъегерь. Курьер, везущий особо важную почту.

- Не понимаю.

- Я объясню.

Он вытащил из кармана джинсов прозрачный шарик, который

привез из родного города. Зажмурился по привычке, чтобы лучше сосредоточиться, и сунул шарик ведьме в ладошку.

- Что это? - спросила она.

- Это тебе письмо. С объяснениями.

Камешек, лежащий у нее на руке, вспыхнул багряным светом - и этот свет как будто впитался в кожу. Казалось, что вместо крови по жилам ведьмы потек золотой огонь. Это продолжалось всего секунду, заставив женщину вздрогнуть. Пламя отразилось в зеленых глазах-озерах; ее лицо исказилось, и ведьма закричала беззвучно, пытаясь отгородиться от пугающей простоты чужого для нее мира, но все-таки успела увидеть, чем все должно закончиться. Глаза ее закатились, и Андрей аккуратно опустил на траву обмякшее тело.

- Ну, извини, - сказал он. - Сам был в шоке, честное слово.

Оглядевшись, он заметил, что восприятие изменилось. Теперь казалось, что двор 'питомника' щедро залит мазутом, и черные жгуты, прорастая из этой лужи, тянутся к Андрею со всех сторон. Но, так и не получив команды, бестолково подрагивают и тычутся, словно слепые змеи.

- Отвалите, - буркнул Андрей, - займитесь лучше своей... дрессировщицей.

И, не оглядываясь, зашагал по улице прочь. Вчера, когда он разглядывал башню-скелет с балкона, ему показалось, что пешком туда не дойти. Но сейчас он видел, что конструкция торчит совсем рядом. Надо только пересечь новый микрорайон с панельными домами-многоэтажками и миновать обширный пустырь, который был еще не застроен. От силы, полчаса ходу.

Он шел вперед, и с каждой минутой башня вырастала в размерах.

Вокруг потемнело, как будто уже наступили сумерки, или опять началось затмение. Андрей поначалу принял эти эффекты за погружение в тусклый мир, но быстро сообразил, что все значительно проще.

Никакого тусклого мира нет - и не было никогда.

Раньше ему казалось, что во время 'нырка' восприятие искажается. На самом же деле, оно в такие моменты приходит в норму. словно отключается искусственная подсветка, мешавшая увидеть вещи по-настоящему.

Обычные люди этой способности лишены. Они смотрят вокруг, не замечая самого главного. Поэтому и приходит мерцающий.

Помнится, ведьма во время их предыдущей встречи провела интересную аналогию. Поезд, перед которым укладывают новую колею. Машинист путеукладчика регулярно получает

инструкции. Андрей спросил тогда - кто их пишет? Она ответила - есть, мол, в вагонах такие люди. Конечно, имела в виду себя, но это ее проблемы...

В тот раз он не понял - как можно, сидя в купе, увидеть, куда должен ехать поезд?

Зато теперь понимает. И, самое главное, знает, как доставить инструкцию.

Давай, фельдъегерь, осталось совсем немного.

Он шагал не спеша, разглядывая бетонные дома-муравейники. Сейчас, когда отключилось лишнее освещение, они напоминали многоэтажные склепы. В комнатах-усыпальницах мерцало мертвое пламя, и куклы неподвижно сидели перед экранами.

Мумии с клеймом на руке.

Он начал их видеть с первого дня, едва закончилась школа. На первых порах замечал только отдельные случаи, которые касались его ближайшего окружения. Раздолбай-одноклассник Вадик, потом Пашка, теперь вот еще Оксана. Кстати, еще за год до того, как у Андрея появился узор, обнаружился мертвяк в двенадцатой школе. Как такое могло случиться? Впрочем, мурены-гончие, например, от времени не зависят. Прыгают, куда захотят. Почему не предположить, что волны от Андреевых подвигов расходятся не только в будущее, но и в прошлое заодно? Были у него знакомые в двенадцатой школе? Вроде, да - еще по спартакиаде. Но точно вспомнить не получается - память стирает лишнее. Впрочем, уже не важно...

Мумиям кажется, что они продолжают жить. Надо сообщить им, что они заблуждаются. Для этого Андрей и направляется в башню. Войдет, а дальше разберется на месте. Храм авгуров подскажет, как сделать так, чтобы все услышали.

Пора ставить точку.

На асфальт опускались первые сухие снежинки.

Территория вокруг башни не была огорожена. Он просто подошел к огромной двери - метра два в ширину, а в высоту, наверное, все четыре - и остановился, чтобы собраться с духом. Потом провел ладонью по темной, слегка шершавой поверхности - твердое дерево, окованное железом. Легонько толкнул, и дверь отворилась совершенно беззвучно.

В холле, который размерами не уступал стадиону, не было ни окон, ни ламп. Свет появлялся неизвестно откуда и распределялся неравномерно. Он словно лип к скульптурам, расставленным по периметру. Впрочем, может, это были и не скульптуры вовсе, а анатомические пособия - вдоль стен через равные промежутки торчали белые скелеты мурен. Каждый из них

стоял вертикально, опираясь на хвост, и был слегка перекручен. Именно такой экспонат, похоже, вдохновил архитектора, который проектировал башню. Глазницы в черепах горели красноватым огнем, и Андрей готов был поспорить, что внутри - активные шарики. Рома полжизни бы, наверно, отдал, чтобы заняться здесь мародерством...

Напротив входа была широкая лестница, и Андрей, подойдя к ней, с сомнением поскреб подбородок. Сколько же займет путь наверх, если учесть высоту конструкции? Но делать нечего - придется идти. Лестница была винтовая - словно повторяла изгибы перекрученного хребта.

Ощущение было странное. Казалось, едва он делает шаг, ступеньки превращаются в эскалатор и начинают уносить его вверх - хотя он точно знал, что лестница неподвижна. Привыкнуть к этому эффекту он не успел; просто увидел вдруг, что выше уже подниматься некуда, а перед ним - еще одна дверь.

Горючий Зал не отличался эпическими размерами - по метражу он заведомо уступал иным чиновничьим кабинетам. Здесь не было мебели; только посередине торчало нечто, похожее то ли на пульт, то ли на алтарь. На нем помещался череп мурены. Андрей подумал, что излишней фантазией авгуры, судя по всему, не страдали.

Стены и потолок в первый момент показались ему стеклянными, но потом он понял, что их покрывают шарики - без единого просвета, словно мозаика. А потом Горючие Слезы начали оживать.

Они замерцали разноцветными искрами - как будто включились елочные гирлянды. Некоторые шарики разгорались сильнее, другие, наоборот, наполнялись угольной чернотой, и Андрей не сразу понял систему. А когда понял, у него перехватило дыхание - мозаика превратилась в карту звездного неба. И прямо перед ним висел цветок спиральной галактики с размытыми шлейфами-лепестками.

Несколько минут он стоял, забыв обо всем. Потом, наконец, встряхнулся и медленно приблизился к пульта, чувствуя себя капитаном звездного крейсера. Череп, правда, несколько смазывал впечатление. Андрей положил ладони на гладкие кости и постарался сосредоточиться. Мерцание звезд вокруг понемногу ослабло, и шарики опять превратились в бесцветные мутноватые стеклышки. Передняя же стена, повинувшись его желанию, стала совершенно прозрачной, а затем растаяла вовсе.

Андрей смотрел на Эксклав с фантастической высоты. Каким-то образом он мог охватить территорию одним взглядом, не утруждая себя поворотами головы. Тучи, скопившиеся внизу, тоже

никак ему не мешали, как будто их там и не было. Он не сомневался, что при желании рассмотрит каждую травинку в лесу и каждый булыжник возле дороги, заглянет в любой закуток 'питомника' или в подвал 'восьмерки', но не испытывал ни малейшего интереса. Он уже увидел здесь все, что могло повлиять на его решение. Ну, разве что, одно, последнее дело...

Используя неведомый зум, он приблизил к себе палату, где на койке, закрыв глаза, лежала девчонка с выцветшей 'паутиной'. Инга не приходила в сознание, и лицо ее было отрешенно-спокойным. Тонкое плечико виднелось из-под больничного одеяла. Чувствуя комок в горле, Андрей отвел взгляд и случайно заглянул на пост охраны у входа. Цербер сидел, уставившись в старенький телевизор. Там передавали концерт - эстрадная дива соблазнительно изгибалась, а на заднем плане виднелась новогодняя елка. Андрей удивился - получается, уже Новый Год? Опять, наверно, скакнул во времени...

Он присмотрелся, но изображение в телевизоре дергалось и двоилось - видно, антенна была плохая. Тогда он решил не ломать глаза, а просто вернулся в Горючий Зал и сделал так, чтобы стена перед ним превратилась в телеэкран. Получилось круто - картинка была объемная, а звук доносился как будто со всех сторон. Как в кинотеатре Dolby Surround, который так расхваливал Пашка, а Андрей не удосужился посетить.

Сначала на экране возникла светская львица Дарья Катценберг. Логотип канала Андрею был незнаком - видимо, что-то новое. Визгливым голосом Дарья рассуждала в том духе, что наступающее столетие будет очень удачным - хотя бы потому, что на ТВ наконец-то появилась она. И отныне счастливые телезрители будут видеть ее по несколько раз на дню, а количество лохов на голубом экране будет, наоборот, стремительно уменьшаться. Довольная львица скалилась, обнажая белые, как сахар, клыки, а по ее лицу ползли чернильные нити.

Переключив канал, Андрей увидел заставку: 'Новогоднее обращение президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина'. Гарант конституции изобразил улыбку и с неповторимой интонацией произнес: 'Дорогие россияне!' Борис Николаевич за последние месяцы явно сдал, темп речи ощутимо замедлился, но хмурить брови по-прежнему получалось неплохо.

- Признаюсь вам, - натужно скрипел гарант, - еще несколько месяцев назад я рассчитывал, что накануне Нового Года в последний раз обращусь к вам в качестве президента. Да, я сегодня хотел уйти. Уйти, чтобы передать власть сильному человеку, достойному быть главой государства. Но красно-

коричневые не позволили мне этого сделать. Спровоцировав парламентский кризис, едва не перешедший в войну, они не оставили мне возможности для цивилизованной смены власти. Я вынужден был распустить Госдуму, и теперь не могу оставить страну в такой тяжелый момент. Поэтому я принял решение. Я остаюсь. И сделаю все возможное, чтобы Россия никогда не вернулась в тоталитарное прошлое. Я и мои соратники обещаем - мы окончательно уничтожим коммунистическую заразу, которая не дает нам совершить рывок в прекрасное, богатое будущее...

Эх, подумал Андрей, Михалыча на вас нет. Тот бы вас поправил. Как он там объяснял? В том смысле, что дерьма-то раньше хватало, но еще имелась Мечта - именно так, с большой буквы. Вот только люди, сидящие в черных иномарках с мигалками, про нее не подозревают. У них для этого нет органов восприятия. А те, что имеются, позволяют, разве что, различить, в какой стороне кормушка.

Мечту вы похерили, а новой не появилось. А без нее - какое будущее, мать вашу за ногу? Впрочем, ясно какое - Дарья Катценберг в ударных дозах по телевизору и растущее поголовье лимузинов с мигалками, которые уже с трудом помещаются на московских проспектах. А лет через десять-двадцать подрастут такие, как Пашка, и примут, так сказать, эстафету. Тогда вообще - туши свет...

Пашка, да. А еще Рома, лысая тварь. И зеленоглазая ведьма. И сумасшедшая крыска из паспортного стола. Елки-палки, целая кунсткамера уже набралась с того момента, как закончилось детство. А ведь времени прошло всего ничего - не по календарю, а по его, Андрея, личному счету...

Да уж, взрослая жизнь. Получил клеймо на предплечье - и все, не рыпайся. Двигайся по предписанной колее...

Нет, ребята. Стоп. Этот поезд дальше не едет.

Забавно, а ведь он, помнится, смотрел передачу, где кто-то из многомудрых астрологов утверждал - все завершится в последние секунды тысячелетия. Надо же, угадал, стервец. Ну, иногда и палка стреляет...

Ельцин уже заканчивал говорить, и Андрей отключил экран. Стена опять обрела прозрачность, и теперь он, вопреки законам природы, видел перед собой не только Эксклав, но и всю шестую часть суши - целиком, вплоть до Тихого океана. Электрические костры городов мерцали в снежном безмолвии.

Андрей посмотрел на свое предплечье. Разноцветные тончайшие нити переплетались, и он подумал, что, если взять микроскоп, запастись терпением и пересчитать волокна, то их окажется примерно сто пятьдесят миллионов. Как и людей внизу -

тех, кому он принес послание.

Послание о том, что время этого мира вышло.

Он положил ладони на белый череп.

Башня вздрогнула и, вроде бы, слегка повернулась вокруг оси. Словно скелет мурены, скрученный в штопор, попробовал распрямиться.

Кости-этажи заскрипели.

И на фоне этого скрипа вдруг послышался еще один звук - настолько здесь неуместный, что Андрей не поверил своим ушам. Достав из кармана куртки пищавший сотовый телефон, он с недоумением уставился на него. Потом все же надавил на кнопку приема.

- Алло.

- Андрей? - спросил испуганный женский голос.

- Да, - сказал он. - А вы кто?

- Это Аня! Одноклассница твоя, помнишь?

Он не сразу сообразил. Спросил машинально:

- Как ты меня нашла?

- Мне твоя мама номер дала! Сама она так и не дозвонилась. Сеть перегружена, или что-то типа того. А я вот смогла, представляешь, как повезло? Как у тебя дела? Я соскучилась! Ты в отпуск не собираешься?..

Она трещала без перерыва, но он не слушал. Просто думал о том, что все-таки в его жизни были не только мумии. Еще были мама, Инга. И Анька - глупенькая спортсменка, которая приходила провожать его на вокзал.

И вообще, все могло бы быть по-другому. Если б не эти чертовы полосы на руке! Жил бы спокойно...

- Алло, Андрей, ты слышишь меня?..

- Слышу, Ань, просто тут иногда помехи...

- Я говорю, часы бьют! С Новым Годом тебя! Ой, я так рада, что дозвонилась! Я знала, что все получится! Помнишь, когда мы на перроне стояли, ты сказал: 'Не бойся, это еще не все?'

- Да, - сказал он. - Я помню.

Куранты пробили в последний раз, Горючие Слезы вспыхнули, и волна, пропитанная горьким полынным запахом, накрыла заснеженную страну.

Эпилог

;

Андрей проснулся посреди ночи и резко сел на постели. Несколько секунд бессмысленно таращился в темноту, потом вздохнул и откинул толстое одеяло. Ксюха пошевелилась и что-то недовольно пробурчала сквозь сон, но, к счастью, быстро утомилась.

Он нашарил мобильник и надавил на клавишу. Угол комнаты озарился призрачным светом. Часы на экране показывали 3:35.

Чертыхнувшись про себя, Андрей встал и побрел к окну. В комнате было прохладно, хотя обогреватель пахал на полную мощность. Андрей опасался, что проводка может не выдержать - радиатор был дешевый, китайского производства и жутко нагружал сеть. Но отключить его не поднималась рука. Уже неделю в Москве держался мороз, по ночам было минус двадцать, и чугунные батареи под окном не справлялись.

Кнопка на обогревателе светилась оранжевым, и этот огонек притягивал взгляд. У Андрея возникло чувство, что сейчас он вспомнит нечто безумно важное. Но шли минуты, а озарение так и не посетило.

Вроде бы, он только что видел какой-то красочный сон. Жаль, что все так быстро забылось. Сны он любил и с удовольствием перебирал подробности. Даже толкование иногда читал в интернете. Тайком от Ксюхи, чтобы не издевалась.

Глупо все это...

Андрей стоял и смотрел на улицу. Было темно и тихо. Оксана спала, повернувшись лицом к стене. К тридцати годам она располнела и уже ничем не напоминала ту хрупкую, изящную куколку, в которую Андрей без оглядки влюбился в школе. Со стороны они теперь смотрелись вполне комично - Ксюха-колобок и он, костлявый баскетболист. Впрочем, какой, нафиг, баскетбол - с института мяч в руках не держал...

Он почесал предплечье - кожа неприятно зудела - и ругнулся на комаров, но потом до него дошло, что комары зимой не летают. Поднял руку и оглядел ее в свете уличных фонарей. Ничего интересного, естественно, не увидел. Просто белая кожа между запястьем и локтем.

Молодой месяц висел на небе. Стекла машин у подъезда тускло блестели. Только 'жигуль', стоящий слева в ряду, был почти не виден под снегом - хозяин, похоже, не прикасался к нему давно. Андрей почувствовал привычное раздражение. Если зимой не едешь - отогнал бы в гараж. Какого хрена место во дворе занимаешь? И так парковаться нигде...

Андрей предпочел бы пользоваться метро, но до станции пешком не дойдешь. То есть, дойти-то можно, но очень уж далеко. Хоть до Новогиреево, хоть до Выхино - больше двух километров. Раньше с Ксюхой ездили на маршрутках, но торчать на остановках зимой - удовольствие ниже среднего. Разнылась - купи машину! Как же так, мол, в Москве живем, а без тачки - перед друзьями стыдно...

Денег тогда хватало, зарплата у обоих была приличная.

Думали - дальше будет вообще лафа. А кто не думал, блин? Весна, две тысячи восьмой год. Про кризис еще никто и не заикался. Настроение - лучше некуда. Андрей - так вообще в угаре. ЦСКА в баскетбол Евролигу выиграл, а 'Зенит' в футбол - Кубок УЕФА! И в хоккей наши круче всех! А потом и лето пришло, первенство Европы футбольное. Четвертьфинал с Голландией - это песня! Елки-палки, как же все заорали, когда Торбинский забил, а за ним Аршавин! А после игры всей толпой на улицу вышли - машины гудят, все флагами машут. Вперед, Россия, ёрш твою медь...

Тем летом казалось, что жизнь удалась без всяких вопросов. Еще и премию получил на работе - для полного счастья, как говорится. В общем, пошли, оформили кредит на 'форд-фокус'. Это при том, что ипотеку только недавно взяли. Ну, а фиг ли? Разве не заработаем? Море по колено, мы теперь москвичи. На, смотри прописку, если не веришь! Да, хорошее было время...

Андрей скривился. Равнодушно мерцали уличные огни. Квартира была на последнем этаже высотного дома. Эта двушка ему сразу понравилась, хотя Ксюха ворчала - мол, тесновато, и планировка тоже не очень. Но Андрей посмотрел из окна и сказал - берем. Хотелось бы, конечно, с видом на центр, но это уже, в сущности, блажь. Кремля отсюда все равно не увидишь, так что без разницы. Зато, вон, МКАД красиво смотрится с высоты. Четвертый час ночи, никаких пробок. Вот бы утром так на Рязанке.

Чего он проснулся, блин? Дрых всегда как сурок, пинками не поднимешь, а тут...

И голова тяжелая, хотя вроде и не пил ничего. С другой стороны - какого черта за компом сидел допоздна? Ладно бы, делом занимался, а то ведь фигней страдал. На форуме торчал, с кем-то гавкался - сразу и не вспомнишь, о чем. Потом френд-ленту листал. Интеллектуальное занятие, да.

Кстати, о френдах! Андрей невольно заулыбался. Анька Смирнова вдруг объявилась. Офигеть можно - не виделись с выпускного. Это сколько же лет прошло? Тогда девяносто девятый был, а сейчас двенадцатый на исходе. И все это время от нее - ни слуху, ни духу. А тут вдруг сообщение написала. Не в 'контакт', а в 'одноклассники', куда он уже сто лет не заглядывал. Тем лучше - Ксюха не просечет, у нее в 'одноклассниках' профиля вообще нет. Оксана у нас продвинутая, все больше на 'фейсбуке' тусуется, а с недавних пор еще и в 'май спэйс'. Лучше бы в спортзал заглянула, клуша.

И вообще, нафига он ее тогда в столицу сманил? Нехай бы дальше жила со своим Русланом в родном болоте...

А вот Анька отлично выглядит - даже, пожалуй, похорошела. Фотки есть на странице. Худенькая, стрижка прикольная. Спортom до сих пор занимается. А фамилия так и осталась - Смирнова. То есть, вроде, замужем была пару лет, но потом развелась и фамилию взяла прежнюю. И самое главное - тоже в Москве сейчас...

Андрей воровато оглянулся. Может, прямо завтра и позвонить? То есть, уже сегодня? Тем более, с работы раньше отпустить обещали. Сегодня суббота, у нормальных людей вообще выходной. Ну, так то - у нормальных...

Плохо, все же, когда начальник - дебил. А хуже всего, что никуда не уволишься. У других еще меньше платят, Андрей уже прозондировал. А просто так, в никуда уходить не хочется. Чертова ипотека висит как дамоклов меч. Тридцать лет выплачивать - это ж охренеть можно. В рабство проданся - такое иногда ощущение. Приковали к веслу - и давай, греби, никуда уже не свернешь. Спасибо, хоть клеймо не выггли на лбу. Или где его выжигают? На заднице? На руке?

Ладно, по субботам в офисе не так тяжко. Шефа на месте нет (он хоть и дебил, но не дурак же), работы тоже немного. Можно что-нибудь почитать в интернете. Например, про календарь майя. Вчера у нас было 21 декабря. Ага, та самая дата. Ну, и как они теперь объяснят, что день благополучно закончился, а конец света так и не наступил?

Ведь не наступил же?

Андрей для верности еще раз глянул в окно, зевнул и вернулся под одеяло.

КОНЕЦ